Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных
исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А

ПАРСИЕВА Л.К., ГАЦАЛОВА Л.Б.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Владикавказ 2012

ББК 8.1.

Парсиева Л.К., Гацалова Л.Б. Грамматические средства выражения эмотивности в языке. Монография. / Федеральное государственное бюджетное учреждение науки «Северо-Осетинский институт гуманитарных и социальных исследований им. В.И. Абаева ВНЦ РАН и Правительства РСО-А» – Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012.

ISBN

Рецензенты: доктор филологических наук **В.Т. Дзахова;**
кандидат филологических наук **Р.Р. Шанаева**

В монографии исследуется эмотивный потенциал грамматических средств языка, рассматриваются особенности функционирования грамматических средств выражения эмотивности, а также анализ их лексикографического описания и перевода с одного языка на другой.

Книга адресуется преподавателям словесности, научным работникам, аспирантам и студентам-филологам.

ISBN

© Парсиева Л.К. и Гацалова Л.Б.
© СОИГСИ, 2012

ВВЕДЕНИЕ

Вербальное выражение эмоций относится к одной из основных функций человеческой речи. Эмоциональные явления лежат в основе эмоциональных состояний и эмоциональных отношений различной интенсивности и составляют сферу эмоциональности человека. Как психологическая категория, эмоциональность характеризует содержание, качество и динамику его эмоций. Трансформируясь в тексте в лингвистическую категорию эмотивности, эмоциональность может выступать в качестве предмета и способа отражения.

Грамматические средства являются чрезвычайно важной частью эмотивных ресурсов языка. Они отличаются большим разнообразием и дают широкие возможности автору текста для передачи собственных эмоций или для изображения эмоций персонажей.

Рассмотрение текста с точки зрения эмотивных языковых средств не сводится только лишь к их поуровневому анализу. Восприятие эмотивности предполагает использование комплексного описания средств выражения эмоций, когда синтаксический анализ основывается на данных семантического и прагматического уровней, а семантический аспект изучения рассматривается с учетом особенностей лексики, фразеологии и грамматики определенного языка.

Объектом исследования являются грамматические средства выражения эмотивности в современном осетинском и русском языках.

Цель работы – изучение эмотивного потенциала грамматических средств современного осетинского языка, исследование особенностей функционирования грамматических средств выражения эмотивности, многоплановое комплексное описание эмотивов в осетинском языке; выявление функциональной дифференциации и семантического содержания эмотивов в художественных текстах и в разговорной, а также анализ их лексикографического описания и перевода с одного языка на другой.

Методологическая основа и методы исследования. Методологическую базу исследования составили концепции, представленные в трудах Л. В. Щербы, В. В. Виноградова, В. И. Шаховского, В. И Абаева, М. И. Исаева, Л. Б. Гацаловой, Л. К. Парсиевой и др.

Основными ***методами*** в настоящей работе являются:

– метод лингвистического описания (приёмы наблюдения, сопоставления, идентификации, дифференциации, типологизации исследуемого материала); – компаративный метод, позволяющий выявить сходства и различия ввыражения эмотивности в русском и осетинском языках;

– метод компонентного анализа, способствующий осмыслению семантической структуры интеръективизма;

– метод оппозиционного (парадигматического) анализа, позволяющий определить тождество и различие синонимичных знаков, их потенциальную способность употребляться в тождественной коммуникативной ситуации;

– метод дистрибутивного анализа, с помощью которого определяется вариативность ИЕ;

– также используются социолингвистический, психолингвистический и количественный методы.

При анализе прагматических значений и ситуативной семантики интеръективизмов использовался семантико-стилистический метод лингвистического анализа текста, направленный на определение тончайших смысловых оттенков эмотивных выражений в художественных, публицистических и драматургических текстах. При анализе примеров из живой разговорной речи – метод опроса информантов.

В рамках исследуемой темы проведен многоаспектный анализ грамматических средств выражения эмотивности в современном осетинском языке: изучено функционирование эмотивных грамматических единиц в устной и письменной формах речи; выявлены особенности эмотивных, когнитивно-эмотивных и эмотивно-побудительных высказываний с точки зрения функционально-коммуникативного подхода. Определена национально-культурная специфика эмотивных устойчивых сочетаний и фразеологизмов, подробно рассмотрены гендерно-возрастные особенности выражения эмотивности в речи.

Важным аспектом изучения эмотивного потенциала языка является межъязыковая коммуникация. Эмотивные единицы выполняют значимую функцию в художественном тексте для создания художественного образа, характеристики речи персонажа, в силу их экспрессивного потенциала и этнокультурной специфики. Данные особенности следует учитывать при переводе художественного текста, чтобы не нарушить авторский замысел, передать исторический и

национальный колорит, индивидуальный стиль автора и художественно-образное наполнение произведения. Поэтому особое внимание в работе уделяется переводу эмотивов и эмотивных образований, а также их лексикографической репрезентации.

Для получения объективных результатов в настоящем исследовании были решены следующие ***задачи:***

1) изучение современных концепций эмотивности, обоснование собственной позиции по ряду теоретических вопросов;

2) исследование функционирования грамматических средств выражения эмотивности в тексте;

3) систематизация грамматических средств выражения эмотивности в языке;

4) проведение многокомпонентного компаративного анализа эмотивов в осетинском языке;

5) классификация эмотивных грамматических средств по их функционально-семантическим особенностям;

6) изучение общих и специфических черт в использовании эмотивов в устной и письменной формах речи в осетинском языке;

7) выявление особенностей передачи эмотивов с одного языка на другой и определение наиболее адекватных способов перевода интерьекционных единиц с учетом их национальной специфики;

8) изучение лексикографической репрезентации эмотивных образований (ЭО) в русском и осетинском языках в словарях разных видов и разработка их словарного описания.

В настоящем исследовании проведен функционально-семантический анализ грамматических средств выражения эмотивности в осетинском языке. Для каждого эмотива рассматривались максимально возможные варианты значений, учитывалось влияние условий их употребления на изменение семантического содержания.

1. Отражение эмотивности в языке

На современном этапе развития языкознания общепризнанным является тесная взаимосвязь языка, мышления, психики и сознания. По мнению В. И. Шаховского, «языковое… выражение и ощущение эмоций невозможно без мыслительного опосредования», что проявляется в наличии в языке эмотивных знаков, «с помощью которых вербализуются эмоциональные отношения человека к миру» [Шаховский, 1983].

В исследованиях В. И. Шаховского обосновывается сущность эмотивного знака, эмотива с позиции психолингвистики. Отражение картины мира в человеческом сознании имеет интеллектуальную и аффективную сферы, так как эмоции неотделимы от сознания и мышления и тесно связаны с когнитивными процессами. «Эмоциональная сфера человека является отдельным пластом психического образа, который как бы надстраивается над познавательным и потому занимает положение между этим образом и внутренними психическими образованиями (потребностями, опытом и т.п.)» [Шаховский, 1983]. Когнитивные и эмоциональные

процессы взаимообусловлены: когниция вызывает эмоции, так как она эмоциогенна, а эмоции воздействуют на когницию, так как они вмешиваются во все уровня когнитивных процессов, независимо от их различий они являются главными параметрами способности человеческого ума, опыта с личностными и социальными аспектами. Они тесно взаимосвязаны в структуре личности: когнитивные процессы сопровождаются эмоциями, эмоции когнитивно осмысляются. Основой адекватного восприятия и употребления слова, в том числе и эмотива, в речевом общении является понятие.

Рассматривая взаимовлияние эмоций и когниции, он указывает, что во всевозможных коммуникативных ситуациях человек систематически входит в разные отношения с людьми и объектами мира, испытывая к ним определенные эмоции. На практике доказано, что эмоции и мысли способны воссоздаваться в сознании синхронно, так как эмоции и эмоциональная память, являются одной из подсистем сознания.

В современных исследованиях деятельность личности, ее сознание, мышление, эмоции (как часть ее психики) и язык социально и неразрывно взаимосвязаны. В. И. Шаховский подчеркивает, что языковое сознание и ощущение эмоций не может осуществляться без работы сознания: «Вербализованная эмоциональность носит осмысленный характер. Способность человека как языковой личности управлять вербальным выражением эмоций и пропускать их через ситуативные, социальные и др. фильтры в процессе коммуникации, и в зависимости от них, «упаковывать» одни и те же

эмоции в различные языковые формы или вообще не «пропускать» их в язык указывает на интеллектуальность коммуникативной эмоциональности» [Шаховский, 1983: 309]. Вопрос трактовки когнитивных особенностей и концептуальной соотнесенности эмотивных единиц остается открытым для дискуссий, что объясняется различным пониманием и разнообразием подходов к изучению данного феномена.

Эмотивный языковой фонд постоянно пополняется в процессе интерьективации. Выделяются эмотивы, образованные от имен существительных, имен прилагательных, глаголов, наречий, частиц, звукоподражательных слов, устойчивых сочетаний. Переход слов из одной части речи в другую наблюдается в языке неизменно постоянно. Слова, используемые в качестве эмотивов, могут употребляться также и в своем исходном значении. В. Т. Косов рассматривает это как процесс распада слова на омонимы: знаменательное слово с прежним лексическим значением и эмотив с новым лексическим значением – выражение эмоций или волеизъявления [Косов 1963: 21].

Основной областью использования эмотивов является разговорная речь, где структурная и семантическая аморфность лингвистических единиц возмещается естественной ситуативностью речи. Другой сферой активного употребления интерьекционных единиц является художественная литература, в которой авторская речь, речь героев и персонажей, ориентирована на разговорную речь. Эмотивные единицы усиливают экспрессивность речи персонажа, делая ее запоминающейся, узнаваемой, способствует раскрытию

образа персонажа путем детализации его эмотивно-психологической сферы. Конвенциональный, закрепленный в словарях характер значения некоторых эмотивных единиц позволяет им выступать в качестве речевых социолингвистических маркеров, тем самым, способствуя типизации персонажей по тому или иному социолингвистическому признаку. Нередко эту роль выполняют эмотивные единицы, носящие эвфемистический характер [Хван, 2005].

Рассмотрим употребление эмотивов в художественном диалоге и устной разговорной речи.

Субстантивные эмотивные единицы

В русском языке большое количество эмотивов образовано от вокативных форм имен существительных: *батюшки, Боже, Господи, мама, мамочки, матушки и* др.

Переходу вокативов в интеръективизмы способствовала в первую очередь утрата именами существительными вследствие исторического развития русского языка звательной формы. Эта утрата привела к отсутствию у застывших эмоционально окрашенных звательных форм омонимов в системе форм имени существительного, что ускорило процесс десемантизации, начавшийся при архаизации данных понятий [Середа, 2005].

В русском языке, в результате произошедших в России на рубеже XIX-XX вв. известных социально-исторических процессов, существенно сузилась область употребления таких слов, как «Бог», «Господь», «матушка» и «батюшка». Они стали использоваться преимущественно внутри цер-

ковного общения: первые два – как сакральные слова, последние – как обозначения супружеской четы священнослужителей, причем первые два понятия насильственно выводилось из словарного запаса русского языка. Ограничение лексического значения и усиление роли эмоционально-экспрессивной характеристики со временем привело к полной десемантизации таких слов, как «Боже!», «Господи!», «Матушки!», «Батюшки!» [Середа, 2005].

В речи встречается как отдельно, так и с расширением: батюшки мои, батюшки-святы, батюшки родимые и т.д.

Например:

Он…глянул в окно и ахнул:

– Весна-а!… Батюшки, тра-авка! А земля-то, земля! В чаду вся! Преет!

(В. Астафьев. Пастух и пастушка).

Человек внезапно насторожился весь, глаз беспокойно бегал… «Батюшки мои! не соврал ли я, не смеются ли надо мною», – казалось, говорил этот уторопленный взгляд…

(И. Тургенев. Ася).

В данном примере «батюшки мои» выражает беспокойство, в нижеследующих – удивление.

«Батюшки мои!» Да как было и не удивляться, когда пыльной Сосновской улицей двигался джентльмен английской выпечки…

(В. Липатов. И это все о нем…)

– Батюшки мои! – ахнул дед, разглядевши хорошенько: что за чудища! рожи на рожи, как говорится, не видно

(Н. Гоголь. Пропавшая грамота).

Следует отметить, что встречается различное написание данного интеръективизма, с расширением светы/святы:

– В кухне из-под кровати человеческие ноги торчат. Ухватился за них, тяну. Батюшки-светы, как завизжит кто-то под кроватью на поросячий манер!

(М. Шолохов. Поднятая целина).

В два прыжка вымахнул я на крыльцо, распахнул дверь в куть. Батюшки-святы, что тут делается! Народу полна изба!

(В. Астафьев. Осенние грусти и радости).

– Батюшки родимые!.. Одна вода кругом… Едем мы без дороги, по колено в воде, по озерам…

(А. Толстой. Детство Никиты).

В художественных текстах также встречаем употребление ИЕ отцы святители, святители угодники, святые угодники для выражения испуга, изумления, раздражения, например:

– Батюшки мои, это я вместо водки керосину выпил! – ужаснулся он. – Святители угодники!

(А. Чехов. Неосторожность).

В данном примере эмоциональное состояние персонажа передается с помощью единиц *батюшки мои* и *святители угодники,* образованных от вокативов.

– Святые угодники, – да ведь я своей смертью с вами не помру! Кто тебе позволил? Сейчас же перестань! Не дорос еще отцовским топором махать

(П. Проскурин. Полуденные сны).

Такое же частотное употребление в художественной литературе имеют ИЕ образованные от существительного мать: матушки, мать моя, мать честная и т.п.

Например, выражение удивления, внезапной догадки:

Парень хотел было слово молвить, вдруг его как по затылку стукнуло.

– Мать ты моя, да ведь это сама Хозяйка!

(П. Бажов. Медной горы хозяйка).

Дверь отворилась, и здравствуйте… гляжу –мать царица! – входят к нам в комнату хозяин с хозяйкой и три работника

(А. Чехов).

В данном случае эмотив передает удивление от неожиданной встречи.

Пошли в сад. Доктор шел впереди всех и говорил восторженно:

– Вот так воздух! Мать честная, вот так воздух!

(А. Чехов. Моя жизнь).

В вышеприведенном примере интеръекционная единица выражает восторг, восхищение. В зависимости от речевой ситуации с помощью данной ИЕ передается изумление, испуг, неодобрение, порицание:

– Так, значит, уходим? – Следнев заторопился и, взглянув на часы, по своей обычной привычке присвистнул: – Мать честная! В этакое время в дом ввалиться!

(Л. Обухова. Заноза).

Нередко в художественном тексте функционирует ИЕ мама, мама родная, мамочки мои и др. С целью усиления выражения степени эмоционального состояния говорящего, производный ИЕ употребляется с непроизводным: ай, ой, ах ты и др.

Например, выражение испуга, ужаса:

А барышня, пассажирка, встала на цыпочки, растопырила пальцы, машет руками, точно лететь собралась, кричит:

– Ай, мама!

Ну, я обернулся и вижу – действительно «мама»! Удав, понимаете, залез в парашют, огромный удав, метров в тридцать

(А. Некрасов. Приключения капитана Врунгеля).

И откуда, хотелось бы знать, здесь взялась эта тряпочка?.. Ой! – страшная догадка вдруг осенила Пятачка. – Мама! Мамочка!»

(А. Милн. Винни-Пух и все-все-все. Перевод Б. Заходера).

Санька одурела: надо было стыдиться, она же, как безумная уставила дышащие зрачки на жениха. Вдруг вздохнула – и шепотом: «Ой, мама родная…»

(А. Толстой. Петр Первый).

Левкина сунула верхний снимок подруге:

– Любуйся!

Наташа машинально посмотрела на карточку и взвизгнула:

– Ой, мама!

Ей было от чего испугаться. Фотография запечатлела Машу, но в каком виде!

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

Для выражения удивления, изумления с семантическим компонентом неожиданности также употребляется ИЕ мама, например:

Очень довольная тем, что хоть заочно сумела догово-

риться с Левкиной о встрече, я вернулась в ванную, глянула на себя в зеркало.

– Мама! – невольно вырвалось у меня.

Теперь коричневый тон кожи на лице где то потемнел, а где то посветлел. Я стала похожа на собаку породы далматин.

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

Следует отметить, что в устной речи наиболее часто встречается употребление эмотивной единицы мама, мамочка (мамочки) и т.п.

– Ой, мамочки! Что я сегодня узнала, не поверите, если расскажу…

– Мама дорогая! что у тебя тут такое случилось без нас? рассказывай уже!..

– Ой, ну, заинтриговала, давай уже, колись!..

В данном примере, записанном нами из разговора трех подруг-студенток, «ой, мамочки» выражает сильное эмоциональное возбуждение, изумление, «мама дорогая» употребляется в роли эмоционального элемента, передающего экспрессивную окраску и выражающего значение удивления, интерес к ожидаемой информации, то есть в обоих случаях описываемые единицы являются эмотивами. Данные ИЕ в устной разговорной речи могут выражать самый различный спектр эмоций: испуг, радость, восторг, удивление, иронию, недовольство, возмущение и т.д. В русском языке одними из наиболее частотных интерьективизмов, образованных от вокативных имен существительных являются ИЕ «Господи!», «боже», «боже ты мой» и т.д. Эти выражения давно

приобрели функцию выражения эмоций и эмоционально-оценочного отношения к происходящему. Следует отметить, что до настоящего времени нет однозначного мнения о том, являются ли эти выражения обращением к высшим силам с целью получения помощи, силы, удачи, защиты или представляют собой выражение эмоционально-экспрессивного отношения к речевой ситуации, так как определить их семантическое наполнение бывает достаточно сложно.

Например, выражение недовольства, возмущения, гнева:

…На двери флигеля было написано: ДОМОВОЙ. Рука Короткова уже протянулась к кнопке, как глаза его прочитали: по случаю смерти свидетельства не выдаются.

– *Ах ты Господи,* – досадливо воскликнул Коротков, – что же это за неудачи на каждом шагу

(Булгаков. Дьяволиада).

– Привязалась к старику, дуреха! Он по своей стариковской надобности, а она… *тьфу, Господи,* да и глупая!

(Шолохов. Тихий Дон).

– *Господи, владыко!* – простонал мой Савельич. – Заячий тулуп почти новешенький! и добро бы кому, а то пьянице оголтелому!

(А. Пушкин. Капитанская дочка).

Нет, ответь, ты любишь меня?

– Точно.

– Что «точно»? Неужели трудно сказать жене: «Милая, я тебя обожаю, ты самая лучшая»?

– *О господи…* – прошипел Куприн. – Между прочим, я нахожусь на работе. Нельзя же быть такой дурой!

– Значит, сидя на службе, обозвать супругу дурой можно, а произнести вслух слова любви никак? – возмутилась я. – Мне не хватает твоего внимания!

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

Удивление, возмущение, недовольство, упрек также нередко выражаются с помощью данных ИЕ:

– *Господи, боже мой!* никак колокольчик? – сказала она и бросилась к балкону.

(И. Гончаров. Обыкновенная история).

В данном примере сложное эмоциональное состояние персонажа, испытывающего одновременно несколько эмоций, передается с помощью использования ИЕ *господи, боже мой*, например:

– *Боже мой!* – закричала Марья Гавриловна, – и вы не знаете, что сделалось с бедной вашей женою?

(А. Пушкин. Метель.)

Ф а м у с о в. Моя судьба еще ли не плачевна?

Ах! Боже мой! Что станет

говорить

Княгиня Марья Алексевна!

(А. Грибоедов. Горе от ума).

Хорошо помню, как прошлой зимой, придя домой, Олег со стоном сообщил:

– *Боже!* Ну, почему народ у нас такой странный? Все видели машину и то, что у нее имелось четыре колеса. Но на этом одинаковые показания заканчиваются. Далее следует бред. На дороге стояли: «Жигули», «Волга», «Мерседес», «Вольво», «Ока». Цвет: черный, серый, синий, зеленый, голубой…

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

Выражение радости, восторга, удивления:

– *Боже мой!* Сегодня утором проснулась, увидела массу света, увидела весну, и радость заволновалась в моей душе, захотелось на родину страстно

(А. Чехов. Три сестры).

И вот я сижу перед ней, – подумал я, – я с ней познакомился… какое счастье, *боже мой!*

(И. Тургенев. Первая любовь).

Боже праведный! Что за угрюмое, босое лицо взглянуло на меня из зеркала! Я не хотел верить своим глазам!

(А. Куприн. Как я был актером).

Значительное количество эмотивов образовано от существительного *«черт». У*потребление данного слова в качестве обращения русском языке всегда было ограничено, табуировано из религиозных побуждений, поэтому в письменных источниках не зафиксировано употребление маркированной формы вокатива этого слова со специфической флексией -е (черте). В современном русском языке это слово преимущественно используется в роли междометия [Середа, 2005].

При употреблении в речи слово *черт* выражает недовольство, раздражение, досаду, удивление, значительно реже – восхищение, радость.

Например, выражение удивления:

– О, хороший закон – это великая вещь! И у нас есть суровые законы, но они нам полезны, и мы их уважаем…

– *Черт!* Что он говорит! – смеясь, Петр опрокинул высокий кубок на птичьей ножке. – Поговорил бы он так в

Кремле… Слышь, Франц, обморок бы их там хватил…

(А. Толстой. Петр Первый).

Трясущимися руками я вытащила из сумочки паспорт и шмякнула его на стол.

– Смотрите!

Безукоризненно чистыми пальцами с отполированными ногтями Илья Германович перелистнул странички и воскликнул:

– *О черт!* Пардон, случайно с языка слетело.

– Я что, так ужасно смотрюсь? На седьмой десяток?

– Ну… э… нет… э… Меня ввели в заблуждение грыжи.

– Понятно.

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

Наиболее частотным является использование данного интерьективизма для выражения эмоциональных состояний гнева, раздражения, неудовольствия:

– Говори: где Федор? Был он у тебя ночью?

– Нет.

– А ну веди в шалаш!

Вошли – отец впереди, почерневший Митька сзади. Вдруг что-то зашелестело.

– *Ах ты черт!* – выругался отец и остервенело посмотрел на Митьку

(М. Шолохов. Бахчевник).

– Расьоль! – прервал Суворов готовые сорваться у француза с языка излияния. У вас что-то под глазом?

– Это? *Ух, черт,* болит!.. Это – кровавый знак страсти. Ну и взбучку она мне устроила, я вам доложу!..

(А. Черчесов. Вилла Бель-Летра).

Выражение восхищения, радости:

– *Ч-черт!* – шепчет мой приказчик с завистью и восхищением. – Здорово заливает глаза мужику! Учись! Учись! Учись!

(М. Горький. В людях).

В значении недовольства, досады, возмущения, негодования обычно выступает ИЕ *дьявол.* Данный интерьективизм является менее употребляемым, чем *черт,* но в речи выполняет ту же функцию. Например:

– *О, дьявол!* – выругался Илья, оступившись в какую-то яму, полную грязи и снега…

(М. Горький. Трое).

– Бум! Бах! Тарарах! – донеслось со стороны базы.

– *О, дьявол!* – пробормотал Фокин. – Это еще зачем?

(Стругацкие. Полдень XXII век).

– Куда тебя несет, *дьявол!* Не видишь разве, что едешь на людей!.. – услышал Бобров впереди грубый окрик

(А. Куприн. Молох).

Такую же семантическую нагрузку имеет слово *дьявольщина:*

– *Дьявольщина!* – заорал в темноте Фокин. – Кто здесь?

(Стругацкие. Полдень XXII век).

Существенным источником пополнения интерьективизмов являются оценочно-характеризующие существительные: беда, вздор, ужас, крышка, конец, смерть и т.п.

Например, ИЕ используется в речи для выражения разочарования, досады:

– Только жена у него из русских, – такая-то собака, что не приведи бог. Грабит народ. *Беда.*

(Л. Толстой. Воскресение).

З а б е л и н. И вы явились меня просветить?

Р ы б а к о в. А что же вы думали? Конечно!

Забелин (хохочет). *Беда…*

(Н. Погодин. Кремлевские куранты).

Этот же эмотив может передавать восхищение, гордость, самолюбование:

В а с я. Какой у меня, дядюшка Аристарх, характер! *Беда!* Тоже в обиду не дадимся

(Островский. Горячее сердце).

При выражении категорического отрицания, несогласия с оттенком возмущения употребляется ИЕ *вздор*:

– Позвольте с вами не рассчитаться, – проскулил убитый Степа и стал искать бумажник.

– *Вздор!* – воскликнул гастролер…

(М. Булгаков. Мастер и Маргарита).

– *Вздор!* – крикнул Иван Федорович почти в исступлении. – Дмитрий не пойдет грабить деньги, да еще убивать при этом отца.

(Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

К о ч к а р е в. Жениться ведь вздумал?

П о д к о л е с и н. *Вот вздор:* совсем и не думал

(Н. Гоголь. Женитьба).

Изумление, негодование, испуг, негативная оценка может быть выражена интерьективизмами *жуть, чушь:*

– Видал, как туда тянули снаряды и прочее?

– Видал.

– А, к примеру, ежели их поджечь, что оно получится? Дед Александр толкнул Петьку локтем в бок, улыбнулся: – *Жуть!*

(М. Шолохов. Путь-дорожка).

– По-моему, ты вроде был к ней неравнодушен, а?

– *Чу-ушь!* – ответил Владимир презрительно

(Ю. Бондарев. Выбор).

ИЕ *кошмар* часто употребляется как в устной, так и в письменной речи. Выступает в значении негодования, удивления, недовольства, например:

Дальше говорить было невозможно. Все повскакали с мест. Все кричали….молоденькая учительница английского языка… сложила накрашенные губы в гримасу, которая как бы говорила: «*Кошмар!* И это в присутствии учителя!»

(А. Кузнецова. Земной поклон).

– А мне Витьку из садика брать, после семи не держат. Дома обеда нет – *кошмар!*

(И. Грекова. Кафедра).

В зависимости от речевой ситуации, интонации оно может передавать ироническое отношение к чему-либо:

– Ты представляешь, он меня не дождался…

– *Кошмар*, ты ведь всего на два часа опоздала!

Контекст, речевая ситуация является определяющей для семантического содержания эмотивной единицы. Так, слово *красота* может выражать одобрение, восхищение, радость:

– Давно? – картавя, тараторила Иринка. – Только что? Вот *красота!*.. А мы тебя через неделю ждали!

(Мальцев. От всего сердца).

– Вчера закрыла сессию досрочно, уже и в зачетку все оценки поставили! *Красота!*

Этим же интерьективизмом выражается негативная оценка, ирония, недовольство, возмущение:

– Видела вчера твоего дружка – *красота!* еле на ногах стоит, шатается, перегаром от него за километр несет…

– Ну что обвели тебя вокруг пальца? *Красота!*

Восторг, изумление может передавать ИЕ *чудо:*

– Вам правда понравилась пантомима? – улыбнулась она Цветухину.

– Очень. Я в восторге от корсара… Как он сыграл! *Чудо!*

(К. Федин. Первые радости).

Восторг, восхищение может быть передано с помощью интерьективизма *фантастика*:

– Сегодня нас возили на экскурсию в горы. Мы отдохнули, повеселились, *фантастика!*

В зависимости от контекста, интонации, с которой произносится интерьекционная единица, это же ИЕ может передавать удивление, недовольство:

– Ну, что, как успехи?

– Никак…

– Ну, что ты получил сегодня?

– Не сдал, теперь только после сессии…

– *Фантастика!* А говорил, что все знаешь…

Мои родители соблюдали очередность: одно письмо – от отца, другое – от мамы, одно – от отца, другое – от мамы… порядок ни разу не нарушался…

– *Фантастика!* – сказала однажды бабушка. – Хоть бы раз перепутали очередь!

(А. Алексин. А тем временем где-то…)

При выражении одобрения, согласия употребляется ИЕ *дело, дела,* часто в сочетании со словами *во, вот так, вот это*... и т. д.

Г л у м о в. тоб со стороны не подумали чего дурного, ведь люди злы, вы меня познакомьте с Турусиной…

М а м а е в. Вот, вот, вот. *Дело, дело!*

(А. Островский. На всякого мудреца довольно простоты).

– Эй, товарищи! Да ты к хозяйке присуседился. Знать, не нужна тебе водка, а нужна молодка, *дело,* брат, *дело!..*

(А. Пушкин. Борис Годунов).

– Вот если б, например, с тобой у нас

Такая дружба завелась:

Скажу я смело, мы б и не видели,

Как время бы летело.

– А как же? *Это дело!*

(А. Крылов. Собачья дружба).

Для выражения удивления, изумления нередко употребляется интеръективизм *дела*:

– *Ну и дела*... Ай да наш тихоня Кеша… – изумился Иван Иванович Заграничный

(Е. Евтушенко. Ягодные места).

В этом же значении употребляется в нижеприведенных примерах ИЕ *во дела!* Следует отметить, что наблюдается различное оформление данного интеръективизма знаками препинания.

– Ищу, ищу – никак не могу найти… Вот тут где-то была! Пошел в Грешнево, где, говорю, Козловка стояла? У стариков спрашиваю, а они тоже ничего не знают. *Во дела!* Я говорю, как же так?! Козловкий не знаете?!

(Г. Семенов. Реквием).

– Все твои сверстники – люди! А ты, любимый ученичок – кандидат в дураки! И так и сгниёшь где-нибудь в тайге…

– *Во! Дела!* Сбесилась!

(Ю. Сбитнев. Костер в белой ночи).

Одним из наиболее часто употребляемых в устной и письменной речи является интеръекционная единица *ужас!* Интересно заметить, что это слово в качестве эмотивного образования способно выражать самый широкий спектр эмоций. В зависимости от речевой ситуации оно может сочетать в себе признаки когнитивного и эмотивного интеръективизма – отражать состояние сознания и мыслей говорящего и одновременно передавать его эмоции.

Например, выражение изумления, негодования, возмущения:

Сегодня двоюродную сестру мою Сашу встретила! *Ужас!* И она погибнет, бедная!

(Ф. Достоевский. Бедные люди).

– А говоришь ты как? *Ужас!* Вместо кваритира – фатера, вместо эвакуироваться – экуироваться, вместо как будто – кубыть…

(М. Шолохов. Тихий Дон).

Курящие дети! *Ужас!!* Я обрушила на головы мальчиков все свои громы и молнии…

(И. Грекова. Кафедра).

В разговорной речи этот же интерьективизм довольно часто используется для выражения положительных эмоций: радости, удовольствия, восхищения и т.д. По имеющемуся у нас лингвистическому материалу, можно утверждать, что наиболее активно это слово для выражения эмоционального состояния и оценки употребляется в речи женщин. Выступает как ответная реакция на вербальный или невербальный стимул. Рассмотрим некоторые примеры:

– Девчонки! *Ужа-ас!* Они сегодня приезжают!!! *Ужа-ас!*

В приведенном примере, описываемая ИЕ передает радость, восторженное состояние субъекта, что сановится понятным лишь благодаря соответствующей интонации, жестам мимике. В зависимости от речевой ситуации данное выражение может передавать беспокойство, тревогу, досаду и т.п.

– *Ужа-а-ас!!!* Какая красота, я и представить не могла, что здесь все вокруг та-ак!

– Ну, ты и фигурку себе сбацала, *ужас!* Как тебе так быстро это удалось!?

В данных примерах восхищение передается эмотивом и соответствующим контекстом.

Негативную оценку, недовольство, возмущение передает интерьективизм *холера*. По имеющемуся у нас лингвистическому материалу, можно отметить, что данное слово в качестве ИЕ чаще используется в речи представителей старшего и среднего поколения, употребляется как реакция на высказывание собеседника, собственную мысль или действие.

– Забрал он у меня всю мою пенсию, вот сижу теперь без копеечки…

– *Холера!* Так зачем ты его это… вообще в дом пустила?..

– Чем-то горелым пахнет…

– *Холера!* Пирог, наверно, пригорел!..

Отрицание, несогласие, отказ в сочетании с возмущением выражается ИЕ *дудки:*

– … правительство еще продолжает по старой привычке коситься на общественные организации, но уже ясно, что без нас ему теперь не обойтись. *Дудки-с!*

(А. Толстой. Хождение по мукам).

– А оправдывать то, чего не понимаешь, да еще служить этому, – *дудки!*

(Гранин. Иду на грозу).

– А все-таки мы тебя вылечим!

– Ну, это *дудки*

(И. Тургенев. Отцы и дети).

Подтверждение чего-либо, согласие выражается ИЕ *факт*. Имеет употребление в качестве ответной реакции на вербальный или невербальный стимул, встречается как в устной, так и в письменной речи. Например:

– Горькие слова ты мне наговорил, но насквозь правильные*, факт!* Только ради бога, не думай, что я – безнадежный!

(М. Шолохов. Поднятая целина).

– Я уже говорил и ему, и Разметнову, повторю и тебе: плохо вы ведете работу по вовлечению в партию хороших колхозников, преданных нашему делу людей. Очень плохо! А хорошие ребята в колхозе есть, согласен?

– *Факт!*

– В чем же дело?

(М. Шолохов. Поднятая целина).

– Ну, признайся теперь, что дура была, – сказала Ася.

– *Факт,* – согласилась Люда.

(И. Грекова. Кафедра).

– Я командир или нет? Командир я, спрашиваю?

– *Факт!* – спокойно согласился Чубук

(А. Гайдар. Школа).

Выражение согласия передает интерьективизм *добро (ну, добро):*

– *Добро!* – сказал он ей после некоторого молчания, – жди себе кого хочешь в избавители, а покамест сиди в этой комнате

(А. Пушкин. Дубровский).

– *Добро,* – сказал князь, когда выслушал он

Улики царьградского мниха,

– Тобою, отец, я теперь убежден

(А. Толстой. Песня о походе Владимира на Корсунь).

– *Добро,* – сказала комендантша, – так и быть, отправим Машу

(А. Пушкин. Капитанская дочка).

Несогласие, отказ, возражение, с оттенком досады выражают ИЕ *фиг, фигушку, кукиш, шиш,* выступающие в речи как реакция слушающего на определенную речевую ситуацию, вербальный стимул. Сопровождается характерным жестом. Например:

– Эге, нет! Ко мне с подозрением, а я распахиваться

должна? Меня обводят вокруг пальца, а я осторожности не соблюдай? *Фигушку!*

(Н. Воронов. Макушка лета).

– Ну, давай, извиняйся, я готов…

– *Шиш,* не дождешься!

В молодежной речи, на основе оценочно-характеризующих имен существительных образуются окказиональные эмотивные неологизмы: *абзац, писец, копец, кранты.*

Е. В. Середа указывает, что данные эмотивные единицы появились в речи как эвфемизмы, заменяющие неприличные слова из лексики, находящейся за пределами литературного языка и потому не имеющей права на широкое и гласное употребление. Такие узко ограниченные слова неприемлемы для молодежной лексики, так как вся она рассчитана на внедрение в активный запас всего современного русского языка. По значению эти эмотивы синонимичны непервообразным эмоциональным интерьективам, передающим оценочно-интеллектуальные значения, *конец, ужас, кошмар* и отличаются от них пейоративным (уничижительным) оттенком значения. Процесс эвфемизации при образовании эмотивов в молодежной лексике тесно связан с обратным процессом – процессом дисфемизации – заменой нейтрального в эмоциональном и стилистическом отношении слова более грубым, пренебрежительным и т.п. Любая замена грубого, непристойного слова не ограничивается полным устранением этого слова из лексикона – создается новое слово, по звучанию схожее с устраняемым оригиналом, для этого либо просто берется фонетически сходная лексема,

либо видоизменяются под «оригинал», имеющиеся в языке эмоциональные синонимы или синонимичные по значению оценочно-характеризующие имена существительные, находящиеся в зоне ближней периферии эмотивной системы – *копец (*из *конец), кранты (*из *крах)* [Середа, 2000].

Эмоционально-нейтральные слова или выражения, используемые вместо синонимичных слов или выражений, представляющихся говорящему грубыми или некорректными, имеют частотное употребление в устной речи, могут выражать разнообразные эмоции, в зависимости от интонации, мимики, жестикуляции говорящего, а также контекста. Одним из наиболее употребляемых в настоящее время является эмотив *блин*. Следует отметить, что данный интерьективизм очень активно используется в речи представителями различных возрастных групп как мужчинами, так и женщинами. В устной речи может иметь разнообразные значения, передавать противоположные эмоции.

Например, выражение припоминания, понимания чего-либо в сочетании с досадой:

– *Блин!* мобильник забыл, подожди, сбегаю за ним…

В приведенном примере междометие используется в качестве реакции на собственную мысль.

Неожиданно задремала, а когда открыла глаза и глянула на часы, те показывали начало второго.

С воплем: *«Блин!»* – вылетела из квартиры и вскочила в лифт, где стояла я, желавшая выйти. Поругавшись со мной, девушка доехала до нужного этажа.

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

Выражение, недовольства, досады:

– Сегодня он не принимает, неприёмный день у него, ты завтра приходи…

– Во, *блин,* зря тащилась только…

Эмоциональное состояние радости, восторга:

– У меня новость обалденная, *блин,* сама не верю!.. Мы поедем на конкурс!

В нижеследующем примере эмоциональное состояние недовольства, возмущения, несогласия выражено непроизводным *ага* и вторичным *блин*:

– Родину защищал! – орал Вовочка в тенниске, чуть не колотя себя в грудь.

– Ага! Защищал, *блин!* Под вольтанутого закосил и дома дослуживал, – запальчиво бросил Вовочка в костюме, но осёкся. Нельзя было, конечно, пускать в ход этот сокрушительный аргумент. Как термоядерный удар, он не разбирал, кто его наносит, он сжигал и победителей, и побежденных

(Е. Лукиин. Амёба).

В различных конситуациях *блин* выступает в речи как слово-паразит, интересно отметить, что данная интеръекционная единица довольно часто встречается в разговорной речи осетин, при общении на родном языке:

– Абон ацæудзыстæм хъæумæ?..

– *Блин,* ферох мæ, ницы сын загътон, цæй, уæдта райсом ацæуæм?…

«– Сегодня поедем в село?..

– Блин, забыл я, ничего им не сказал, ну, может, завтра поедем?»

– Райсом нæм зачёт уыдзæн, фондз сахатыл…

– *Блин,* чи загъта уый? Иу бонмæ цы хъуамæ сахуыр кæнон?..

– Иу бонмæ цæмæ? Мæйы размæ нын куы дзырдтой…

– *Блин!..* æз ницы хъуыды кæнын… Кæд æз нæ уыдтæн…

«– Завтра у нас зачет будет, в пять часов…

– Блин, кто это сказал? За один день я что выучить должен?

– Почему за один? Месяц назад нам об этом говорили…

– Блин!.. я не помню… Может, меня не было?»

Таким образом, можно отметить, что в приведенном примере употребляется заимствованный эмотив из русского в осетинский язык, что в последнее время наблюдается достаточно часто.

Эмотивы, соотносимые с глаголом

Значительное количество производных эмотивов соотносятся с глагольными формами. Среди них выделяют следующие группы:

а) не имеющие функциональных омонимов в глагольных формах: прыг, хвать, толк, скок и т.д.

б) имеющие функциональные омонимы в современных глагольных формах: видал!, подумаешь!, слушай! и т.д. [Середа, 2005].

Выражение отрицания, несогласия, отказа, передает ИЕ *будет!*

– Можно поиграть?

– *Будет!* Марш спать!

(В. Меликян).

– Ну, *будет, будет,* – сказал он, успокаивая собаку…

(М. Пришвин. Кладовая солнца).

Будет также передает призыв к прекращению какого-либо действия, то есть выступает в качестве волитивного эмотива:

– *Будет,* не плачь, девушка, – глядя в сторону суровым тоном проговорил Лёнька.

(М. Горький. Дед Архип и Лёнька).

Варажение неодобрения, возмущения, негативной оценки, иронии способны передавать ИЕ *видал, видишь, видите.*

– Вон какие люди хворают, да и то к врачам ходют, а он, *видите,* не может задницу свою показать. Кому она нужна к черту!.. там глядеть не на что…

(Шукшин. Операция Ефима Пьяных).

– *Видал!* Так он и не принес мне ничего, а как уверял меня, клялся, что сегодня все будет у меня…

Удивление, негодование может быть передано эмотивом *вишь* (от видишь).

Один большой осколок, шумно, как куропатка, фырча на излете, пролетел над ними и шлепнулся возле самой ямы.

– *Вишь*, проклятый, куда достал! Чуть-чуть не попал.

(В. Овечкин. С фронтовым приветом),

– *Вишь!* – неопределенно усмехнулся Рогожин, не совсем понимая неясную мысль князя.

(Ф. Достоевский. Идиот).

– *Вишь,* плеснула, – прибавил он, повернув лицо в направлении реки: должно быть щука.

(И. Тургенев. Записки охотника).

Угрозу, предупреждение об опасности, предостережение выражает интерьекционная единица *гляди!*

– *Гляди,* Ефим, не оступись!.. Поперек дороги не становись нам!.. Как жили, так и будем жить, а ты отойди в сторону!

(М. Шолохов. Смертный враг.)

Дед лукаво погрозил Гешке согнутым пальцем:

– Чего это ты удумал? *Гляди!*

(Л. Кассиль. Черемыш, брат героя).

– Что же это ты, старина, принаряжаться да прихорашиваться стал? *Гляди,* как бы она тебя… Знаешь, какие они, казачки!

(М. Алексеев. Дивизионка)

Пантелей Прокофьевич встал. Взвешивая слова, опасливо советовал:

– *Гляди*, поскользнешься – беды наживешь!

(М. Шолохов. Тихий Дон).

Данная интерьекционная единица может также передавать удивление:

– *Гляди-ко!* Сила у меня стариковская, совсем на исходе, а колю не хуже твоего.

(П. Бажов. Живинка в деле).

– *Гляди!* Как это у людей все получается! Как по-щучьему веленью!..

Выражение раздражения, недовольства, возмущения в разговорной речи часто передается с помощью ИЕ *достал* (-а, – о, – и), производного от глагола «достать», семантиче-

ски соответствует глаголу надоедать. Например:

– Дай мне, дай теперь я поиграю, не только тебе купили, дай я!..

– *Достал!* На, забери…

– Ну, давай пойдем, погуляем по набережной, сколько можно за компьютером сидеть!

– *Достала!* Я работаю!..

– Все *достало* уже! Хоть сбегай на необитаемый остров! Точно, уволюсь, все *достало!..*

Данный интерьективизм имеет широкое употребление в разговорной речи. По нашим данным, чаще всего оно встречается в речи молодежи и представителей среднего возраста, а также в речи детей школьного возраста, люди старшего поколения выражают свои эмоции с помощью ИЕ *достал* значительно реже, (всего 4 случая употребления).

Злорадство, недовольство, досада нередко выражаются эмотивным образованием *допрыгался.*

Бим вытянул шею, оскалил зубы…

Женщина в ночной рубахе орала на Серого:

– *Допрыгался!* Укуси-ит!

(Г. Троепольский. Белый Бим Черное ухо).

– Ого! Не включается, а я вчера уходил – он работал…

– *Допрыгался!* Сутками его (компьютер) не выключал, а теперь – «не включается!» Сиди теперь, у меня денег нет тебе на игрушки…

Категорическое отрицание, несогласие в сочетании с неодобрением предается интерьективами *жди, дожидайся,* иногда с повтором: *жди, жди! жди-ожидай!* Например:

– Бате-то, сказывают, плохо. Потом война, убить ни за что, ни про что могут. Ты имущество-то перерыл?

– Нет, оставлю на старом!.. *Жди!..*

(Вс. Иванов. Голубые пески).

Теперь ему объявили десять лет лагерей, но это же, конечно, злая шутка, это разъяснится?..

О, да, разъяснится, голубчик, *жди*!

(А. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг).

– Думаю: повысили его, что ли?!

– *Дожидайся,* повысят! Скорей повесят. – Ха-ха-ха!..

(Шукшин. Позови меня в даль светлую).

Интеръектиизмы, производные от наречий

В современном языке наречные эмотивы в большинстве случаев являются волитивными, в частности, императивными.

В. В. Шигуров выделяет три группы адвербиальных образований, перерождающихся в эмотивы:

1) неизменяемые наречия *где, куда, как, пока, вон, долой, прочь*, не имеющие категории степеней сравнения, сохраняющие при интеръективации признак неизменяемости. Ср.: *Посидите* ***пока*** *здесь! Завтра увидимся.* ***Пока****!;* ***Где*** *живешь? Ты идешь с нами? –* ***Где,*** *работы навалом…*

Ввиду отсутствия словоизменительной парадигмы у наречий этого типа создается благоприятная морфологическая база для их функционально-семантической перестройки и превращения в эмотивы.

2) изменяемые наречия, обладающие категорией степеней сравнения типа *прямо, довольно, полно, смирно, горько.*

Наличие парадигмы указанной категории, не препятствует их преобразованию в соответствующем контексте в эмотивы. При этом интеръективации они могут быть подвергнуты в форме как положительной (*горько, смирно, хорошо* и др.), так и синтетической сравнительной степени (*тише*). Интеръективная транспозиция у таких наречий сопряжена с утратой категории степеней сравнения: признак изменяемости заменяется у них признаком неизменяемости.

3) единичные изменяемые наречия в форме положительной степени типа *полно*, сохраняющие при интеръективации признак изменяемости. Своеобразие и парадоксальность ситуации заключается в том, – пишет В. В. Шигуров, – что следствием транспозиции наречий данной разновидности в императивные интерективы является смена парадигм. С одной стороны, они утрачивают категорию (парадигму) степеней сравнения, а с другой – приобретают под явным влиянием глагольного императива категорию (парадигму) числа. Ср.: *Этот студент* ***полно*** *излагает материал на экзамене* (наречие в форме положительной степени; ср.: *полней, более полно, наиболее полно*) *Не расстраивайтесь!* ***Полноте!*** *Сколько можно…* [гибрид, не имеющий категории степеней сравнения (*полноте – полней* и т.п.), но изменяющийся по числам: (*полноте – полно*)] [Шигуров, 2004)].

Можно отметить наличие эмотивных и когнитивных ИЕ, производных от наречий.

Можно отметить наличие эмотивных и когнитивных интеръективизмов, производных от наречий. Например, выражение одобрения, восхищения, радости:

– Я пойду в санитарки.

– Идите вы, – сказал он. – Для этого посильнее нужен народ.

Она опять засмеялась, живо нагнулась, подхватила его под коленки, и он почувствовал, что его подняли над полом. На секунду, но все же подняли.

– *Здорово!* – сказал он, что здорово, то здорово

(В. Панова. Спутники).

– *Здорово! Здорово!* Я прошла по конкурсу! Меня берут! У меня получилось! Я еду в Питер!

Выражение неодобрения, разочарования, недовольства:

– Ну, что принес мне мою тетрадь?

– Не-а! Забыл…

– *Здорово!* «Забыл!» Теперь я точно не сдам… Ну, ты меня и подставил!

Выражение неудовольствия, досады, разочарования ИЕ *весело:*

– Сколько его еще ждать?! Уже час торчу тут…

– А вы сегодня не ждите, он звонил, сказал, что будет только завтра…

– *Весело!* Завтра! Опять завтра!..

– Я вчера в магазине видела ту же самую юбку в два раза дешевле, а ты за нее сколько отвалила!

– Как дешевле? Точно такую же?

– Один в один, точно, и размеры были!

– *Весело,* ну я и лоханулась…

Выражение неудовольствия, разочарования, досады, удивления передается интерьективизмом *смешно:*

– Оставь, папа! – брезгливо проговорила Виктория и скривила брови. – За кого замуж? Зачем? Дикий хохот какой-то. За этих длинноволосых сопляков или за этих отутюженных домашних мальчиков в заграничных галстуках, которые мечтают только о карьере? Почему-то большинство из них учится в дипломатическом. *Смешно!*

(Ю. Бондарев. Выбор).

– Я их немного подразнил. Верно… А они, дурачки, взяли да убежали. Пошутить нельзя! Смешно, честное слово!

(А. Рыбаков. Выбор).

– Ты слышала, вчера они вместе в ресторан пошли!

– А ты ничего не путаешь?

– О чем ты!.. Я их сама видела, шли рядышком, за ручки держались, дово-ольные…

– *Смешно!*

– Скотина он, хамло настоящее! Уже и соседей не стесняется! А если бы теща на встречу… или жена! Ужас, вообще…

В последнем примере, записанном из разговора двух женщин (43 и 38 лет), *смешно* передает негативную оценку, возмущение, при этом в речи одного из говорящих – рассказчицы – используется больше эмотивов негативной окраски (скотина, хамло, ужас).

В зависимости от речевой ситуации ИЕ *хорошо* также может непосредственно выражать различные эмоциональные состояния субъектов, эмоционально-оценочную характеристику происходящих событий, реплики собеседника. Выступает в речи как реакция на вербальный или невербальный стимул.

Например, гнев, возмущение, угроза:

– …Еще раз говорю тебе, что больше ждать я тебя не буду, отдавай, что должен…

– Отстань от меня, нечего мне тебе дать!

– *Хорошо!* Потом не жалуйся!

Выражение примирения, согласия в сочетании с удовлетворением, одобрением, радостью:

– Я не хотел напугать тебя…

– *Хорошо, хорошо!* Я не сержусь!.. Ты ведь больше не будешь

(В. Короленко. Слепой музыкант).

– Поезжай домой и возьми там в гардеробе мое розовое платье… И перчатки купи.

– *Хорошо,* – сказал Дымов. – Я завтра поеду и пришлю

(А. Чехов. Попрыгунья).

– Нет, уж, пожалуйста, возьмите!

– *Хорошо!* – согласилась она, приняв две серебряные монетки

(М. Горький. Мордовка).

В живой разговорной речи очень часто используется ИЕ *вообще,* также произносимое *ваще*. Данная интеръекционная единица может передавать различные эмоционально-оценочные значения, как положительные, так и отрицательные. Например, выражение восторга, восхищения мужчиной 60 лет. Степень выражения эмоции активная:

– Он так красиво играл, выступил лучше всех. Это *вообще, вообще!*

– Как вы отдохнули, нормально съездили? Там, наверное, красиво было?

– *Вообще, вообще!*

В последнем примере не совсем понятно, что именно хотел сказать говорящий этим «вообще». Однако в непосредственном диалоге такой сложности не возникло, так как в данном случае большое значение имеет интонация, с которой произносится интеръективизм, жесты и мимика.

В зависимости от речевой ситуации этим же интеръективизмом можно передать негативную оценку, возмущение, недовольство:

– Да это же аферист бессовестный, еще мужчиной себя называет, это *вообще, вообще!*

– Не ври! – возмутилась Маша.

– Ну *ваще* прям! – вытаращил глаза Ерин. – Слышь, детка, бросай колоться, а то уже тресняк пришел вместе с мозгоедой! Иди домой, поспи. Какой конверт?

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

Внезапно мне стало обидно за тех, кто стоит за прилавком.

– На мой взгляд, ничего ужасного не произошло. В продавщицы в основном берут молодых и симпатичных девушек. Спутай кто меня с сотрудницей магазина, сочла бы это за комплимент.

– Ну, блин, *ваще!* – воскликнула покупательница и подняла глаза.

Она явно собиралась перейти на крик, но неожиданно замолчала… (Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

В приведено примере эмоциональное состояние персно-

нажа передается выражением «ну, блин, ваще», но именно «ваще» в данном случае передает негативную реакцию на слова собеседника.

Следует отметить, что в некоторых случаях наблюдается определенная связь с первоначальным значением слова, то есть слово не полностью десемантизируется. В таких случаях, на наш взгляд, следует указывать на эмотивное употребление наречия.

Эмотивы, производные от частиц и звукоподражаний

Как отмечалось выше, значительные трудности возникают у исследователя при определении принадлежности языковой единицы к интерьективам. Чаще всего такого рода сложности возникают при необходимости дифференциации эмотивов и частиц. Известно, что частицы – это неизменяемые незнаменательные (служебные) слова, которые участвуют в образовании морфологических форм слов и форм предложения с разными значениями ирреальности (побудительности, сослагательности, условности, желательности); выражают самые разнообразные субъективно-модальные характеристики и оценки сообщения или отдельных его частей; участвуют в выражении цели сообщения (вопросительность), а также в выражении утверждения или отрицания; характеризуют действие или состояние по его протеканию во времени, по полноте или неполноте, результативности или нерезультативности его осуществления. [Русская грамматика].

Достаточно сложным является вопрос о разграничении интерьективизмов и частиц. Представляется убедительным мнение Ф. Амеки «Интерьективизмы могут быть высказываниями сами по себе и всегда отделены паузой от высказываний, совместно с которыми они могут выступать. Они всегда имеют собственный интонационный контур» [Ameka 1992: 108].

Рассмотрим некоторые примеры интерьективации частиц.

Внезапная догадка, согласие, подтверждения может передаваться ИЕ вот!, многократный повтор усиливает эмоциональность речи:

– Они лежали на самом верху. Так?

– Насколько помню, да. Вы подошли, подняли руки, схватили стопку…

– *Вот! Вот! Вот!* – вдруг резко оживился Антон. – Но Лиза всегда хранила простыни внизу! Она была маленького роста, не дотягивалась до верхних полок, а простыни меняют часто. Поэтому жена держала их на удобной для себя высоте…

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

И в а н о в. Чувствую, что сегодняшнее мое напряжение разразится чем-нибудь… Или я сломаю что-нибудь, или…

С а ш а. *Вот, вот,* это именно и нужно. Сломай что-нибудь, разбей или закричи

(А. Чехов. Иванов).

Рассматривая вопросы определения семантических границ эмотивных интерьективизмов и модальных частиц, И. А. Шаронов указывал, что при всей близости употребле-

ния репликовых эмоциональных частиц и эмоциональных интерективизмов между двумя группами можно провести границу. Единицы, являющиеся намеренными и адресованными, использующимися исключительно в диалоге репликами должны рассматриваться отдельно от единиц, выражающих непроизвольные, неадресованные восклицания, служащие реакциями на любой внешний (необязательно речевой) стимул [Шаронов].

Таким образом, следует учитывать наличие/отсутствие «собственного интонационного контура», адресованность, направленность речевой единицы.

Как отмечалось выше, мы придерживаемся мнения, что звукоподражательные слова и эмотивы (интеръективизмы) являются единицами разной структурно-семантической организации и должны рассматриваться как самостоятельные различные единицы в языке. Однако в процессе интеръективации ономатопеи могут приобретать эмотивный статус. В устной разговорной речи наблюдается окказиональное использование звукоподражаний в роли эмотива, например, зафиксированный нами случай передачи грусти, сожаления посредством эмотива, производного из звукоподражания «мяу»:

– А Славка придет на встречу?

– Откуда? Он три дня назад уехал…

– Мяу! Как жалко, я его так и не видела…

Достаточно часто звукоподражания лежат в основе эмотивов-неологизмов, функционирующих в молодежной речи: бэмц, хобана, бздыньк и т.п. [Середа, 2005]

Эмотивные фразеологизмы

Среди производных эмотивов важное место занимают устойчивые фразеологические сочетания, которые утратили самостоятельное лексическое значение и выполняют функцию интерьективизмов, например, в русском языке: *вот еще! была не была! вот тебе на! вот тебе раз! вот так клюква! черт побери!* В осетинском языке; ой дын е!, – *вот тебе раз!,* выражает удивление, недовольство, догадку и т. д.*; мæ хæдзар!* – буквально *«мой дом!»* в зависимости от речевой ситуации передает тревогу, страх, возмущение, удивление и др., *мæнæ бæллæх! вот беда! и т. д.*

Эмотивные устойчивые сочетания обладают основными свойствами фразеологизмов – целостностью, воспроизводимостью, образностью и экспрессивностью. В речи они способствуют более яркому проявлению чувств, настроений, переживаний говорящего.

Исследователи выделяют класс эмотивных фразеологических единиц [Исаев 1964, Зыблева 1987; Копыленко, Попова 1978; Середа, 2005 и др.]. Эмотивные фразеологизмы способны выражать различные чувства, эмоции, волевые побуждения говорящего. Выделяют следующие семантические группы эмотивных фразеологизмов:

1) эмотивные фразеологические единицы, выражающие различные *эмоции* говорящего (одобрение, восторг, удивление, негодование, порицание, досаду, упрек и т. д.): *ну и ну! увы и ах! мать честная! черт возьми! хоть в петлю лезь! вот те (тебе) и на!* и др.

2) различные волеизлияния субъекта. Данные ИЕ встре-

чаются значительно реже: *ни боже мой! как бы не так! к делу! ради бога!* и

пожелания: *ни пуха ни пера! чтоб ни дна ни покрышки* кому, чему, *помогай бог! типун тебе на язык! хлеб да соль!* и т.п.

3) Приветствия, формулы прощания: *наше вам с кисточкой! честь имею кланяться* и т.п.

4) просьбы или приглашения: *милости просим, сделайте одолжение, честь и место* и т.п.

5) клятвы, передающие значение заверения в чем-либо: *вот те крест! разрази меня гром! не сойти мне с этого места!* и т.д. [Молотков 1977: 147]. А.И. Молотков отмечал особенности формы и содержания эмотивных фразеологизмов. Однако не все указанные семантические группы являются эмотивными единицами, так как формулы пожелания, приветствия и просьбы не относятся к эмотивной фразеологии. С фразеологией данные единицы объединяет лишь то, что в их состав могут входить семантически переосмысленные компоненты [Телия, 1996].

В.Н. Телия классифицирует устойчивые сочетания на основе денотативного аспекта значения. То есть данная классификация имеет идеографическую, тематическую направленность.

Среди идиом, выражающих чувства, В.Н. Телия выделяет три группы:

1. чувства-отношения, обозначаемые идиомами типа *портить кровь, души не чаять, наступать на любимую мозоль и др.*

2. чувства-состояния: *кусать себе локти, быть на седьмом небе и* др.

3. собственно эмоциональные состояния, являющейся наиболее многочисленной группой, семантически плохо структурированной. Например, такие идиомы, как *Бог (Боже) ты мой!, Черт (дьявол, шут) меня возьми!* могут передавать различные эмоциональные состояния: удивление, раздражение, восторг или восхищение и т. д. [9].

Эмотивные фразеологические единицы широко употребляются в устной и письменной речи, как мгновенная, непосредственная реакция на какое-либо явление, ситуацию, высказывание собеседника и т.д. В зависимости от речевой ситуации, интонации, мимики, жестов, интерьекционное высказывание может передавать различные эмоционально-волевые реакции субъекта. В речи они используются в «готовом виде», то есть обладают воспроизводимостью, образностью и экспрессивностью, что определяет их семантические и структурные особенности как фразеологической единицы.

Эмотивные устойчивые сочетания имеют большое значение в процессе коммуникации, непосредственным образом отражают процесс взаимодействия говорящего и слушающего.

Рассмотрим различные примеры употребления устойчивых эмотивных выражений в русском языке в устной разговорной речи, текстах художественной литературы и драматургии.

В русском языке широкое функционирование имеет ИЕ

«белены объелся». Выражение «белены объелся» передает изумление, негодование, возмущение.

– Воля ваша, Антонида Васильевна, не пойду.

– Это почему? Это что еще? *Белены, что ли вы все объелись?*

(Ф. Достоевский. Игрок).

П о д х а л ю з и н. А вот что-с, Устинья Наумовна, нельзя ли как этому вашему жениху отказать-с?

У с т и н ь я Н а у м о в н а. *Да что ты, белены что ль объелся?*

(А. Островский. Свои люди – сочтемся).

– Чего ты лютуешь, парень! – выговорила ему Седельникова. – *Белены объелся?..*

(А. Мусатов. Стожары).

Выражение *была не была!* передает намерение, согласие что-либо сделать, решимость на выполнение каких-либо действий после некоторых колебаний, сомнений.

Иногда употребляется с непроизводными ИЕ *а, э, эх,* например:

Роман стоял, переминаясь с ноги на ногу, решая идти или нет.

– *Была не была* – пойду

(К. Седых. Даурия).

Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения: – *А! была не была,* не с чего, так с бубен!

(Н. Гоголь. Мертвые души).

Надо лишь вывести машину на волю, во двор, запустить двигатель и… *Э, была не была* – вперед!

(А. Бек. Жизнь Бережкова).

Еще мы не встретились, как их левый край послал Марущаку мяч. Марущак приготовился бить.

– «*Эх, была не была!* – решил я. – Перебьют ноги – ладно». И бросился на здоровенного Марущака.

(В. Беляев. Старая крепость).

Значительное количество эмотивных единиц образованы по схеме «составная частица *вот так* + имя существительное (частица)». Так, выражение *вот так клюква* передает удивление, разочарование, недоумение. В устной разговорной речи используется в настоящее время не так часто. Достаточно много примеров употребления данного выражения можно в художественной литературе.

– Всем хорош человек, но одна беда: пьяница!

– *«Вот так клюква!»*– подумал Посудин

(А. Чехов. Шило в мешке).

– По вашему мнению, кто убил?

– Вы!

– *Вот так клюква!* – пробормотал он, дыша на окно и нервно рисуя на нем вензель.

(А. Чехов. Драма на охоте).

Тогда вышла из чулана Дуся, девка горемычная.

– Катитесь-ка, милые, во путь во дороженьку, – сказала она, подступая с ухватом.

– *Вот так клюква,* – ответил главный из парней, – уж и гоните! Это еще что?

(Н. Кочин. Девки).

В устной и письменной формах речи имеют широкое употребление эмотивные выражения с таким же семантиче-

ским наполнением *вот так штука, вот так фунт, вот так шутка, вот так номер, вот так так, вот так раз,* и т.п.

Примеры эмотивных выражений выступают в речи как реакция на реплику собеседника, собственную мысль или речевую ситуацию. Передают эмоционально-оценочную характеристику, в большинстве случаев негативную, отрицательную, реже – положительную или амбивалентную (удивление от неожиданного события в последнем примере).

В устной и письменной формах речи имеют широкое употребление эмотивные выражения с таким же семантическим наполнением *вот так штука, вот так фунт, вот так шутка, вот так номер, вот так так, вот так раз,* и т.п.

– *Вот так штука!* – ахнул старичок, разводя руками. – В первый раз вижу, как лиса в утку обратилась… Ну и хитер зверь!

(Д. Мамин-Сибиряк. Серая Шейка).

У самых ног его что-то запищало…

– Вот так фунт! Ребенок… – в недоумении прошептал он, поднося находку к своему носу.

(М. Горький. Как поймали Семагу).

С в е т л о в и д о в. *Вот так фунт! Вот так шутка*. В уборной уснул! Спектакль давно уже кончился, все из театра ушли, а я преспокойнейшим манером храповицкого задаю

(А. Чехов. Лебединая песня).

Приведенные примеры эмотивных выражений выступают в речи как реакция на реплику собеседника, собственную мысль или речевую ситуацию. Передают эмоционально-оценочную характеристику, в большинстве случаев

негативную, отрицательную, реже – положительную или амбивалентную (удивление от неожиданного события в последнем примере).

Выражение удивления, неодобрения, порицания, возмущения передает ИЕ *вот это номер:*

Вот это номер!

Вот это почин так почин!

Я с радости чуть не помер,

А брат мой в штаны намочил.

Едри ж в твою бабушку плюнуть.

Гляди, голубарь, веселей!

(С. Есенин. Анна Снегина).

– *Вот это номер!* – вырвалось у Семена Иванова. – В Питере нашкодил, а теперь примется в Астрахани?

(А. Сапаров. Хроника одного заговора).

Употребление данного выражения с непроизводным *ой* чаще всего характеризует речевую ситуацию как неожиданную для говорящего. Например, реакция на незапланированную встречу:

– *Ой, вот это номер!* А ты что здесь делаешь? Тебя же в городе нет, сказали! Ты не уехал что ли?..

Реакция субъекта (женщина, 36 лет) на известие о рождении племянницы:

– Как родилась? Уже родилась?! *Ой, вот это номер!* А говорили же, что еще неделю ждать…

Выражения *вот так (те) раз, вот те на, вот так так, вот оно (как)* способны передавать различные эмоциональные состояния субъекта, эмоциональную оценку речевой

ситуации, какого-либо события, а также в зависимости от контекста – ментальное состояние субъекта, то есть могут сочетать признаки эмотивных и когнитивных эмотивов.

Например, выражение удивления, разочарования, досады:

…она не отстранялась, он сжал крепче её руку и поцеловал её в губы.

– *Вот тебе раз!* – проговорила она и, быстрым движением вырвав руку, побежала прочь от него

(Л. Толстой. Воскресение).

Ш у р а. Яков, скажи честно: что такое Тятин?

Л а п т е в. *Вот те раз!* Ты же почти полгода ежедневно видишь его

(М. Горький. Егор Булычев и другие).

– У себя полицмейстер? – вскричал он, взошедши в сени.

– Никак нет, – отвечал привратник: – только что уехали.

– Вот тебе раз!

(Н. Гоголь. Нос).

Эта же ИЕ выражает радость, восхищение, одобрение с оттенком удивления:

– *Вот тебе раз!* А говорила, что плохо рисуешь, молодец, очень похоже…

Реакция на неожиданное получение подарка, доставленного курьером:

– Свет, Света-а! Иди скорее сюда, смотри, что тебе прислали!

– *Вот те раз!* А записки нет?

В разговорной речи для выражения удивления, недовольства, разочарования широкое употребление имеет интерьекционная единица *вот тебе (те) на:*

Г о р о д н и ч и й. Ревизор из Петербурга, инкогнито. И еще с секретным предписанием.

А м о с Ф е д о р о в и ч. *Вот те на!*

(Н. Гоголь. Ревизор).

Кто-то сказал не то со страхом, не то с удивлением: «Помер!.. *Вот те и на!*»

(М. Шолохов. Бараки).

Может выражать восхищение, одобрение, удивление:

П р и с т а в. Кто здесь грамотный?

Г р и г о р и й. Я грамотный.

П р и с т а в. *Вот на!* А у кого же ты научился?

(А. Пушкин. Борис Годунов).

– Четыре сына и пятый в проекте – это не шутка! *Вот тебе и Савва*!

(С. Бабаевский. Кавалер Золотой Звезды).

В последнем примере выражение строится по схеме «Вот тебе (те) + (и) + существительное (имя собственное)».

Восхищение, восторг, одобрение чаще выражается ИЕ *вот это да*:

Левин улыбнулся, напряг руку и, как круглый сыр, поднялся бугор из-под тонкого сукна сюртука.

– *Вот это да!* Вот это бицепс! – присвистнул Степан Аркадьевич. – Самсон!

(Л. Толстой. Анна Каренина).

Просто я взял решение синоптиков еще в шесть утра,

когда они его обсуждали… *«Вот это да!»* – с восхищением подумал Кочин

(Стругацкие. Полдень XXII век).

Он, сложив руки на груди, долго с восторгом смотрел на знамя, которое держал в руках старшина Ковальчук.

– *Вот это да!* – сказал он после молчания. – Дрожь берет!

(К. Симонов. Живые и мертвые).

Это же выражение передает удивление, неодобрение, порицание, негативную оценку:

Жилин оглядел их. «*Вот это да!* – подумал он. – Неужели и у меня такая морда?»

(Стругацкие. Путь на Амальтею).

Т а н я. Вот только жаль, что в дом вошло что-то чужое, неприятное.

Л е о н и д. Зовут это чужое – Леночка?

Т а н я. Не знаю, скорее, Федор.

Л е о н и д. *Вот так да!* Почему?

(В. Розов. В поисках радости).

Выражение *вот так так*! используется в речи для передачи удивления, недоумения, досады:

– Если измерить в километрах, то не больше двадцати, а если по времени считать, то часа полтора затратите. Здесь дорога плохая – прошли дожди и все развезло.

– *Вот так так!* – Ромашов вытаращил глаза и слегка присел. – Надо бы ему на чай, а у меня ничего нет

(Куприн. Поединок).

Н и к и т а. *Вот так так.* Я рассчитываю, как получше

дело обсудить, а она вон как: жениться велит. Что ж так? (подмигивает) Аль забыла?

(Л. Толстой. Власть тьмы).

Передает также восхищение с оттенком удивления:

Вот так так, выехала встречать Настю сама Ольга Карповна!

(В. Тендряков. Поденка – день короткий).

Все орудия без приказания били в направлении пожара. Как будто подгоняя, подкрикивали к каждому выстрелу:

– Ловко! *Вот так так!* Ишь, ты… Важно!

(Л. Толстой. Война и мир).

В русском языке значительное число эмотивов произошло от выражений со словом Бог. Частотное употребление как в устной, так и в письменной речи имеет ИЕ *бог с тобой* (*с ним, с ней, с ними* и т.д.).

Например, выражение примирения, согласия, прощения:

– Забыть! – проворчал он; – я-то не забыл ничего… Ну, да *бог с вами!..* Не так я думал с вами встретиться…

(М. Лермонтов. Герой нашего времени).

М а р и н а. Погубил ты меня ни за что, обманул. Не пожалел сироту…, отрекся от меня. Убил ты меня, да я на тебя зла не держу. *Бог с тобой.* Лучше найдешь – позабудешь, хуже найдешь – вспомянешь

(Л. Толстой. Власть тьмы).

В зависимости от контекста, речевой ситуации эта же ИЕ передает несогласие, удивление, упрек.

Я пишу дальше: «… в отрубе шесть вершков…». Мусий Карпович протягивает руки.

– Ну что вы, *Бог с вами,* Антон Семенович! Де ж там шесть? Там же четырех нэма

(Макаренко. Педагогическая поэма).

– Вот собираюсь за границу пожить: для этого-то имение заложу и продам…

– *Бог с тобой,* что ты, Борюшка! Долго ли этак до сумы дойти!

(И. Гончаров. Обрыв).

Выражает пожелание успеха, удачи, благополучия, счастливого пути и т.п.

– Счастливый путь, друзья! *Бог с вами!* Я и без вас мой кончить век могу!

(Тютчев. Пришлось кончить жизнь в овраге).

Я молчал. Мама притянула меня к себе и поцеловала.

– Ну, *бог с тобой!* Мне хочется, чтобы ты был счастлив. А остальное не важно

(К. Паустовский. Далекие годы).

– Ну, *с Богом, с Богом!* – повторял он с крыльца. – Ведь приедешь еще когда в жизни-то? Ну и приезжай, всегда буду рад. Ну, *Христос с тобою!*

(Ф. Достоевский. Братья Карамазовы).

В приведенном примере пожелание удачи, счастливого пути выражается двумя ИЕ «с богом, с богом!» и «Христос с тобою».

Большое количество эмотивных образований со словом *черт* произошли от устойчивых выражений:

Например, выражение *черта с два* может передавать категорическое возражение, несогласие, отрицание.

– Как! – сказал Нарумов, – у тебя есть бабушка, которая угадывает три карты сряду, а ты до сих пор не перенял у ней ее кабалистики?

– Да*, черта с два!* – отвечал Томский, у ней было четверо сыновей, в том числе и мой отец: все четыре отчаянные игроки, и ни одному не открыла она своей тайны…

(А. Пушкин. Пиковая дама).

На горе через впалую лысину кургана, понатужась, переваливали двое конных. Передний в офицерской папахе плетью вытянул длинноногую породистую кобылу.

– Не уйдут коммунисты!.. За курганом Тесленко, вислоусый украинец, поводьями тронул маштака-киргиза.

– *Черта с два!* Не догонят…

(М. Шолохов. Продкомиссар).

– А родные разве тебе не помогали?

– *Черта с два!* Батька после смерти матери женился на другой, а та, мачеха, его под башмак взяла и против меня настраивала

(Беляев. Старая крепость).

– Я бы их и близко к колхозу не подпустил, а вот ты понапринимал таких перевертухов целую сотню и думаешь, небось, что из него сознательный колхозник выйдет? *Черта лысого!*

(М. Шолохов. Поднятая целина).

Употребление *черт бы тебя (его, ее, их) побрал (подрал, взял) выражает чаще всего, возмущение, негодование, недовольство.*

– Подлец народ! – с бешенством закричал г. Пралинский. – Просился у меня, каналья, на свадьбу, тут же на Пе-

тербургской, какая-то кума замуж идет, *черт ее дери.* Я настрого запретил ему отлучаться. И вот бьюсь об заклад, что он туда уехал!

(Ф. Достоевский. Скверный анекдот).

Черт бы побрал бурсу, заставлявшую человека прибегать к тем же средствам, чтобы избавиться от нее, к каким прибегают рекруты для избавления от солдатчины, то есть отрубают себе пальцы и рвут вон зубы

(Н. Помяловский. Очерки бурсы).

Опять, *черт подери,* скучать целый вечер у директора!

(А. Чехов. Три сестры).

– Не могу же я триста лет говорить одно и то же, – кричал он, разводя руками.

– Есть же, *черт возьми,* порядок какой-то! Или нет его?

(В. Росляков. Один из нас).

Иногда это же выражение в речи передает восхищение, удивление, браваду и т.п., например:

Он (Грушницкий)…придерется к какой-нибудь глупости, вызовет Печорина на дуэль… Уж я вам отвечаю, что Печорин струсит, – на шести шагах их поставлю, *черт возьми!*

(М. Лермонтов. Герой нашего времени).

– Вот умный, *черт побери*, нечего даже и возразить тебе, так ты все классно продумал! Ну что ж, дерзай!

По аналогии с данным выражением образованы *прах возьми, шут возьми, шут побери, холера его забери, чума тебя возьми, лукавый его побери* и т. п.

– Я в порядке. Спасибо. Только мне очень… – она замолчала.

Суворов попробовал угадать:

– Больно?

– Нет. Гадко. И, *прах вас возьми,* стыдно смотреть вам в глаза…

(А. Черчесов. Вилла Бель-Летра).

При выражении недовольного согласия, уступки, прощения в устной и письменной речи часто используется ИЕ *черт с ним* (*с тобой, с вами, с ней, с ними, с нами*):

В путеводителях сказано, что в путешествии по Италии роман непременное условие. Что ж, *черт с ним,* я на все согласен. Роман, так роман.

(А. Чехов. Письмо М. В. Киселевой, 1 апреля 1891 г.)

– Силыч сидел верхом на Паникадиле, мял его и спрашивал: – Живота или смерти?

– Пусти!.. *Черт с тобой!*

(Н. Помяловский. Очерки бурсы).

– Ну, прости меня, ангельчик мой Лизи, ей-богу, не стану больше в карты играть*: черт с ними!* Они мне даже опротивели

(Писемский. Тюфяк).

Расьоль кивнул:

– Занятная книга, не так ли? Хотя вам, бьюсь об заклад, не понравилась.

– Книга эффектная, спору нет, – сказал Суворов и тут же скучно подумал: «*А, черт с ним!* Все равно не о чем говорить. Поглядим, как он попляшет по рингу». – Признаться, не очень понятно, зачем вам это понадобилось?

(А. Черчесов. Вилла Бель-Летра).

В последнем примере ИЕ *А, черт с ним!* является реак-

цией на собственную мысль говорящего, то есть применяется автором с целью отражения мыслей персонажа, которые он не озвучивает.

В зависимости от речевой ситуации эта же ИЕ может выражать несогласие, отрицание в сочетании с удивлением, упреком, например:

– Тебе надо съездить к нему: его все уважают и боятся, даром, что он в отставке…

– *Черт с ним!* Что мне за дело до него! – сказал Райский (И. Гончаров. Обрыв).

Волитивно-эмотивные единицы

Волитивные производные интеръективы, как и непроизводные ИЕ выражают: побуждение к действию, призыв к прекращению действия, обращение к определенному лицу. Выделяют волитивные ИЕ, обращенные к человеку и обращенные к животным. Среди волитивных производных интеръективов можно выделить группы по сфере применения: интеръекционные единицы, употребляемые в военном деле, язык охотников и т.д.

В данном разделе рассмотрим волитивные ИЕ русского и осетинского языков, используемые в художественных текстах, живой разговорной речи, проанализируем основные группы по сфере употребления ИЕ. Волитивные эмотивы, так же как и эмотивные и когнитивные ИЕ соотносятся с различными лексико-грамматическими разрядами.

Приказ уйти, покинуть помещение, требование удалиться передает эмотив *вон!*

– Слышишь? – крикнула Аксинья и в сильном гневе топнула ногой.

– Кому говорю? Пошла вон со двора, и чтоб ноги твоей тут не было, каторжанка! *Вон!*

(А. Чехов. В овраге).

«*Вон,* холоп!» Иван заплакал

И пошел на сеновал,

Где конек его лежал.

(П. Ершов. Конек-горбунок).

Призыв на помощь в случае опасности передается эмотивной единицей, производной от имени существительного, *караул!*

В это время из-за стены послышался взрыв брани, толкотня ударяющихся в стену, звон цепей, визг и крики. Кого-то били, кто-то кричал: *«Караул!»*

(Л. Толстой. Воскресение.)

Просьба или приказ сосредоточиться, выслушать выражается ИЕ, производной от имени существительного, *внимание!*

– *Внимание! Внимание!*

Говорит полярный радиоцентр на семьдесят втором градусе северной широты. Здравствуйте, товарищи полярники!

(Б. Горбатов. Здесь будут шуметь города…)

Побуждение к действию, согласие на чье-либо действие выражается интерьекционной единицей, производной от глагола, *валяй (те).*

Приказ, требование уйти, удалиться выражает, производный от глагола интерьективизм *катись.* Употребляется как

реакция на реплику или действие собеседника, самостоятельно или в сочетании: *катись отсюда, катись колбаской.* Например:

– *Катись,* пока я тебе колес не наточил! – загадочно пригрозил милиционер.

(Л. Леонов. Соть).

Приказание замолчать передается ИЕ, соотносимой с глаголом, *заткнись* (грубо). Используется как в устной, так и в письменной речи.

Француз присел на половицу у двери, и, обхватив руками виски, перевел с облегчением дух.

– Ну, Суворов… Так пытать умели когда-то иезуиты, да и то лет уже двести, как утратили навыки. Но ведь ты православный?

– *Заткнись.* На тебе вообще креста нет. Разыгрываешь из себя помесь де Сада с Вольтером, а у самого, поди, в штанах мокро.

(А. Черчесов. Вилла Бель-Летра).

– *Заткнись,* Рубин, надоел! – Уханов предупреждающе толкнул его плечом.

(Ю. Бондарев. Горячий снег).

– Аня, Антон Макаркин женат, – назидательно сообщила главная местная сплетница Вера Данильченко, – неприлично гоняться за несвободным мужчиной. И потом, он тебе в отцы годится!

Аня залилась краской, уперла кулаки в тонкую талию и завизжала почти в диапазоне ультразвука:

– Не твое собачье дело! Делай свои замечания сопля-

кам, а ко мне не лезь! Женат, не женат, какая мне разница… *Заткнись,* убогая

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

– Давай-давай, рассказывай, что ты мне собирался рассказать?

– Расскажу, ты думаешь, молчать буду, так вот, ни на какое собрание он вчера не ходил…

– *Заткнись!..*

ИЕ имеет широкое употребление в устной речи, в зависимости от социального статуса и речевой ситуации, чаще используется представителями среднего возраста и молодежи, детьми. Реже встречается в речи людей старшего поколения.

Эмотивные грамматические единицы в осетинском языке. Эмотивные и когнитивные единицы

Состав эмотивных единиц осетинского языка активно пополняется в процессе интеръективации и заимствования. Производные эмотивы, образованные в результате десемантизации слов из различных лексико-семантических разрядов, характеризуются активным употреблением в живой разговорной речи. К производным эмотивам относятся æллæх, йарæбын (йарæббын), тобæ, тæхуды, фæдис, уæллæгъи, а также фразеологические сочетания: мæнæ мыл, мæ къонайыл, мæ хæдзарыл, мæ бон, мæ боныл, судзгæ бонтæ, дудгæ бонтæ и т. п.

В состав производных эмотивов некоторые исследова-

тели включают также и звукоподражательные слова. Так, Н.К. Багаев указывал, что «…к производным следует отнести также … звукоподражательнгые слова гæпп, тъæпп, тъупп, гуыпп, къæрцц, къуырцц, цæлхъ, къæпп, цъыкк, образовавшиеся от соответствующих имен существительных звукоподражательного происхождения [Багаев, 1963: 478].

Придерживаясь мнения профессора М.И. Исаева [Исаев, 1965], мы не рассматриваем ономатопеи в составе непроизводных эмотивных образований, так как это единицы разной структурно-семантической организации. Звукоподражание может выступать в качестве эмотива, если оно подверглось процессу интерьективации, и используется в речи для непосредственного выражения волеизъявления, эмотивного или интеллективного состояния субъекта.

Среди заимствованных выделяются интерьективизмы, пришедшие в осетинский из русского языка*: алло, ура, маладец (молодец) стоп, бис, пли, баста, марш* и др. Из арабского были заимствованы *æллæх, тобæ, йарæбын, уæллæгъи,* но как существительные в современном осетинском языке они уже не употребляются. То есть *æллæх, йарæбын, уæллæй* едва ли, не самые употребляемые в речи осетин, носителями языка уже не воспринимаются как производные эмотивы.

Так, В.И. Абаев указывает, что ***æллæх*** – «восклицание боли, ужаса, при удвоении также удивления, иронии и пр.… Распространено по всему миру. В осетинском … в значении «бог» не употребляется» [Абаев, 1958: 129].

Таким образом, говоря «æллæх», человек не предполага-

ет обращение к Богу, и, более того, может не знать, что это слово было заимствовано из арабского языка как существительное «аллах».

В «Толковом словаре осетинского языка» под редакцией Н. Я. Габараева приводится в разных словарных статьях толкования слов:

2. *аллах* – употребляется для выражения страха, удивления и т.д. в русском соотвествует о, боже! [ТСОЯ, 2007: 96].

Æллæх, межд., выражающее страх, призыв о помощи, удивление, нестерпимую боль, соответствует *ой! ах!* [ТСОЯ, 2007: 253].

Таким образом, *аллах* и *æллæх* в данном словаре представлены как ИЕ, характеризующиеся разным семантическим наполнением. Первое выступает как эмотивное, второе выполняет функции и эмотивного, и волитивного, вокативного интеръективизма. Интересно заметить, что в обеих словарных статьях примеры приводятся из произведения Т. Джатиева «Горная звезда», то есть обе ИЕ функционируют в художественном тексте в сооветствующих контекстах.

Данный эмотив в разговорной речи способно выражать значительно более широкий спектр эмоций и эмоциональных оценок. Поэтому при переводе на русский язык релевантым является использование интеръективизмов, соответствующих по семантико-стилистическому наполнению. Рассмотрим функционарование *æллæх* в диалоге. Например, удивление с оттеноком иронического отношения:

Хъ а з а н. Гæррæт, цæуыл у дæ сусæг зарæг? Чысыл ма йæ фæхъæрдæр кæн.

Г æ р р æ т. Æмæ никуы фехъуыстай, сусæг зарæг хъæрæй нæ фæчындæуы.

Хъ а з а н. Æмæ дæумæ та цы ис сусæггагæй?

Г æ р р æ т. Ма зæгъ. Удæгас лæгмæ æргом цы ис, дыууæ ахæмы та йæм сусæггæгтæ ис…

Хъ а з а н. Гъемæ-ма мын дзы иу раргом кæн.

Г æ р р æ т. Цæмæн? Иугæр дæм сусæг ис, уæдæй хъуамæ дымгæйæн дæр ма схъæр кæнай æмæ йæ зæхмæ дæр ма бауылæфай.

Хъ а з а н. *Æллæх, æллæх!* Ахæм арф дын сты?

(Хуыгаты Г. Æрдхорд æфсымæртæ). – «К а з а н. Гаррат, о чем твоя тайная песня? Спой её немного погромче. Г а р р а т. А ты никогда не слышал, что тайные песни гормко не поют. К а з а н. А у тебя-то какие тайны? Г а р р а т. Не скажи. У живого человека в два раза больше тайного, чем открытого. К а з а н. Так раскрой мне одну из тайн. Г а р р а т. Зачем? Уж если у тебя есть тайна, то ее не следует открывать и ветру, и даже выдохнуть в землю. К а з а н. *Ах ты, боже мой!* Так глубоко они у тебя?»

В зависимости от речевой ситуации и интонации, с которой произосится ИЕ, *æллæх* может передавать радость, восхищение, например:

Л а д и. Куыд бирæ сты!

Б ы т ъ ы р. Æнæхъæн æфсад!

З æ л д а (сусæгæй чызджытæм). *Æллæх,* цал сæрæн усгуры! Нæ фæлæ æцæг усгуртæ æрмæстдæр хæсты быдыры ссарæн ис

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – *«Л а д и. Как их*

много! Б ы т ы р. Целая армия! З а л д а (шепотом девушкам). Ах, боже мой, сколько завидных женихов! Все же, настоящих женихов можно найти только на поле битвы».

Выражение недовольства, возмущения, боли:

Ц о р æ. Æрнæм! де уæнгтыл уæлæмæ схæц, – æрызгъæлдысты дын… Тыхджын! (Нæрвылнæмæг нæрв æрцæфтæ кодта.) *Æллæх, æллæх!* Кæдæм мæ цæгъдыс? Хъуылæг дын куы нæ дæн!..

(Брытъиаты Е. Хазби). – «Ц о р а. (кожемяке). Мни крепче. Подтянись, а то рассыпешься на части… Сильнее же, сильней. (Кожемяка подбрасывает сидящего на рычаге, Цора) *Э, Аллах, Аллах,* тише. Ближе к желобу дави осторожней, обоим легче будет» (Перевод Е. Бритаева).

Чаще всего данная интеръекционная единица выражает страх, тревогу, беспокойство, например:

Есен фехста, æмæ хъуывгъан Сары-фырты къухæй фæхауд. Сары-фырт фæтарст.

– *Æллæх*, арв цы хъæр кæны, – æмæ иуварс алыгъд. Загъта ма: – Уый Есены æхсты хуызæн у (ОНС). – «Есен выстрелил и у Сары-фырта (букв. Сын Сара) кумчан выпал из рук. Сары-фырт испугался.

– *Ой, ой,* как гром гремит, – убежал он. Сказал еще только: – Это похоже на стрельбу Есена».

Исторически производным от имени существительного эмотивом, является ИЕ *арæби, йарæби.*

В. И. Абаев характеризует *aræbi, aræbyn* как восклицание, выражающее протест, возражение и пр…. Из арабского, персидского… «о, господи!»; относится к обще-

му мусульманскому фонду кавказских языков [Абаев, 1958: 58].

В «Осетинско-русском словаре» под редакцией Т. А. Гуриева в разных словарных статьях приводятся ИЕ:

арæби! межд., выражающее удивление, протест *араби!*;

йарæби межд. о боже (в значении несогласия, оправдания);

йарæбын, йарæббын межд. см. *йарæби* [ОРС, 2004: 42, 248].

Рассматривать их как самостоятельные ИЕ нет достаточных оснований, так как использование эмотива в том или ином графическом варианте не влияет на семантическое содержание высказывания.

В «Дигорско-русском словаре» дана дефиниция следующих интерьективизмов:

арæби межд. восклицание, выражающее протест, возражение и пр.; *о, господи! о, боже!; арæби! Аллах, нæ хъиамæт нин дзæгъæли ку фæккодтай О, боже! Господи, ты сделал тщетными наши труды* [ДРС, 2003: 29].

йарæбий, йарæбин межд. ой боже!, господи! (в значении несогласия, возмущения, удивления, оправдания) [ДРС, 2003: 313].

Эмотив *йарæби,* (*йарæбын, йарæббын)* имеет широкое употребление в живой разговорной речи, может передавать различные эмоции и эмоционально-оценочное отношение. Обычно стоит в начале высказывания. В русском языке, в зависимости от речевой ситуации, соответствуют эмотивные выражения *да в конце концов, боже мой, господи, ей-богу* и т.п.

Например, выражение возмущения, недовольства:

– *Йарæби,* цы нызæгæл дæ уазæг læппуйыл? Ацы хæйрæджы ностæй куы фæхъæстæ вæййыс, уæ дæхи бынтон куы ныггогыз кæныс. Кæд нæ нуазы, уæд æм тыхæй цæмæн ныллæуыдтæ…

(Т. Гуру. Ныхасы къуыбылой). – *«О боже, что ты вцепился в своего гостя? Стоит тебе вкусить этого дьявольского напитка, то совсем из себя индюка сторишь. Если он не пьет, то зачем ты его насильно заставляешь…».*

В зависимости от контекста может выражать несколько эмоций одновременно: удивление, беспокойство, тревогу, желание и др. Например, использование эмотивной единицы в тексте героической песни для передачи сложного эмоционального сосотояния героя:

Хазби райсом ламаз куы скæны æмæ йæ ламаздыхъыл куы
афынæй вæййы.
– *Æй… йарæби!..* Хуыцау, хаир фынтæ сæ фæкæ, – зæгъгæ, куы
фæтæррæтт ласы йæ ламаздыхъхъæй, æмæ йæ зæронд мадмæ
куы бацæуы, Санаты чызг, Косерханмæ. – Йа, гыцци, диссаджы
фынтæ федтон… зæронд адæм фынтæй дæсны куы уыдысты

(ОГП. Хазби). – «Хазби после совершения намаза вздремнул на коврике. – *Ох, боже!* Господи, сделай так, чтоб сны мои были к лучшему, – подскочив с коврика, по-

дошел он к своей старой матери, Косерхан Шанаевой. – Э, гыцци, дивные сны я видел… старшие же хорошо разбираются в значении снов…»

В нижеследующем примере этот же интеръективизм в речи используется для оправдания, возражения. На русский язык, на наш взгляд, в данном контексте эмотив *йарæбын* уместно было бы передать как «да ёлки-палки», «чёрт возьми» и т. п. Однако мы передаем его «да боже мой», что большее соответствует лексикографическим данным, но несколько не точно отражает стиль и естественность диалога:

– Сымах диссаджы адæм стут, диссаджы. Гæххæтт гæххæтт йеддæмæ ницы у, фæлæ цард æрмæст гæххæттæй нæу…

– *Йарæбын,* Тотик, абондæргъы мæ нæ равдæлд, фæлæ райсоммæ…

– Знон дæр мын раст афтæ загътай: «Райсом уыдзысты». Гъемæ дæ ныр фæрсын: кæцы райсом уыдзысты?..

– *Йарæбын,* Тотик…

– Ныууадз, дæ хорзæхæй, дæ *йарæбын-йарæбын*

(Т. Гуру. Ныхасы къуыбылой). – *Странные вы люди, странные. Бумага всего лишь бумага, но жизнь не только от бумаги зависит…*

– *Да боже мой, Тотик, сегодня мне некогда было, но до завтра…*

– *Вчера ты мне то же самое сказал: «Завтра будут». Вот теперь я тебя спрашиваю: в которое завтра они будут?..*

– *Да боже мой, Тотик…*

– *Оставь, пожалуйста, свое «боже мой-боже мой».*

Графическое представление данного эмотива характеризуется значительной вариативностью. В «Орфографическом словаре осетинского языка» приводятся следующие: арæби, арæббын, йарæби, йарæб (б) ын [ОСОЯ: 44, 232]. Однако в художественной литературе встречаются и другие, что обусловлено известным невниманием к правилам написания эмотивов. Например, *йарæппын:*

– *Йарæппын,* ирон адæм нал стæм ави? Бимбол нæ хъуыди… Бимболы агурæг арбацыдыстæм… Нæ бæхты нын раттут. Ауадзут нæ. Мах дæр дзæгъæлзæдтæ не стæм. Мыггæгтæ нын ис. Нæ сæрыл чи сдзура, ахæмтæ дзы разындзæн…

(Цæгæраты М. Быны чызг). – *«О, боже, не осетины мы уже что ли? Нам нужен был Бимбол… Мы пришли искать Бимбола… Верните нам наших коней. Отпустите нас. Мы тоже не безродные. У нас есть фамилии. Найдутся такие, кто заступится за нас…»*

В нижеприведенных примерах интерьективизмом *арæби* выражается возмущение, протест:

Хъæусоветы сæрдар Садул графины фарс бахоста, йæ рахиз къухы цы дæгъæл уыдис, уымæй.

– Мæнæ хорз адæм! – сдзырдта Садул… Уæллæй, куыд æй зæгъон, уый зонгæ дæр нæ кæнын. *Арæби,* не’мбырд нæма фæци æмæ кæрæдзимæ чысыл куы байхъусиккам…

(Т. Гуру. Ныхасы къуыбылой). – *«Председатель сельсовета Садул постучал ключом по графину.*

– Уважаемые товарищи! – заговорил Садул… Ей-богу, даже не знаю как сказать. ***Да, в конце концов****, наше собрание еще не завершилось, давайте послушаем друг друга…»*

– Хорз адæм, абон не'хсæн уазæг ис, цалдæр æмæ æртиссæдз азы Амырычы чи фæцис, ахæм уазæг… Йæ ном Хъæвдын у… Мæнæ Хъайсыны хистæр æфсымæр… *Арæбын,* бадгæ ма уал скæнут!.. Уæртæ фæстейы чи ис, уыдонмæ дзурын. Алыбон Амырыкæй бæлццæттæ куы нæ цæуы, мыййаг…

(Т. Гуру. Ныхасы къуыбылой). – *«– Уважаемые присутствующие, сегодня среди нас находится гость, который прожил более шестидесяти лет в Америке… Его зовут Кавдын… Вот старший брат Кайсына… Да боже мой, сядьте вы пока!.. Вон, те, кто сзади стоят, я к ним обращаюсь. Не каждый же день гости из Америки приезжают…»*

Б ы т ъ ы р (фæзынд чызджы фæдыл, сусæгæй). Зæлда, цы, уый зоныс? Ацы диссаджы бон кæрæдзийæн исты дзæбæх ныхæстæ куы акæниккам. Цинтæй байдзаг кæнæм нæ зæрдæтæ.

З æ л д а. Æнæ дзæбæх ныхæстæй мæ зæрдæ цинтæхъуаг нæу.

Б ы т ъ ы р. *Арæби,* лæппуйы зæрдæ цы хъуаг у, уый кæд бамбардзынæ, кæд?!

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – *«Б ы т ы р (появился за девушкой, незаметно). Залда, знаешь что? Давай в этот чудесный день будем говорить друг другу какие-нибудь приятные слова. Наполним наши сердца радостью. З а л д а. Мое сердце и без приятных слов радостно. Б ы т*

ы р. Бог ты мой, когда же ты поймешь, в чем нуждается сердце парня, когда?!»

В устной речи осетин частотное употребление имеет эмотив *уæллæй, уæллæгъи,* дигорское *уæллæхи.* В. И. Абаев приводит в одной словарной статье ИЕ wællæhi! wællæi! «клянусь богом», синонимом является хуыцауыстæн! Заимствовано из арабского, употребительно повсюду у мусульманских народов [Абаев, 1989: 81]. В русском языке соответствует *ей богу! ей-ей! и т.п.*

Например:

– *Уæллæй,* Тотрадз, сомы мæ нæ кæнын кæныс, фæлæ дын æй зæгъын: зæххардыстæн, æз мæ дунейыл ахæм рæсугъд, ахæм зæрдæмæдзæугæ адæймаг нæма федтон.

(Т. Гуру. Ныхасы къуыбылой). – «*Клянусь богом,* Тотрадз, клясться ты меня не заставляешь, но я тебе говорю, клянусь, что я такого красивого и приятного человека еще не встречал».

З а у ы р. Æцæг у зын фарста. Раздæр райдайын хъуыди. Æрыгонæй.

Д у к к и. Æрыгонæй? Æмæ йæ æз авдæны куы райдыдтон. *Уæллæй,* мæ авдæнмæ, дам-иу, лæппу хæстæг куы ‘рбацыди, уæд дам, хъæлæсыдзаг кæугæ кодтон, чызг-иу куы ауыдтон, уæд та, дам, худгæ.

Ф о н е т и к æ. Диссаг, афтæмæй дæ цахъæнмæ æнæ усай баззай?! (Хуыгаты Г. Туаллаг рæсугъд чызг). – *«З а у р. Действительно, сложный вопрос. Раньше надо было начинать. Молодым.*

Д у к к и. Молодым?. Так я же еще в люльке был, когда на-

чал. Ей-богу, когда, мол, к моей люльке мальчик подходил, то я во весь голос плакал, а если девочку видел, то смеялся. Ф о н е т и к а. Удивительно! Как же ты до сих пор не женился?!»

– Бауырнæд дæ, Дзыбын, уæддæр æз амонджды дæн…

– *Уæллæй,* стыр амондджын. Дæ хорзæхæй, уыцы æмбисонды рæсугъды кæм ссардтай, уый-ма мын зæгъ!..

(Т. Гуру. Ныхасы къуыбылой). – *«– Поверь, Дзыбын, все же я счастливый…*

– *Ей-богу, очень счастливый. Скажи, пожалуйста, где ты нашел такую красавицу!..»*

Правильным является наисание *уæллæгъи* [Орфографический словарь осетинского языка, 2002: 570], однако в произведениях художественной литературы нередко встречается также графический вариант *уæллæ-гъи*:

– … Рухсаг уæд, мæгуыр, дæ сиахс Мухар, колхозы иумæ бирæ фæкуыстам. Хæларæй фæцардыстæм. Уæдæ дæ хо Разиат дæр… *Уæллæ-гъи,* иу-цалдæр азы нæ бригады хæринаггæнæгæй фæци, æмæ ма хистæртæ ныр дæр йæ кой ракæнынц.

(Цæгæраты М. Тæгæрдойнаг Ацæмæз). – «– Пусть земля будет пухом твоему зятю Мухару. Дружно мы прожили. Да и сестра твоя Разиат… *Ей-богу,* несколько лет она в нашей бригаде поваром проработала, так о ней до сих пор старшие вспоминают».

Встречается также и употребление «у*æллæгъи-биллæгъи»:*

– Уадзæм æй, Б-бодз, уый нæ нуазы. У*æллæгъи-биллæгъи,* æз хистæр дæн ам æмæ йын æз б-бар радтон.

(Т. Гуру. Уæлæсыхы Бодз). – *«– Оставим его, Б-бодз, он не пьет. Клянусь богом, я здесь старший, и я ему разрешил».*

В «Дигорско-русском словаре» *биллæхи «ей-Богу»* приводится самостоятельно [ДРС, 2003: 199].

Одним из наиболее частотных интерьективизмов является *анассынæ (йанассынæ).* В живой разговорной речи данный эмотив может выражать различные, нередко противоположные эмоции, встречается в диалоге как реакция на вербальный или невербальный стимул. Употребляется в речи как мужчинами, так и женщинами.

Например, пренебрежительное, ироническое отношение:

З æ л д а. Рæдийыс, Бытъыр! Йæ хъæздыгдзинæдтæй йæ мæгуыртæн бахай кæнын куы бахъæуа, уый катайæ фехалд йæ гуыбын. (Ныххудт). Гъе, уый лæг у, *анассынæ,* гъе! Цæхæрадонæй йæ йæ хæдзармæ нал æвдæлы. (Фæуайы худгæйæ).

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – *«З а л д а. Ошибаешься, Бытыр! Он испугался того, что ему придется поделиться с бедными своим богатством, поэтому у него расстройство, живот разболелся. (Рассмеялась). Вот это мужчина, черт побери. Теперь ему из огорода домой зайти некогда. (Уходит, смеясь)».*

При выражении зависти, желания, стремления к чему-либо употребляется с *ехх*:

Т е п к а…….Хæрзаг Дасхан ма зæгъа, ницы архайæм йæ læджы сау митæ раргом кæныны охыл!

С е п к а. *Ехх, анассынæ,* гъер нæм Цъыруйы фæлтæрдзинад куы уаид!

Т е п к а. Цъыру та чи у?

С е п к а. Амырыкæйы, дам, ис ахæм лæг. Ахургонд куыдзæй, дам, рæвдздæр у лæджы фæд райарынмæ.

Т е п к а. А-а!.. Уый лæг нæу, сæрхъæн! Смудаг куйты фермæ у. Кæддæр радиойæ фехъуыстон цыдæр ахæм… Цъырыу.

(Хæмыцаты Ц. Гуырон бон). – «Т е п к а…….А то вдруг Дасхан скажет, что мы ничего не делаем для разоблачения ее мужа!

С е п к а. *Эх, елки-палки,* вот бы у нас было столько возможностей и умения как у Цру. Т е п к а. А кто такой Цру? С е п к а. В Америке есть, говорят, такой мужик. Лучше любой ищейки след берет. Т е п к а. А-а! Это не мужик, идиот! Это ферма для собак-ищеек. Когда-то по радио что-то такое говорили… ЦРУ».

Дз æ б е. Дæлæ та рацыд сæ кæртмæ уыцы æнкъардæй.

Б о б о. Цыма æппæт бæстæйы сагъæстæ йæ зæрдæйы сæмбырд сты!

Дз æ б е. Йæ хæлар чызджытæйыл куыд узæлынц!

Бъ е къ о. Уыдон сæ лæггадгæнæг чызджытæ сты.

Б о б о. *Ехх, анассынæ.* Уыдонæй фест!..

(Хæмыцаты Ц. Гуырæн бон). – «Дз а бе. Вон она вышла во двор, опять грустная. Б о б о. Как будто все проблемы мира в ее сердце собрались. Дз а б е. Как подруги вокруг нее увиваются!

Б е к о. Это их служанки. Б о б о. *Эх, черт возьми,* вот бы в них превратиться!..»

В устной разговорной речи часто встречается вариант

«йанассынæ», иногда в сочетании с именами существительными: «йанассынæйы фæтæген» – букв. «керосин йанассыны», «йанассынæйы хъыбыл» – «детеныш йанассыны» и т.п. В основном используется для передачи гнева, недовольства, возмущения, угрозы и т. п. Анализ имеющегося у нас лингвистического материала позволяет утверждать, что ИЕ имеет широкое распространение в устной речи представителей старшего и среднего возраста, хотя также встречается в речи молодежи. Видимо, из-за того, что описываемая ИЕ была заимствована в осетинский язык как нецензурное слово, и только со временем сошла на роль эмотивной единицы, в словарях и грамматиках ее описания нет, а в художественных текстах встречается значительно реже, чем в живой разговорной речи. Следует заметить, что в настоящее время редко кто помнит о происхождении данного слова, что объясняет, на наш взгляд, его активное использование в процессе коммуникации в различных речевых ситуациях.

В современном осетинском языке процессу интеръективации подвергаются имена существительные, содержащие в своей семантике эмотивность и оценочность. В зависимости от эмоциональной направленности и речевой ситуации в эмотивы переходят имена существительные, характеризующиеся особой экспрессивностью в речи, названия некоторых заболеваний, зоонимы, орнитонимы, детские слова и т.п. Рассмотрим данные интеръективизмы более подробно.

Например, выражение гнева, страха, тревоги в живой разговорной речи ИЕ *бæллæх – горе.* Чаще употребляется

мужчинами, является активной реакцией на какую-либо информацию или невербальный стимул.

С о л ы м (рагæпп сæм кодта). Банцайут, хæдзархалтæ, худинаггæнджытæ! Уæ хъæрмæ сыстдзæн канд сых нæ, æгас хъæубæстæ нæм фæдисы фæцæудзысты. Уæ хуыссæнтæм фæцæут, стæй æрра сырдтау Хуыцаумæ ниут, уæ хуыссæнтæм уын, зæгъын. Æрыхъуыстой уæм адæм! (Алчи йæ уатмæ ацыди). *Бæллæх, бæллæх!* Æхсæвыгон сæ уромæг уромын куы нæ фæразы, уæд цы уыдзæн бонæй? Мæ зæронд сæр, цытæ бавзæрстай, цы?…

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар) – «С о л ы м (выскочил к ним). Заткнитесь, разрушители моего дома, позорники! На ваш крик не только соседи, а все село прибежит на помощь. Убирайтесь в свои постели, а не взывайте к Богу, как дикие звери, идите спать, я сказал. Опозорились перед людьми! (Все разошлись по своим комнатам). *Горе, горе!* Их ночью успокоить невозможно, так что же днем будет? О, моя седая голова, сколько ты всего терпишь?..»

Выражение гнева, недовольства, возмущения может передаваться ИЕ, производными от имен существительных-зоонимов. Например, куыдз! – собака!, куыйтæ! – собаки! *Куыдз чи у, уый!* – букв. *тот, кто собака!* Степень проявления эмоции активная, может выступать в сочетании с *у, ух, æй,* также иногда употребляется в живой разговорной речи со словами *ух, анассынæйы куыйтæ* и т.п.

Х а дз ы. Не’ххуырстытыл зæрдæ дарæн нал ис. Знон Ацæмæзы минæвары ныхæсты фæстæ сæ сæртæ æртхъирæнгæнæгау бæрзонд систой, нæ сæ уыныс?!

Ацæмæзæй сæм ныфс фæзынд. Æмæ немæ æмбар лæгтау дзурын райдыдтой. *Куыйтæ!*

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). Х а д з ы. Нашим батракам больше нельзя доверять. Ты не видишь, что после вчерашнего разговора с посланником Ацамаза, они угрожающе высоко подняли свои головы?! Ацамаз им дал уверенность в себе. И теперь они с нами стали разговаривать, как с равными. *Собаки!*»

Г а б а й. (мæстыгæр худт ныккодта). Хъоды?! Сымах мæнылʔ! (Ноджы хъæрдæрæй ныххудт фыддæрадæн) О, сымах ныргæвд уе'ппæты дæр! *Куыйтæ! Цаммар куыйтæ! Куыйтæ!*

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – «Г а б а й. (рассмеялся со злостью). Бойкот?! Вы мне?! (еще громче назло рассмеялся). О, зарезать бы вас всех! *Собаки! Скверные собаки! Собаки!»*

Зоонимы, так же как и другие слова, в процессе интеръективации десемантизируются, утрачивая номинативность. На первый план в семантическом содержании производного эмотива выступает непосредственное выражение эмотивности, например:

Йæ размæ куы 'рбахæццæ, уæд уыцымæстыйæ æрлæууыд æмæ, йæ дæндæгты мæсты æлхъывд нæ фехалгæйæ, ралæмæрста:

– *Хæрæг!..* Уый æхсæны маринаг у, æхсæны… *Хæрæг!*

(Гуырион Т. Хæдойнаг). – «Приблизившись к нему, он, в гневе остановился, и выдавил сквозь зубы: – *Осёл!..* Его на стрельбище убивать надо, на стрельбище… *Осёл!*»

– *Акæс-ма уыцы хæрæгмæ!.. Уыцы фосмæ!.. Уыцы хуымæ!..*

(Гуырион Т. Хæдойнаг). – *Посмотри на этого осла!.. Эту скотину!.. На эту свинью!..»*

В последнем примере гнев персонажа выражен несколькими восклицаниями, адресованными его обидчику. Проследить процесс перехода зоонимов в интерьекционные единицы можно, рассмотрев эти же выражения в другом контексте. Например, если человек, находящийся на ферме, хочет продемонстрировать домашних животных: – Акæс-ма уыцы хæрæгмæ!.. Уыцы фосмæ!.. Уыцы хуымæ!.. – Посмотри на этого осла!.. Эту скотину!.. На эту свинью!..». В этом случае описываемые единицы являются именами существительными. А в речевой ситуации выражения гнева, в вышеприведенном примере, они интерьективируются, переходят в разряд эмотивов.

В осетинском, как и в русском языке имеются интерьекционные единицы, образованные в процессе интерьективации выражений, представляющих собой обращения к Богу, Всевышнему. Данные ИЕ используются в речи и мужчинами, и женщинами. Следует отметить, что эти обороты в соответствующем контексте употребляются в современном осетинском языке, как обращение к Богу, а не только в качестве эмотивных образований, в отличие от рассмотренных выше ИЕ *æллæх, йарæбын, уæллæй,* утративших связь со своим первоначальным значением. При переводе их следует передавать соответствующими эмотивами русского языка, также образованными в результате интерьективации.

А. М. Шегрен писал о том, что у осетин мужчины слабо придерживаются религии, женщины еще слабее… [Шегрен, 1843].

В. И. Абаев отмечал особенности исповедования религии осетин. «Христианство, пропаганда которого велась среди алан с V в., имело решительное преобладание, но и мусульманство укрепилось в некоторых частях Осетии» [Абаев, 1949: 72]. Однако осетины также совершали и языческие жертвоприношения: «Принимая христианство, осетин исполняет некоторые обряды, крестится, соблюдает посты и праздники, иногда ходит в церковь, упоминает имя Христа и некоторых святых, но вместе с тем справляет и прежние языческие обряды, совершает кувды святым местам (дзуарам), приносит жертвы – баранов, козлов, быков по известным дням и не думает, чтобы его прежние обряды были несогласимы с новыми, которые ему указывает духовенство» [Миллер, 237]. Религиозные особенности осетин не могли не отразиться в языке, в частности, в лексико-фразеологической системе осетинского языка. В осетинском языке достаточно много молитвенных формул, клятв, проклятий, связанных с религией, с именем Бога. Например, мужчины-осетины клянутся именем Бога: Хуыцауыстæн! – «Богом клянусь!», именем Святого Георгия: Уастæрджистæн! – «Клянусь Святым Георгием!», Кораном: Хъуыраныстæн – «Клянусь Кораном». В зависимости от речевой ситуации эти выражения могут использоваться как интеръекционные единицы, служить для передачи эмоционального состояния говорящего.

И мужчинами, и женщинами употребляются проклятия, пожелания различного характера: Хуыцау дæ ма сразы уæд!,

диг. Хуцау ди ма исарази уæд! – «Чтоб Бог тобой не был доволен!» Многие из клятв, обращений к Богу имеют эмотивный характер, то есть выполняют функцию выражения эмотивного или ментального состояния говорящего.

Так, выражение *о, ме скæнæг – о, мой создатель* может передавать сильные эмоциональные переживания, как положительные, так и отрицательные. Например, испытываемые одновременно удивление, восторг:

Т о т ы р. Дæ ныфс та куыд бахастай, дæ ныфс?

С æ н и а т. Æмæ йын цы зонын? «Уари, Уари»-иу кодтой æдзух. Уари цы дугъы нæ уыд, уый дугъ нæ хуыдтой. Гъемæ сæрра дæн, зæгъын, цы уа, уый уæд. Атардтон мæ фæнд. О, ме скæнæг! Мæ зæрдæ куннæ ратыдта риуæй. Йæ гуыпп-гуыпп ын мæхæдæгæ хъуыстон…

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «Т о т ы р. А как же ты решилась, как? С а н и а т. Откуда же я знаю? Все только и твердили: «Уари, Уари». Скачки, на которых не было Уари, даже скачками не называли. Вот я и сошла с ума, решила, будь что будет. Настояла на своем. *О, мой создатель!* Как у меня только сердце из груди не выпрыгнуло! Я сама слышала его стук…»

В нижеследующем примере эмотивное образование передает восхищение, изумление от неожиданной встречи с красивой девушкой:

Хъ а з а н.…Кæсын æмæ…саргъы бæхыл бады чызг… йæ бакастмæ гæсгæ – ирон. … *О, ме скæнæг!* Йæ цæстытæм ын

фемдзаст дæн æмæ мæ’васт мæ сæрæй мæ къæхты бынмæ цыдæр тых ахызти. Басыгъта мæ. Сау æвзалы куыннæ фестадтæн. Никуы мыл æрцыд ахæм хабар.

(Хуыгаты Г. Æрдхорд æфсымæртæ). – «К а з а н. Вижу,… на коне сидит девушка… внешне похожа на осетинку. *О, мой создатель!* Я встретился с ней взглядом, какая-то неведомая сила внезапно проскочила во мне от головы до ног. Сожгла меня. Как я не превратился в черный уголек. Никогда со мной такого не случалось…»

Выражение глубины чувств, восхищения:

С æ н и а т…. Баба мын мад дæр уыд æмæ фыд дæр. Нæ мын уыд бабайæ адджындæр зæххыл. Фæлæ куы фæзынд де ’фсымæр… *О, Хуыцау!* Фæсфæд æй фæуагъта!…Афтæ мæм каст, цыма æнæ уый цард цард нæу, фæлæ хъизæмар…

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «С а н и а т. Отец мне был вместо матери и отца. Никого не было у меня дороже отца. Но когда появился твой брат… *О, Боже!* Он оставил его позади!… Мне казалось, что без него жизнь не жизнь, а страдание…»

Несомненный интерес представляет характеристика эмотивов дигорского варианта осетинского языка, представленная в монографии М. И. Исаева «Дигорский диалект осетинского языка», так как диалектные сходства и различия интерьекционных единиц имеют большое значение для полного описания осетинского языка. Ценность монографического исследования заключается также и в том, что языковой материал работы основывался на собственных записях автора, для которого дигорская речь является родной,

а также на фольклорных материалах [20: 3, 4]. Все эмотивы дигорского диалекта по образованию разделены на первичные и вторичные (произошедшие от знаменательных частей речи). Следует отметить, что при описании производных (вторичных) интеръективизмов автором учитываются особенности их семантического содержания, трудности перевода. Перевод примеров с осетинского на русский язык дан и буквальный, и адекватный по смысловому содержанию.

Среди первичных ИЕ выделены односложные: *ах!, ух!, ау!, о!, уау!, гъæйт!* и др. и состоящие из повторения одного и того же слова: *ох-ох!, эх-эх!, фу-фу-фу!*

Вторичные подразделены на простые: *æллах!, æллах-æллах!,* и составные, которые представлены более широко: *мæ арт æрбауазал æй!* выражает горе, испуг (букв. «остыл мой очаг» (т.е. потух огонь в очаге), ард дæ хæдзари! Выражает негодование, проклятие (букв. «да будет в доме твоем клятва!») и др. – *Ард дæ хæдзари, кæд цæбæл гъæр кæнис – фæззуст кодта ибæл æ лæг. «Будь ты проклята, чего ты кричишь?»* – сказал сурово ее муж». Дана также и семантическая характеристика эмотивов дигорского диалекта осетинского языка.

Автор отмечает, что они способны выражать обширный круг эмоций, причем в зависимости от речевой ситуации одни и те же ИЕ передают различные оттенки эмоций и волеизъявления говорящего, например: боль, скорбь, испуг – *уау,* æллах, дæдæдæй и др.; удивление, сожаление – *а-а, эх-эх-эх, æллæх-æллæх;* отвращение – *тфу!;* желание – тæходуй; призыв – *фæдес!, гъæйт! Гъæйт, зæрдиуагæй*

уайетæ, догъи ма уотæ фæстаг! (Ираф) «Ну, старательно бегите, не будьте последними в беге»; *Æстуггин æфсоргъ, тæходуй, нана, хуцауи дзурдæй нур ку фестинæ* (Ираф) «Ох, если бы, мама, велением бога я обернулась в крылатого коня; *æллах-æллах – ниддес кодта зæронд уосæ* «Аллах-аллах, – удивилась старушка» [20: 93].

Эмотивные устойчивые сочетания

Значительным источником пополнения эмотивов в осетинском языке являются устойчивые сочетания, непосредственным образом отражающие процесс коммуникации. Функция эмотивных единиц – быть средством выражения ментального или эмоционального состояния или эмоционального отношения говорящего к речевой ситуации. Эмотивные фразеологические единицы усиливают образность, экспрессивность речи, способствуют более яркому проявлению эмоций говорящего.

Большой вклад в изучение эмотивной лексики и фразеологии осетинского языка внес профессор М. И. Исаев. В 1964 году была опубликована его монография «Очерки по фразеологии осетинского языка», явившаяся первым специальным исследованием по данной проблеме. В книге подробно рассматриваются состав, структурно-семантическое и грамматическое описание фразеологии осетинского языка. Анализируя структуру, значение и грамматическую характеристику устойчивых сочетаний осетинского языка, автор выделяет фразеологические единицы эмотивного характера, проводит детальное описание их семантического

содержания, указывая на особенности перевода эмотивных единиц с одного языка на другой. В своем труде М. И. Исаев выделил фразеологизмы эмотивного характера, отметив, что «по составу компонентов они могут быть самыми разнообразными, начиная от ничего не значащих словосочетаний и кончая распространенными предложениями» [Исаев, 1964: 99]. С семантической точки зрения данные устойчивые сочетания разделены на группы, выражающие:

1) боль, скорбь, испуг;
2) подъем, порыв;
3) удивление, возмущение;
4) угрозу;
5) отвращение, презрение
6) желание;
7) негодование, разочарование;
8) обращение, восклицание [Исаев, 1964: 99, 100].

Опираясь на данную классификацию, рассмотрим эмотивные образования осетинского языка, производные от устойчивых сочетаний.

К эмотивным фразеологизмам М. И. Исаев относит и многочисленные формулы доброго и дурного пожеланий, благодарности и поздравлений, сочувствия и соболезнования, угроз, ласкательных выражений и т.п. Рассматривая формулы проклятий осетинского языка, автор указывает на их тесную связь с историей, этнографией и условиями жизни осетинского народа: «Наличие в осетинском языке большого числа формул, выражающих различные проклятия, объясняется тяжелыми условиями, в которых жили осе-

тины раньше. Самый незначительный ущерб, нанесенный небольшому хозяйству горца, приводил последнего в отчаяние, и в адрес виновника извергались фонтаны проклятий, в магическую силу которых люди верили» [Исаев, 1964: 44]. Эмотивные устойчивые сочетания, несмотря на свой нечленимый характер, представляют собой явление развивающееся, динамичное, продуктивное. Эмотивные фразеологические единицы являются выразителями самобытности каждого языка, отражают специфику языка, особенности общения между людьми, степень эмоциональности носителей того или иного языка. Характер эмотивного речевого поведения отличается национальной специфичностью.

В устной речи осетин имеют широкое употребление *формулы выражения возмущения, негодования, недоумения, страха* (здесь и далее для обозначения эмотивов, производных от устойчивых сочетаний, используется терминология М. И. Исаева). Некоторые из этих формул в настоящее время встречаются в основном в художественной литературе и драматургии, другие характеризуются активным использованием в живой разговорной речи. Следует отметить, что существует этнокультурная и социально-гендерная дифференциация их употребления в устной и письменной речи.

Частотное употребление и в устной, и в письменной речи имеет выражения «мæ хæдзар» – «мой дом». Исследователи подчеркивали, что слово русского языка «дом» не может полностью передать семантику осетинского понятия «хæдзар». Дом, очаг у осетин был священным, неприкос-

новенным, враг, переступивший порог дома, становился гостем этого дома, и никто не имел права обидеть его. «Хæдзар – это центральное место помещение в доме. Из скольких бы комнат ни состоял дом, жизнь семьи в основном протекала в «хæдзаре». Вокруг «хæдзара» росла и сплачивалась семья» [Магометов, 1968: 263].

Выражения *«мæ хæдзарыл» – «на мой дом», «мæ хæдзар фехæлд» – «разрушился мой дом», «мæ хæдзар куыд хæлы» – «как рушится мой дом»* передают испуг, тревогу, беспокойство. Степень проявления эмоции активная. В русском языке точного соответствия нет, при переводе приблизительно можно передать его эмотивами, близкими по семантическому содержанию с поясняющим предложением, соответствующим контексту.

Т о т ы р. Бæхгæстæ куыд зæгъынц, афтæмæй æндæрæбон ацы бæх иннæ рæгъауы сау араббаг бæхимæ фæбыцæу æмæ йæ араббаг бахсыдта…

С о л ы м. Æмæ бæхкæсæгтæ кæм уыдысты? Хæлиудзыхтæ! Æввонгхортæ!

Г о н и о н. *Мæ хæдзарыл!* Гъе уый цух ма уыдыстæм!

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «Т о т ы р. Пастухи говорят, что этот конь повздорил с черным арабским скакуном и тот его загрыз…

С о л ы м. А пастухи где были? Разявы! Дармоеды!

Г о н и о н. *О, мой дом!* Этого нам только не хватало!»

С о л ы м.…Æгъдау афтæ амоны, иу æфсымæр фæзиан, уæд йæ бинойнаг иннæ æфсымæрæн хъуамæ баззайа! Куы нæ бафæнда, уæд! Æмæ нæ цæуылнæ хъуамæ бафæнда?

Мæн фæнды. Лæппуйы фæнды. Ныртæккæ ма Гæбийы æфсоны фарст бакæндзыстæм, амæ фæци!

Г о н и о н. *Мæнæ та мæ хæдзар куыд хæлы!* Мæнæ цæмæй тарстæн, уый мæ сæр куыд баййæфта! Нæ лæг, ды афтæ куы бакæнай, уæд мæхи рагъæныл æрцауындздзынæн.

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «С о л ы м. По нашим обычаям, когда умирает один брат, то вдова должна стать женой его брата! Если мы захотим, тогда! А почему мы не должны захотеть? Я хочу. Парень хочет. Сейчас мы еще Габи спросим для вида, и все! Г о н и о н. *О, как вновь рушится мой дом!* О, как меня постигло то, чего я боялась! Если ты так поступишь, то я повешусь».

Интересно отметить, что выражение *мæ хæдзар,* имеющее частотное употребление в устной речи, довольно активно функционирует и при непосредственном общении молодых людей. При этом, они используют его для выражения различных эмоций в разговоре на русском языке, иногда присоединяя к слову *хæдзар* – «дом» дериват *-ик*: «мæ хæдзарик», а также употребляют данное образование во множественном числе «мæ хæдзарики», например, выражение удивления, недовольства, зафиксированное нами в речи студенток СОГУ (девушки 19 и 20 лет):

– Завтра всем сказали подойти к первой паре, на медосмотр пойдем…

– *Мæ хæдзарики!* Опять что ли? Запарили уже…

– *Мæ хæдзар!* ты чё, пристёгиваешь? Какая четвёртая пара, у нас сегодня только три по расписанию!

В приведенных примерах, описываемая ИЕ, использу-

ется для выражения недовольства, возмущения, протеста. Очевидно, что в речи молодых людей в данном контексте, «мæ хæдзар» употребляется только лишь с целью выражения своих эмоций. При этом говорящий использует данное сочетание «в готовом виде», не всегда понимая происхождение эмотивного образования.

В. И. Абаев указывал: «Центральное место в мировоззрении древних осетин занимал комплекс: небо – солнце – огонь – свет» [Абаев, 1949: 72]. Поэтому многие клятвенные формулы в осетинском языке связаны со словом *арт* – «огонь»: *дæ зынг быхуыссæд!* – «чтоб затух огонь твоего очага»; дæ артыл дон акæн! – «налей воды на свой огонь!». У осетин, если в доме умирал последний продолжатель рода – представитель мужского пола, исполнялся такой магический ритуал: огонь заливался водой, снималась надочажная цепь – святыня домашнего очага – это означало гибель дома, о нем говорили: «Хæдзар бабын ис» – «Дом погиб» [Хубецова, 1977].

Так, в художественных текстах часто встречается интерьекционная единица *мæ арт бауазæл – «остыл мой огонь».* Употребляется исключительно лицами женского пола, является активной реакцией на вербальный или невербальный стимул, выражает страх, тревогу, беспокойство, например:

Д а с х а н. *Мæ арт бауазал!* Мæ чызг сæрра! Бауромут æй! Уыцы æфсадмæ хæринæгтæй фæкæсдзынæн, æрвитын сæм мæ’ппæт æххуырстыты дæр, гъе ’рмæст сымах ма цæут, чызджытæ!

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – «Д а с х а н. *Остыл мой очаг!* Моя дочь сошла с ума! Остановите ее! Я помогу

этому войску продовольствием, пошлю всех своих батраков, только вы не идите туда, девушки!»

Д ы гъ ы з а (сусæгæй Чачайæ). Ацы дзæгъæлхæтæг та демæ цæмæн ис?

Б о хъ и. Уый дæ чындз у ныр. Скъæфгæ йæ кæнын.

Д ы гъ ы з а (йæ уæрджытæ æрхоста). *Мæ арт бауазæл!* Мæхи амардзынæн! Фæлтау дæ æрцахсæнт! (Хъæр кæны фæссценæмæ). Милицæ-æ-æ!

(Хæмыцаты Ц. Дыууæ усгуры). – «Д ы г ы з а (незаметно о Чаче). А эта гулящая почему здесь? Б о к и. Она теперь твоя сноха. Я ее похищаю. Д ы г ы з а (бьет себя по коленям). *Остыл мой очаг!* Я покончу собой! Пусть тебя лучше арестуют! (Кричит за сцену) Милиция-а-а!»

Устойчивые эмотивные сочетания содержащие слово бындур – основа, буквально: основной камень, также характеризуются гендерной маркированностью. Выражение «мæ бындурыл» передает страх, тревожное состояние, беспокойство. Степень проявления эмоционального состояния активная Часто встречается в художественных текстах, имеет широкое употребление в устной речи женщин, представителей старшего поколения.

Дасхан (æрбацæуы). Цы хабар у, чызг?! Æрдæбон мын Зæлда афтæ загъы, дæхи, дам, иуварс айсыс æмæ кæуыс сусæгæй. … Цæуылнæ раттыс ком дæ бирæ курджытæй искæмæн? ….

А ц ы р у х с. Нæ, гыцци. Æз никуы скæндзынæн мой.

Д а с х а н. *Мæ бындурыл*! Цæуылнæ уæд?!

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). «Д а с х а н (под-

ходит). Что случилось, дочь? Мне сейчас Залда сказала, что ты часто втайне от всех плачешь…. Почему ты не соглашаешься стать невестой кого-нибудь из твоих многочисленных поклонников?

А ц ы р у х с. Нет, мама. Я никогда не выйду замуж.

Д а с х а н. *О, моя основа!* Почему это?!»

Для выражения страха, ужаса, беспокойства используется ИЕ *мæ къонайыл* – буквально «на мой очаг». Къона – «очаг», используемое в женских заклинаниях, приближается к слову хæдзар. С ним связано понятие тепла, огня, основы семьи, употребляется исключительно в речи женщин, сопровождается характерными жестами – «схватиться за щеки», «ударить себя по коленям»; степень проявления эмоции активная. Например:

– Нана, исты фыдбылыз ныл æрбамбæлд? – тыхстæй бафарста Таймураз…

– Нæ, нæ, лæппу гыццыл фæллад у.

– *Мæ къонайыл,* мацы мын кæнæд! – йæ рустæм фæлæбурдта чындз…

(Мæрзойты С. Фидиуæг) – «– Нана, случилась какая-то беда? – с тревогой спросил Таймураз… – Нет, нет, парень немного устал.

– *О, мой очаг,* лишь бы с ним ничего не случилось! – схватилась за щеки сноха…»

Также может использоваться в значении эмотива, выражающего восторг, изумление, удивление.

Горе, страх, тревогу выражает ИЕ *бабын дæн – погибнуть, пропасть, разориться, сгинуть.* Является активной

реакцией на вербальную информацию или невербальный стимул, употребляется в речи и мужчинами, и женщинами.

Х а дз ы. Лæппу!.. (Нырдиаг кодта). *Бабын дæн!* (Йæ риуыл фæхæцыд). *Бабын дæн!..*

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). – «Х а д з ы. Сын!.. (Зарыдал). *Пропал я!* (схватился за грудь). *Пропал я!..»*

Тревога, испуг, возмущение, удивление передается выражением *мæгуыры бонтæ* – букв. «бедные дни». Является активной реакцией на вербальную информацию, встречается в речи женщин. В речи молодых людей употребляется лишь иногда для выражения иронического отношения, создания комического эффекта и т.п. На русский язык приблизительно можно передать семантически соответствующими эмотивами О, ужас! Как же так! О, боже мой и т.п.

– *Мæгуыры бонтæ!* Æмæ уæдæ æз зонгæ дæр куы ницы бакодтон! Куыд ницы мын фехъусын кодтат! Искуы ма афтæ уыди…

«*– Да как же так! А я даже ничего и не узнала! Как вы ничего не сообщили! Разве так можно…»*

Упрек, укор в осетинском языке передается выражением *уаих фæуай.* В. И. Абаев определяет *уайых фæуай* как выражение упрека, приблизительно переводимое русским выражением «будь ты неладен!» – бирæгъ дзуры: «Мæнæ бæх, хæрдзынæн дæ». «Уаих фæуай, куыд мæ хæрыс, мæ уæлæ фыды ‘ртау куы нæ ис» «волк говорит: «конь я тебя съем». «Будь ты неладен, как ты съешь меня, когда на мне нет нисколечко мяса» [Абаев, 1989: 42].

Интересно, что в «Дигорско-русском словаре» данное

выражение характеризуется как ИЕ: *уайæх фæуун межд.* будь ты неладен (*выражение упрека*) [ДРС, 2003: 498], а в «Осетинско-русском словаре» под редакцией Т. А. Гуриева дан перевод на русский язык *постыдился бы,* но не указывается его принадлежность к интерьективизмам [ОРС, 2004: 417]. Однако при переводе на русский язык, не всегда уместным представляется передача «уаих фæуай» как «постыдился бы», в зависимости от контекста данное выражение следует переводить, как нам кажется, семантически соответствующими интерьективизмами.

– Хорз ус, ацы хайуан дын уæйиаг у?

Хъугуæйгæнæг, хъæлдзæг сылгоймаг, бахудти.

– *Уаих фæуай,* хорз лæг, уæдæ йæ базармæ адæмæн æвдисынмæ æрбаластон? – загъта ус. – Æхца мæ тынг æхсызгон куы нæ хъæуид, уæд æй ницæйы тыххæй ауæй кæнин.

(Гуырион Т. Мила – хъугæвзарæг). – «Уважаемая, это домашнее животное продается? Продавщица коровы, веселая женщина, усмехнулась.

– Вот тебе раз, уважаемый, а что же я ее на базар привезла, чтобы людям показывать? – сказала женщина. Если бы мне не нужны были срочно деньги, я бы ни за что ее не продала».

Г æ б и. Мæ мæгуыр чызг! Куыд æм систон мæ къух? *Уаих æрбауай,* мæнæй уый! Цытæ дæ сæрмæ хæсыс!

(Хугаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «Г а б и. Бедная моя дочь! Как я мог поднять на нее руку? *Будь я неладен!* Как ты мог!»

Удивление в осетинском языке передается с помощью выражения «царциаты диссæгтæ» – *букв.* «царциатские чудеса». В русском языке по семантическому содержанию приблизительно соответствуют ИЕ: Вот это чудеса! Вот это да! Ничего себе! и т.п. Степень выражения эмоции пассивная (в зависимости от речевой ситуации). Может выражать удивление с оттенком радости, иронического отношения. Например, удивление, с оттенком иронии:

А с æ б е (æрбаздæхт дзаг ведратимæ). Ахæм хотæ стут сымах! Чи зоны, дæ хойы дæр стыр ахуыргонд лæг æрхъуыд!

З æ р и нæ. *Мæнæ царциаты диссæгтæ!* Мæ сиахс куатæ бабаста йæ уæлæ æмæ хæдзары куыстытæ кæны!

(Хæмыцаты Ц. Дыууæ усгуры). – «А с а б е (возвращается с полными ведрами). Такие вы сестры! Наверное, и твоей сестре теперь ученый муж понадобился! З а р и н а. *Вот это да!* Мой зять, надев на себя фартук, занимается домашними делами!»

Удивление, изумление, недоумение также может быть выражено интерьективизмом *мæнæ диссæгтæ* – букв. *вот чудеса.* Примерно передать на русский язык можно с помощью ИЕ *ого, вот те раз, вот это да!* и т.п.

(Æрбацæуынц нæлгоймæгты уæлæдарæсы Ацырухс, Зæлда, Зæри æмæ Сæни дæр. Иннæ чызджытæй уæлдай Ацырухсы къухты ис æхсæргард).

А ц æ м æз. *Мæнæ диссæгтæ!* Сымах та чызджытæ, цæмæн?!..

(Хæмыцаты Ц. Арвæй æрвыст лæг). (Подходят в мужских одеждах Ацырухс, Залда, Зари и Сани. У Ацырухс еще

и оружие в руках) А ц а м а з. Вот это чудеса! А вы-то зачем, девушки?!..»

В устной и письменной речи при выражении удивления нередко используется ИЕ *уанцон нæу.* Например:

Нана ацы хатт къус æрдæгдзагæй рахаста. Мила та уый дæр асыллынк-сыллынк кодта æмæ та Нанамæ скасти.

– *Уанцон нæу…* Дæ гыццыл гуыбын пуртийы хуызæн куы ныддымст æмæ ма мæм цæлæнхъæл куыдзы каст куы кæныс… Абон дын æгъгъæд фæуæд…

(Гуырион Т. Мила – хъугæвзарæг). – «Бабушка в этот раз вынесла чашку, не до конца заполненную молоком. Мила и ее быстро вылакала и посмотрела на бабушку. – *Вот это да!* Твой маленький животик раздулся, как мяч, а ты все еще смотришь на меня, как голодная собака… На сегодня тебе хватит…»

В нижеследующем примере эта ИЕ выражает удивление с оттенком упрека, возмущения:

Т о т ы р. Омæ ма йæм иу хатт сдзур, хъæбæр дæрзæг ныхас ма йæм сæппар.

С æ н и а т. *Уанцон нæу,* мæ тиу? Фæлтау ме'взаг йæ рæбыныл ахауæд кæнæ мæ дзыхы бахус уæд! Æнæуи дæр чысыл æфхæрд нæ байййæфта! (Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «Т о т ы р. Ну, огрызнись ей, скажи один раз грубые, обидные слова.

С а н и а т. Не стыдно тебе, мой деверь? Пусть уж лучше у меня язык отвалится или во рту отсохнет! Она и так немало в жизни натерпелась обид!»

В «Дигорско-русском словаре» оно характеризуется как

ИЕ, выражающая удивление *«неужели!, неужто!, да ну!, не может быть!* **уанцон нæй, е уотæ бакæна** – не может быть, чтоб он так поступил» [ДРС, 2003: 499].

В осетинском языке выделяют «женские», «мужские», «общие» клятвы, заклинания и проклятия. Для женских проклятий и заклинаний характерны слова хæрз – «очень», сау – «черный», *судзгæ* – парафраза от глагола *судзын* – «гореть», бындур – «основа», хур – «солнце», къона – «очаг» и др. [Хубецова, 1977: 64].

Интересным представляется тот факт, что многие проклятия и пожелания осетинского языка в определенной речевой ситуации выступают в качестве эмотивных единиц. Так как интеръективизмом может быть признано десемантизировавшееся в результате интеръективации слово или выражение, то вполне уместным, на наш взгляд, является признание некоторых проклятий и пожеланий ИЕ. Так, например, достаточно часто используемые в речи выражения ***«йемынæ дæ ахæсса»*** – «пусть чума тебя заберет», ***«иу дæр уæ мауал уа»*** – «чтоб ни одного из вас не осталось (в живых)» и т.п., без всякого сомнения являются эмотивами, если они употреблены в речи в качестве непосредственного выражения эмоционального состояния говорящего, как активная реакция на вербальный или невербальный стимул, при этом, говорящий может и не осознавать смысла самого проклятия, которое он только что употребил. Так, по имеющимся у нас аудиозаписям устной речи, можно сделать выводы, что такое использование многих проклятий осетинского языка наблюдается достаточно часто. Например, упо-

требление проклятия ***«удхæссæг уæ ахæсса»*** – буквально «чтобы тот, кто забирает души, забрал вас» в речи молодой женщины по отношению к своим детям, было непосредственным выражением гнева. То есть, во время выражения своего возмущения и гнева, о содержании высказанных слов в адрес малолетних детей, по словам женщины, «она и не подумала, просто была очень на них сердита». Таким образом, проклятие в данной речевой ситуации в процессе интеръективации десемантизировалось, то есть перешло в эмотив.

Эмотивные устойчивые сочетания в осетинском языке многочисленны, а нередко являются результатом персонального творчества. Яркий пример приводит М. И. Исаев в монографии «Очерки по фразеологии осетинского языка»: «…высаженный проводником безбилетный пассажир напутствовал проводника: *поезды цалх дыл искуы разилæд!* «да переедет тебя где-нибудь колесо поезда!» [Исаев, 1964: 46]. Такого рода окказиональные выражения, проклятия, пожелания имеют довольно частое употребление в устной речи, характеризуются активным проявлением эмоционального состояния говорящего и часто вызывают соответствующую ответную реакцию слушающего.

Волитивно-эмотивные грамматические единицы

В осетинском языкознании волитивные (волеизъявительные) единицы традиционно подразделяют на интеръективизмы, обращенные к человеку и обращенные к животным [Багаев, 1965].

Среди производных волитивных интеръектем, как и сре-

ди непроизводных, в осетинском языке можно выделить вокативные и императивные.

Призыв о помощи передается ИЕ *фæдис – тревога, погоня.* В «Осетинско-русском словаре» [2004] для данного слова в эмотивном значении дан перевод *караул!* Однако иногда, в зависимости от речевой ситуации, с целью сохранения исторического и национального колорита произведения, на русский язык слово *фæдис* в значении эмотива более уместно передавать как *тревога, на помощь* и т.п.

Хъ æ л æ с (Æдде). Гъей-ей-ей, адæм! *Фæдис! Фæдис!* Сылгоймаг йæхи айнæгæй аппæрста! *Фæдис!* Баххуыс кæнут! *Фæ-дис!*

(Хуыгаты Г. Хъæздыг хæдзар). – «Г о л о с (на улице). Э-э-э-й, люди! *На помощь! На помощь!* Женщина сбросилась со скалы! *На помощь!* Помогите! *На по-мощь!*»

Употребляется также с эмотивными или волитивными *ой, гъей, о, уæу* и т. п. Например:

Хъæу ныссабыр,
мигъбын тайы…
Уайы иу ус уынгты мæнæ,
Алкæй рудзгуытæ ныххойы:
«*Ой*,
Фæдис!
Фæдис!
Замана!..
Сыстут,
Бастъæлат,
Цы фестут?!

(Калоты Х. Фæстаг фæдисонтæ) – «В селении все затихло, туман растворяется, Вот женщина по улицам одна идет, Ко всем стучится в окна: «*О, Тревога! Тревога!* Беда! Вставайте, Пропадите вы, Куда вы подевались?!»

Эмотив *размæ* выражает призыв к стремительному движению:

«О Цæрай, кæм дæ, цы фæдæ?
Размæ дар хъæддых дæ кард
Æмæ уай мæ фæдыл! –
Дзуры йе ‘мбалмæ Асæх. –
Хъæу нæма рацыд фæдисы.
Знаг йæхи фæстæмæ исы,
Бамбæрзта йæ тугæй зæхх…
Размæ!
Размæ!
Тагъд!»

(Калоты Х. Фæстаг фæдисонтæ) – «О Царай, где ты, куда ты делся? Вперед держи крепко свой меч

И иди за мной! – говорит своему другу Асах.

– Село еще не пришло к нам на подмогу. Враг отступает, покрывая землю своей кровью… *Вперед! Вперед!* Скорей!»

Побуждение к действию выражается ИЕ *марадз.*

К производным волитивным интеръекционным единицам относятся и некоторые формулы угроз, которые по форме являются повелениями, предупреждениями: дæ къухтæ дæхимæ дар! «держи руки при себе!» (т.е.не трогай руками, иначе будет плохо); дæ дзыхыл хæц! «держи язык за зубами!»; дзæбæхæй не ’мбарыс?!» «по-хорошему не понима-

ешь?!» [Исаев, 1964]. То есть данные устойчивые сочетания содержат в себе и волитивный, и эмотивный компоненты смысла.

Заимствование эмотивов и эмотивных образований

Одним из способов образования производных (вторичных) интеръектем в языке является заимствование. Такие интеръективизмы со временем ассимилируются, аналогично другим заимствованиям. Исследователи отмечают, что эмотивы составляют «наиболее специфичную и консервативную часть каждого национального языка и с трудом пропускают в свой круг ‘чужаков’» [Крысин, 2002: 30]. Однако в осетинском и русском языках есть эмотивы, которые заимствовались наряду с другими словами, функционирующие в них до настоящего времени. Следует отметить, что осетинским языком эмотивные образования заимствуются в основном из русского языка, а интеръекционные единицы из других языков – посредством русского языка, как и абсолютное большинство заимствованных слов: «европейско-американские заимствования обычно вначале заимствуются русским языком, затем переходят в осетинский. И семантические изменения чаще происходят в процессе заимствования их русским языком, а с русского языка в осетинский язык они уже переходят без изменений» [Гацалова, 2005].

Следует заметить, что бывают случаи, когда заимствованная ИЕ настолько «входит» в ткань языка, что при переводе на язык, из которого она была заимствована, часто при-

ходится подбирать различные интерьективизмы для передачи семантического содержания переводимой ИЕ.

Анализ производных эмотивов осетинского и русского языков показывает, что из одного языка в другой заимствуются наиболее часто интерьекционные единицы, имеющие «интернациональный» характер.

На сегодняшний день наиболее многочисленны заимствования из английского языка. Так, к новейшим заимствованиям эмотивов в современном русском языке можно отнести эмотивы типа *ауч, упс, кул, о-оу, бла-бла-бла, вау* и т.п. Поскольку их эквиваленты, имеющиеся в русском языке, семантически гораздо точнее самих заимствований и их выбор гораздо больший (*ой-ух-эх, здорово-класс-круто, здрасьте-приехали- ну вот – конец, ну-ну (да-да-да) ага, шик-блеск-красота-ого* и т.д.), то частое использование иноязычных эмотивов в повседневной речи подростков (что, к сожалению, является актуальной речевой проблемой) не представляется оправданным. Это безусловные варваризмы в составе заимствований русского языка [Середа, 2005].

В настоящее время интерьективизм *вау,* заимствованное в русский из английского языка, является одним из наиболее часто используемых в речи для выражения радости, восторга, восхищения. Является реакцией на высказывание собеседника, невербальный стимул или откликом на собственную мысль. Имеет широкое распространение в разговорной речи молодежи, детей школьного и даже дошкольного возраста, что, на наш взгляд, объясняется сильным влиянием западной лингвокультуры через посредство кино, телевиде-

ния, СМИ. Также нередко встречается в разговоре представителей средней возрастной категории, например:

Быстрая речь Риты была прервана звонком мобильного. Недовольно поморщившись, девушка схватила трубку.

– Да ну? – воскликнула она спустя секунду. – А он чего? *Вау!* Давай приезжай! А мне плевать, последний час там сижу. Ага! Перед уходом весь комп очищу, пусть посуетится, урод! Я сейчас еще одной женщине глаза открыла, клиентки его лишила. Пустячок, а приятно. Ну, жду! – Сунув мобильный в карман, вскочила. – Мне пора.

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

В приведенном выше примере эмотив *вау* передает злорадство. В нижеследующем – восхищение, восторг:

Аня, у которой в тот день было замечательное настроение, улыбнулась.

– Садитесь, все равно пока лентяйничаю.

Баба замерла.

– Что же вы? – поторопила ее Аня. – Идите ко мне.

– А ну, встань! – резко велела нежданная клиентка.

Аня заморгала, но потом, вспомнив, что посетитель всегда прав, вылезла из рабочего кресла.

– *Супер!* – хлопнула в ладоши тетка и приказала:

– Пройдись.

– Куда?

– Без разницы. Туда-сюда.

Аня покорно выполнила приказ.

– *Класс!* – восхитилась странная клиентка. – Руку подними, вторую… *Вау!* Хочешь славы и денег?

– Сколько? – оторопело спросила Аня.

– Ну, сначала немного, пару тысяч баксов в месяц, – деловито заявила бабенка. – Потом возможны миллионные контракты.

(Д. Донцова. Билет на ковёр-вертолёт).

В вышеприведенном примере употребляется несколько эмотивов, передающих сильное эмоциональное возбуждение субъекта, испытывающего одновременно удивление, восхищение, радость от неожиданной встречи с девушкой, подходящей по всем параметрам для ее модельного агентства. Из употребленных интерьективизмов к относительно недавним заимствованиям относятся *вау* и *супер*. Эмотив вау, заимствованное из английиского, в русском языке графически передается также *уау!*

В настоящее время в осетинский язык проникает большое количество эмотивных выражений из русского языка. В процессе ассимиляции некоторые из них меняют звуковое оформление, семантико-стилистическое содержание. Заимствования из русского языка активно используются в устной речи, нередко употребляются в художественных текстах, в том числе, с целью усиления экспрессивности, придания комического эффекта и т.п.

Например, выражение удивления, изумления:

…«Цæдисæмбал» йæ цæст Федырмæ æрныкъуылдта æмæ цайцымæн æнæ сулæфгæйæ фæдæлæ кодта, æцæг йæ хъуырæй цавæрдæр æхситт райхъуыст.

– *Уый дын номыр!* – ныццин коддта, Лактемыры дæллаг фарс чи бадт, уыцы лæппу

(Т. Гуру. Ныхасы къуыбылой) – «Цадисамбал» подмигнул Федыру и не вздохнув выпил стакан водки, издав горлом какой-то странный свист. – *Вот это номер!* – воскликнул парень, сидевший за Лактемиром.

В нижеследующем примере гнев, возмущение, досада выражаются заимствованным из русского языка словом *сволочь*. При этом использование ИЕ в речи персонажа создает особый экспрессивный эффект, указывает на сильное эмоционального возбуждение говорящего, например:

«Фæхудинаг мæ кодта… Лæг ацы номæй кæдæм фæлидза?..»…

– Хуыцау куы уаид, уæд уыцы пъири бæргæ бамыр кæнид, – сирвæзт дзы хъæрæй. – *Сволычы чи у, уый! Сволычы!*

(Т. Гурион. Ныхасы къуыбылой) – *«Опозорил он меня… Куда теперь от этой клички спрятаться?»… – Если бы Бог был, то закрыл бы его рот навсегда, – вырвалось у него вслух. – Вот сволочь! Сволочь!»*

Следует отметить, что в осетинском языке наблюдается использование заимствований из русского и английского языков в речи молодых людей. Часто встречается ИЕ вау (уау!). Рассмотрим некоторые примеры, записанные нами из речи студентов СОГУ:

– Цæй цы, равзæрстай исты?

– Балхæдтон, кæс…

– *Уау! Тынг у! Класс!*

«– Ну что, выбрала что-нибудь?

– Купила, смотри…

– *Уау! Сильно! Класс!*»

Здесь использованы эмоционально-оценочные интеръективизмы, имеющие широкое употребление в русской разговорной речи у*ау (вау) и класс*, и эмотивное выражение осетинского языка, передающее восхищение, восторг, положительную оценку *тынг у,* образованное из выражения «тынг хорз у» – «очень хороший», «тынг тыхджын у» – «очень сильный» и т.п. В осетинском языке есть интеръективизм *уау!* выражающий крик от боли, отчаяние, испуг, совпадающее по звучанию с английским *уау (вау)*. Однако осетинское *уау* не употребляется для выражения восторга, восхищения, как эмотив *уау* в приведенном нами примере. Это дает нам основание утверждать, что в речи говорящего была использована ИЕ, заимствованная русским языком из английского.

В речи представителей молодого поколения значительно чаще появляются новые «модные» заимствованные интеръекционные единицы. Представители старших возрастных групп более консервативны и не расположены к такого рода новациям. Речь детей школьного возраста, особенно подростков, выделяется эмотивными неологизмами, на их взгляд, наиболее правильно отражающими отношение к определенной ситуации. Немалую роль в этом играет и существующая «мода» на выражение эмоционального состояния посредством тех или иных эмотивов, жестов и мимики. Следует отметить, что значительное количество «модных» эмотивов достаточно быстро лишаются своей злободневности, так как речь молодых людей активно меняется под влиянием средств массовой информации.

Сопоставительное описание эмотивных грамматических единиц

Начало сопоставительно-типологических исследований положено в XVIII-XIX веках. В трудах В. ф. Гумбольдта основывается значимость сопоставительного изучения языков на синхронном уровне: «Через многообразие языков для нас открывается богатство мира и многообразие того, что мы познаем в нем, и человеческое бытие становится для нас шире, поскольку языки…дают нам различные способы мышления и восприятия. Язык всегда воплощает в себе своеобразие целого народа…» [Гумбольдт, 1985: 349].

Необходимость типологических исследований подчеркивал И. А. Бодуэн де Куртенэ: «… мы можем сравнить языки совершенно независимо от их родства, от всяких исторических связей между ними. … Везде мы наткнемся на вопросы о причине сходств и различий в строе языка и в эволюционном процессе на той и другой почве. Подобного рода сравнение языков служит основанием для самых обширных лингвистических исследований, как в области фонетики, так и в области морфологии языка, так и, наконец, в области семасиологии, или науки о значении слов и выражений» [Б. де Куртенэ, 1963: 245].

Сопоставительное изучение эмотивов в разноструктурных языках непосредственно связано с этнолингвистикой, лингвокультурологией, теорией и практикой перевода, вопросами межкультурной коммуникации.

Из приведенного в предыдущих параграфах лингвистического материала можно сделать выводы о том, что в

русском и осетинском языках имеются значительные схождения в способах образования производных эмотивов, их функциях в речи, семантико-стилистической нагрузке и т.д.

Производные эмотивы в русском и осетинском языках образуются в процессе интеръективации. В обоих языках выделяются когнитивные, эмотивные и волитивные производные интеръекционные единицы. Основной функцией эмотивных образований в русском и осетинском языках является вербализация эмоций. Среди эмотивных ИЕ в сопоставляемых языках выделяются единицы с позитивной, амбивалентной и негативной окраской. Эмотивные образования могут выражать то или иное состояние духа, отношение к чему-либо: радость, восторг, восхищение, одобрение, чувство удовлетворения, удовольствие, удивление, страх, печаль, беспокойство, досаду, сожаление, тоску, иронию, упрек, презрение, возмущение, отвращение, ненависть, грусть, отчаяние, предупреждение, самоуверенность, раздражение, унижение и т.д. И в осетинском, и русском языках в зависимости от контекста один эмотив может передавать самые различные эмоции, отражать ментальное состояние говорящего, а разные интеръективизмы могут иметь одинаковое семантическое содержание, например, в осетинском языке эмотив «уый дын йе», (примерно переводимое на русский язык «вот тебе раз», «вот это да»), может передавать множество различных эмоций: состояние грусти, печали, сожаления, тоски, восхищения, восторга, удивления.

В русском языке, как отмечалось выше, имеется значительное количество эмотивов, произошедших от вокатив-

ных форм имен существительных: *батюшки, матушки, мамочки*. Данные эмотивы характеризуются активным употреблением в живой разговорной речи для отражения различных эмоциональных состояний и оценок.

Так, для выражения удивления нередко используются ИЕ *мамочки,* например:

– *Мамочки,* уже приезжаете? Класс! (1).

– *Мамочки*, это что новости?! Откуда ты взялся? (2).

При этом одним и тем же интерьективизмом может быть передано удивление как с положительной тональностью (1), так и с отрицательной (2).

Страх, испуг, недовольство передают ИЕ *мама!, мамочки!* Чаще всего употребляется в качестве ответной реакции на какую-либо неожиданную ситуацию, может использоваться с непроизводным *ой,* например:

– *Ой, мама!* Чуть концы не отдала… нельзя же так внезапно из-за угла выпрыгивать!..

– *Ой, мамочка!* Спасите, спасите! Он меня прибьет!

При устном общении не возникает сомнений относительно того является ли «мама», «мамочка» непосредственным обращением к матери или же это эмотивная единица. Правильное восприятие семантического содержания высказывания и эмоций, выражаемых интерьекционными единицами, возможно благодаря интонации, контексту, речевой ситуации.

В обоих языках частотное употребление имеют интерьекционные единицы, соотносимые с вокативными формами имен существительных – обращений к высшим силам:

б*оже, господи, бог мой, о, мой создатель; о, ме скæнæг, о, хуыцау, хуыцауы гæрах* и т.п.; имен существительных-зоонимов, оценочных имен прилагательных, устойчивых сочетаний и т.д.

Следует заметить, что наряду со схождениями наблюдаются и определенные различия в употреблении эмотивных единиц в сопоставляемых языках, поскольку эмотивы характеризуются национально-культурной спецификой и социально-гендерной маркированностью. Так, в осетинском языке нет эмотивных форм, которые представляют собой обращение к матери или отцу, что связано с традиционным этикетом и национальной культурой осетин. С этим же связано и непопулярность упоминания нечистой силы при выражении эмоционального состояния говорящего. Так, если в русском языке достаточно частотное употребление имеют интерьекционные единицы со словом «чёрт», то в осетинском языке не наблюдается использование эмотивных образований со словом «хæйрæг». Следует отметить, что в устной речи на осетинском языке можно услышать употребление русского эмотива «чёрт», что объясняется влиянием русского языка в условиях тесного двуязычия. Такое использование русских эмотивных единиц в речи на осетинском языке наиболее характерно для представителей молодого и среднего поколения, значительно реже их используют в устной речи люди старших возрастных групп.

Сопоставительный анализ показывает, что своеобразие языковых традиций употребления наиболее ярко проявляется в эмотивных устойчивых сочетаниях, так как в них ин-

тенсивнее отражаются особенности материальной и духовной культуры носителей языка. Этнокультурная специфика употребления эмотивных единиц отражается и в гендерно-возрастной дифференциации использования их в речи. Так, мужчины обычно не выражают свои эмоции посредством «женских» эмотивов, женщинам не подобает применять традиционно «мужские» интеръективизмы. В речевых ситуациях, когда происходит нарушение данных традиций, эмотивная единица приобретает оттенок ироничности, нарочитости, например, зафиксированное нами употребление ИЕ «мæ хæдзар» в речи мужчины 57 лет:

– О, салам, ам дæ ды дæр? *Мæ хæдзар,* æмæ дæ усæн та цы зæгъдзынæ? Хæдзармæ ма дзы бауæндзынæ? Цæй, махмæ-иу рацу, гæнæн нæй! – «О, салам, ты тоже здесь? О, мой дом, а что же ты своей жене скажешь? Домой вернуться ее не побоишься? Ладно, к нам приходи, что ж поделать!»

В приведенном примере использовано эмотивное выражение «мæ хæдзар», букв. «мой дом», характерное для разговорной речи женщин с целью активного выражения испуга, ужаса, тревоги т.п. В данной речевой ситуации прослеживается намеренное применение интеръективизма для придания высказыванию особой остроты, иронического отношения к адресату. С этой же целью при беседе на осетинском языке довольно часто используются эмотивные образования русского языка, при этом в речи мужчин более комично звучат ИЕ русского языка характерные для женской речи, например, отрывок из разговора студентов:

– Цæй, цы? Абон дæттыс? Бацу уал уæдæ ды.

– *Ой, кошмарики*, тæрсын, ды уал раздæр…

– *Ну, чё? Сдаешь сегодня? Давай ты заходи тогда.*

– *Ой, кошмарики, боюсь, давай ты сначала…*

В данном случае «Ой, кошмарики» воспринимается как не совсем адекватное поведение для парня 22 лет, однако, понятная из контекста, интонации преднамеренность использования этого выражения проясняет ситуацию.

Все эти тонкости и особенности правильного функционирования эмотивов в живой разговорной речи и художественных текстах при выражении ментального и эмоционального состояния говорящего, субъективно-чувственного отношения к чему-либо, необходимо знать для успешной межкультурной коммуникации, лексикографической репрезентации и полноценного перевода интерьекционных единиц.

Таким образом, мы пришли к следующим выводам:

1. Эмотивный языковой фонд является живой, пополняющейся языковой системой. Пополнение эмотивного фонда и в русском, и в осетинском языках происходит в процессе интерьективации разрядов.

2. В осетинском языке нет эмотивных форм, которые представляют собой обращение к матери или отцу, что обусловлено национальной культурой осетин.

3. Для эмотивов характерна энантиосемия, в зависимости от речевой ситуации и интонации одна и то же ИЕ может выражать противоположные эмоции.

4. Среди производных эмотивов важное место занимают устойчивые фразеологические сочетания, которые утратили

самостоятельное лексическое значение и выполняют функцию эмотивов. Эмотивные устойчивые сочетания и фразеологизмы обладают целостностью, воспроизводимостью, образностью и экспрессивностью. В речи они способствуют более яркому проявлению чувств, настроений, переживаний говорящего.

5. Устойчивые эмотивные сочетания тесно связаны с историей, этнографией и условиями жизни народа – носителя языка.

6. Волитивные интерьективы русского и осетинского языков выражают побуждение к действию, призыв к прекращению действия, обращение к определенному лицу. Выделяются эмотивы, обращенные к человеку и обращенные к животным. Среди волитивных производных интерьективизмов можно выделить группы по сфере применения: единицы, употребляемые в военном деле, язык охотников и т.д. Волитивные, так же как и эмотивные и когнитивные инетрьективизмы соотносятся с различными лексико-грамматическими разрядами.

7. Одним из способов образования производных (вторичных) эмотивов в языке является заимствование. Данные заимствования со временем ассимилируются аналогично другим заимствованиям.

8. Осетинским языком эмотивы и эмотивные образования чаще заимствуются из русского языка, а интерьекционные единицы из других языков – посредством русского языка, как и абсолютное большинство заимствованных слов.

9. В устной речи молодых людей, детей школьного воз-

раста встречается наибольшее количество заимствованных эмотивных единиц из английского и русского языков. Некоторые эмотивы, в том числе заимствования, становятся словами-паразитами. Это обусловлено влиянием западной лингвокультуры посредством кино, телевидения и других СМИ.

Теоретические и практические вопросы перевода эмотивов

Перевод эмотивов представляет значительные сложности, при этом, проблема передачи их с одного языка на другой занимает незначительное место в работах известных теоретиков перевода. Недостаточная разработанность вопросов теории и практики перевода эмотивных единиц, обладающих существенным речевым потенциалом, отрицательно сказывается на качестве перевода того или иного произведения. В определенной речевой ситуации, с помощью эмотивов можно самостоятельно осуществлять коммуникацию, поэтому незнание ИЕ, правил его функционирования в иноязычной речи может привести к непониманию носителя языка при обособленном употреблении им того или иного интерьективизма.

На значимость эмотивных единиц при переводе и межкультурной коммуникации указывает Е.В. Милосердова: «Наряду с одинаковыми языковыми формами, для выражения различных эмоционально-экспрессивных значений: удивления, негодования, упрека, восхищения и т.п., налицо также специфические языковые конструкции, отмеченные

грамматическим идиоматизмом, а потому и трудные для усвоения. При их переводе очень важно избегать калькирования форм родного языка на иностранный, которые у носителя данного языка могут вызвать недоумение или будут им просто не поняты» [27: 89]. Таким образом, междисциплинарный подход к исследованию эмотивов с учетом исходных положений и выводов лингвокультурологии и этнолингвистики способствует более полному осмыслению их функционально-семантических, когнитивно-прагматических особенностей, а также имеет практическое применение при передаче интерьекционных единиц с одного языка на другой.

Трудности, с которыми сталкивается переводчик при передаче эмотивов с одного языка на другой, не всегда легко преодолимы из-за неразработанности данного вопроса в теории перевода и лексикографической репрезентации ИЕ.

При переводе большое значение имеет установление функционального тождества между единицей исходного языка и единицей языка перевода.

Так, А. В. Федоров писал: «Полноценность перевода состоит в передаче специфического для подлинника соотношения содержания и формы путем воспроизведения особенностей последней (если это возможно по языковым условиям) или создания функциональных соответствий этим особенностям. Это предполагает использование таких языковых средств, которые часто и не совпадая по своему формальному характеру с элементами подлинника, но, соответствуя норме языка перевода, выполняли бы аналогичную выразительную функцию в системе целого» [28: 114].

Применительно к переводу, функция отдельной единицы текста ИЯ понимается нами как значение в рамках определенного контекста.

Проблема передачи эмотивов и эмотивных образований с одного языка на другой представляется малоизученной. Как показывают наблюдения, ИЕ часто оказываются за пределами внимания переводчика. Существующая определенная недооценка роли эмотивов, приводит к снижению качества перевода, так как их функции в речи весьма разнообразны и важны.

Следует отметить, что в языке перевода в большинстве случаев имеются закономерные соответствия для интеръекционных единиц исходного языка. Однако задача переводчика осложняется тем, что наличие этих соответствий в контактирующих при переводе языковых системах еще не означает обязательного их сохранения, так как ИЕ в системе языка (как словарные единицы) имеют несколько иные свойства, чем в процессе речевого общения. В речи эмотивные образования встречаются значительно чаще, и передаваемые ими значения разнообразнее, чем в словарях. При этом очень важно правильно определить интонацию, с которой произносится то или иное эмотивное образование в конкретной речевой ситуации, так как именно интонация во многом определяет семантическое содержание интеръективизма. Поэтому для обеспечения полной адекватности при переводе ИЕ необходимо различать их варианты и инварианты как в исходном языке, так и в языке перевода, учитывая при этом, насколько экспрессивно-эмоциональные оттенки

каждой ИЕ языка перевода соответствуют в контексте, в речевой ситуации экспрессивно-эмоциональным оттенкам ИЕ в языке оригинала [29].

При переводе с одного языка на другой эмотивных образований следует также учитывать, что семантически близкие интеръекционные ИЕ могут значительно различаться по стилистическому употреблению.

Характерной чертой эмотива является, на наш взгляд, тесная связь семантики ИЕ с национально-культурной традицией и историей народа – носителя соответствующего языка, с интонационными и орфоэпическими нормами и особенностями определенного языка.

Так, при переводе с русского на осетинский язык немаловажно знать, что в осетинском языке выделяются эмотивные образования, употребляемые преимущественно мужчинами: *«Ард дæ хадзары бацæуа!», «О, Хуыцауы гæрах!»* и другие, и интеръективизмы, чаще всего встречающиеся в речи женщин: ***кс-кс,*** передающее обращение к лицу, имя которого не может быть произнесено в определенной речевой ситуации; *«Мæ бон бакалди!», «Мæ арт бауазал!», «Мæ хæдзар фехæлд!»* и др. [7; 29]. Понятно, что незнание или игнорирование этой особенности в речи осетин может привести к ощущению неправильного эмоционального поведения субъекта в момент речевого общения или нарушению стилистики произведения, авторского замысла.

Нахождение эквивалентов для перевода производных эмотивов имеет определенные трудности. В большинстве случаев оказывается невозможным использовать букваль-

ный перевод лежащего в основе эмотива значимого слова. Необходимо искать ситуативно-подходящие интерьективизмы в языке перевода, нередко полностью отличающиеся от эмотивов исходного языка по своей этимологии.

При переводе ИЕ важно учитывать, что семантически синонимичные эмотивы, не различаясь или почти не различаясь по значению, могут быть совершенно разными по стилистическому употреблению. Стилистическая дифференциация характеризует особенности речи говорящих, их принадлежность к определенной социальной среде или группе. Ср. например: *«О, Боже!», «Господи!», «Бог ты мой!», «Мать честная!», «Святители угодники!», «О, Хуыцау!», «Хуыцауы гæрах!», «Хуыцау мæ федта!»* и т.п.

Не меньшего внимания и тонкого «чувства языка» требуется от переводчика при полисемии и омонимии ИЕ, так как внешне идентичные эмотивы в той или иной речевой ситуации нередко имеют различное семантическое содержание. То есть следует строго дифференцировать случаи, когда та или иная ИЕ при её стабильной структуре содержит в себе смысловые варианты, совершенно отличающиеся друг от друга по своей функциональной значимости. Например, эмотивы типа *«А», «Ну», «Ей богу!»,* или английские *«Come!», «Well»,* осетинские *«гъæй!», «æгъа уæдæ!»*, содержат в себе варианты-омонимы разнофункциональной значимости: эмоционально-оценочной и апеллятивно-побудительной.

Рассмотрим некоторые примеры перевода эмотивов с русского на осетинский язык.

Ах, имеющее широкое употребление в произведениях русскоязычной художественной литературы, способно выражать радость, испуг, удивление, припоминание, осуждение и некоторые другие чувства и эмоции. На осетинский язык *ах* переводят функционально соответствующими эмотивами.

Проблема сохранения национального колорита эмотивов

Перевод художественной литературы – один из сложнейших видов творческой деятельности, при выполнении которой перед переводчиком стоят две основные задачи: адекватно понять текст оригинала и обеспечить наиболее полное восприятие произведения на языке перевода. Значительны и нелегко преодолимы трудности создания перевода, в котором помимо смысла, фонетики, ритмики передано также интонационное своеобразие и особенности стиля автора, так как «переводить – значит понять внутреннюю систему того или иного языка и структуру данного текста на этом языке и построить такую текстуальную систему, которая в известном смысле может оказать на читателя аналогичное воздействие – как в плане семантическом и синтаксическом, так и в плане стилистическом, метрическом, звукосимволическом, – равно как и то эмоциональное воздействие, к которому стремился текст-источник…» [31: 287].

Важным аспектом теории и практики перевода остается вопрос сохранения национальной специфики художественного произведения. Еще в 1974 году И. Левый указывал:

«Современная теория перевода настойчиво подчеркивает необходимость сохранения национальной и художественной специфики оригинала. И если национальная специфика сама по себе исторична, то черты эпохи не всегда выступают как составная часть национальной: бывают исторические явления, международные по своей сути, например, рыцарская культура эпохи феодализма, требующая от переводчика передачи исторических реалий (костюм, оружие), особенности этикета, психологических черт. Трудность для переводчика при передаче исторического и национального колорита возникает уже из того, что здесь перед ним не отдельные, конкретно уловимые, выделяющиеся в контексте элементы, а качество, в той или иной мере присущее всем компонентам произведения: языковому материалу, форме и содержанию» [32: 127].

В случаях передачи эмотива на язык перевода методом транслитерации зачастую нарушается семантика текста, стиль повествования, создается ощущение «неполноценности» языка перевода и неправильного эмоционального поведения персонажа.

Особенно сложным представляется передача с одного языка на другой поэтических произведений. В силу различных языковых особенностей оригинального произведения и перевода, сложно передать национальный колорит, эмоциональность, эвфоническую выразительность стиха, соблюдая при этом эквиритмичность и эквилинеарность. При передаче на русский язык стихотворения Х. Дзаболова «Ирон кафт» *(Осетинский танец)* переводчик проигнори-

ровал эмотив, что привело к потере эмоциональности и национальной специфики стихотворения:

Ссыгъди цæстыты зæрин арт,
Цæнгтæ айтынг кодта: «Гъæйтт!»
Цыма базырджын сæрибар
Сыстад царддæттæг зæххæй.

Подстрочный перевод:

Загорелись глаза золотым огнем,
Плечи расправил и с криком: «Айтт!»,
Как будто окрыленный свободой,
Вознесся над жизнедающей землей.

Перевод на русский язык А. Передреева:

Умолкла «хонги» траурная песнь,
Звучит фандыр, тревогою объятый,
И, как орел, сорвавшийся с небес,
В широкий круг влетел танцор крылатый.

Далее в переводе стихотворения неверная передача звукоподражания привела к ощущению неправильного поведения персонажей и нарушению смысла художественного произведения:

Ныфс, хъарухæссæг æххуысау
Стынг и рог æмдзæгъд: «Æрц-ц! Æрц-ц!».
Цыма тохы фæзæй хъуысы
Ссад фæринк кæрдты къæрц-къæрцц.

Подстрочный перевод:

Надежда, волю несущий (силу) в помощь.
Усилились легкие хлопки: «Æрц-ц! Æрц-ц!».

Как будто с поля битвы слышен
Звон отточенных франкских мечей.

Перевод на русский язык А. Передреева:

На крыльях рук летит по кругу он,
И крики «арц», и звук ладоней ладных
Сливаются в один могучий звон,
Как будто слышен звон мечей булатных!

В оригинале с помощью ономатопеи «Æрц-ц!» поэт пытается передать звуки, издаваемые хлопками, А. Передреев же называет «арц» криками, что искажает общую картину изображения национального осетинского танца [Чибирова, 2006].

При выборе специфических национальных средств выразительности важно сохранить благозвучие стихотворения на языке перевода. Национальную специфику слов, не имеющих эквивалента в переводе, можно передать в контексте всего стихотворения. Следует обращать внимание и на лексическую сочетаемость слов в переводимом языке и в переводе, на соответствие подбираемого слова к определенному стилистическому пласту.

Некоторые трудности возникают и при переводе с одного языка на другой волитивных интеръективизмов. Так, в осетинском языке выделяют волитивные интеръективизмы, а) обращенные к человеку; б) обращенные к животным.

К интерективам осетинского языка, обращенным к животным относятся слова отгона животных: *но* (лошади), *гъæст* (коровы), *хе, цоб* (быка), æррый (овцы), *орч* (ягненка), *æцых, дзæгъæс* (козы), *акыс, уыссиу* (курицы), æддæмæ,

асте (собаки), *гъæцитт* (кошки), *уысс* (свиньи);

сигналы призыва подойти, остановиться, стоять спокойно: *прсо, тпру* (лошади), *гос, гес, огъо* (рогатому скоту), *тхы-тхы* (овцы), *орч-орч* (ягненка), *дзыгы-дзыгы* (козы), *гоцо-гоцо* (теленка), *нцъа* (собаки), *гис* (кошки), *цип-цип-цип, дзибæ-дзибæ-дзибæ* (курицы), *булл-бул-бул* (голубя), *ссы, уыст* (натравление собаки) [Багаев, 1965: 476].

Приведенные выше интерьекционные единицы вне контекста могут быть непонятны даже владеющему осетинским языком, так как в разных районах (и даже населенных пунктах) Северной и Южной Осетии возможно употребление разных слов призыва или отгона животных. Среди эмотивов, обращенных к животным, имеются существенные территориальные диалектные различия. Поэтому при передаче их с одного языка на другой транслитерация интерьективизма может привести к нарушению семантического содержания всего текста. Наиболее релевантным представляется перевод функционально соответствующими единицами.

Семантико-стилистическое содержание и синтаксические функции эмотивов в аспекте перевода.

При анализе семантического содержания и переводе ИЕ следует также учитывать их синтаксические функции в речи и занимаемую позицию в высказывании. Эмотивные образования могут быть эквивалентом предложения или элементом предложения, употребляться в препозиции, постпозиции и, реже, в интерпозиции.

Некоторым эмотивам свойственно почти всегда препозитивное или наоборот, постпозитивное употребление. При препозитивном употреблении ИЕ предваряет поясняющее предложение, а при постпозитивном – усиливает выражение эмоционального или волеизъявительного поведения субъекта, повторяет их в краткой и выразительной, но общей и нерасчлененной форме. Независимо от занимаемого положения в предложении, интерьективизм выступает в собственной роли, являясь самостоятельным высказыванием. В позиции, когда эмотив стоит внутри предложения, оно может выполнять функцию экспрессивно-усилительной частицы и играть иную роль, выступая одним из структурных компонентов предложения [34: 12, 13; 35: 81].

В языке перевода выделяются эквиваленты, аналоги или адекватные замены эмотивных единиц исходного языка. «Эквивалентом следует считать постоянное равнозначащее соответствие, которое для определенного времени и места уже не зависит от контекста. Аналог – это результат перевода по аналогии посредством выбора одного из нескольких возможных синонимов. К адекватной замене прибегают, когда для точной передачи мысли переводчик должен искать решение задачи, исходя из целого: из содержания, идейной направленности и стиля подлинника. Но и в адекватной замене, основанной на учете взаимодействия всех элементов подлинника, могут быть известные закономерности» [36: 157-158].

Таким образом, разработка строгих критериев выделения ИЕ в речевом акте, методов дифференцирования их фор-

мально-структурных, смысловых и стилистических вариантов и инвариантов, а также их места в высказывании субъекта могут быть достигнуты в ходе сравнительно-сопоставительного анализа семантических соотношений ИЕ в контактирующих при переводе языках. Выявление определенных различий и соответствий, закономерных сходств ИЕ обоих языков способствует выработке адекватных методов передачи эмотивов и эмотивных образований с одного языка на другой – выделению эквивалентов, аналогов и адекватных замен единиц исходного языка средствами языка перевода.

Семантическая и стилистическая нагрузка эмотивов в речи, в контексте произведения настолько важна, что игнорирование передачи ИЕ на язык перевода нарушает все переводимое предложение или абзац, в котором употребляется интерьективизм. При переводе эмотивов необходимо учитывать как самый широкий контекст, так и национальные особенности происхождения и употребления эмотивной единицы. Для адекватного перевода художественного произведения необходимо хорошее знание всех лексических, семантико-стилистических, этнолингвистических и лингвокультурологических особенностей контактирующих языков.

Лексикографическая репрезентация эмотивов и эмотивных образований
Представление эмотивов в толковых словарях

Проведение многоаспектного анализа интерьекционных единиц в русском и осетинском языке непосредственно связано с их лексикографическим представлением. Для опре-

деления значений, передаваемых конкретным эмотивом, и сопоставления их семантического содержания в русском и осетинском языках были изучены данные одноязычных и двуязычных словарей. Следует заметить, что традиционная система представления интерьекционных единиц в словарях малопродуктивна и не способна в полном масштабе отражать семантику эмотива [2].

Словарная статья эмотива в одноязычных словарях, как правило, содержит неполный перечень эмоций, передаваемых данной интерьекционной единицей, и примеры. При этом нередко различные, даже противоположные эмоции не разграничиваются, а примеры приводятся не ко всем названным значениям, иногда без достаточного контекста для понимания семантики эмотива и дополнительных пояснений.

Так, одним из наиболее распространенных эмотивов русского языка, способных передавать самые разные эмоции является *а*.

Оно может быть истолковано как выражение припоминания, узнавания, догадки, с оттенками негодования, иронии, гнева, злорадства, испуга, отчаяния. При этом «а» чаще всего будет произноситься при неожиданном вдохе, тогда как при выражении злорадства – на выдохе, несколько более протяжно.

Для убедительности и правильного понимания приводимых примеров необходим достаточный контекст.

Релевантным явилось бы описание произношения эмотива, так как в зависимости от долготы, краткости, тона,

интонации ИЕ способны менять передаваемые значения. В предложении «А, опять вы!» эмотив обозначает недовольство, досаду, что можно конкретизировать глаголом «отмахнуться». В данном примере ***а*** имеет резкое, отрывистое произношение. Протяжное «а», произнесенное с другой интонацией, в этом же высказывании может выражать узнавание, припоминание, удивление и т.п.

В словарной статье должна быть дана информация о значении, произношении, графическом изображении эмотива. Примеры необходимо приводить с достаточным контекстом для понимания семантического содержания интерьективизма, желательна четкость в их иллюстрации. Для этого примеры должны приводиться конкретно к названным эмоциям, которые передает эмотив, что внесет большую ясность в толкование языковой единицы и облегчит восприятие словарной статьи.

В «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. В. Дмитриева, толкование слова содержит характеристику его семантики, информацию о частотности употребления и сочетаемости с другими словами, отношении говорящего к сказанному, стилистические пометы. Примеры приводятся в предложении, так как «полное предложение лучше всего раскрывает весь окружающий контекст, необходимый для понимания смысла» [12: 11]. Описание конкретной ИЕ в этом словаре является более полным, но следует отметить, что в издании не представлены многие эмотивы, имеющие довольно широкое употребление как в устной, так и письменной речи: ***а, ой, ох, у, ух, эх, эй*** и др.

Более четкая характеристика эмотивов представлена в «Словаре эмоционально-экспрессивных оборотов речи». Так, для *а,* описание которого в толковых словарях приведено выше, автор указывает три графических варианта ***А!; А-А!; А-А-А!,*** выделяет девять значений, выражаемых эмотивом, к каждому из которых даны примеры с достаточным контекстом. Приведем эту словарную статью с некоторым сокращением иллюстративного материала:

1. Выражение удивления. – Подали оладьи – не ест! – ***А-аа!..*** –удивился Костыль. – Не ест! *(Чехов, «В овраге»).*

2. Выражение удовлетворения, восторга, радости. – Знаешь ли, что этот Пигасов, который с таким озлоблением все и всех ругает… – знаешь ли ты, что он, когда служил, брал взятки, и как еще!. – ***А!*** Вот то-то вот и есть *(Тургенев, «Рудин»).*

3. Выражение гордости, преклонения. – Нет, братцы, так любить, как русская душа, любить не что бы умом или чем другим, а всем, чем дал Бог, что ни есть в тебе – ***А!***… – сказал Тарас и махнул рукой, … и сказал: – Нет, так любить никто не может! *(Гоголь, «Тарас Бульба»).*

4. Выражение досады, упрека, негодования, угрозы, злорадства. – ***А-а!*** каблуками бить, да еще браниться! – закричал Сережа *(Л. Толстой, «Детство»).*

5. Выражение бессилия, безнадежности, безразличия и т.п. – Я вот уж пятнадцать лет сижу на судейском стуле, а как загляну в докладную записку – ***а!*** только рукой махну. Сам Соломон не разрешит, что в ней правда и что неправда *(Гоголь, «Ревизор»).*

6. Выражение раскаяния, испуга. – ***Ааа!*** – промычал Вронский, схватившись за голову, – ***Ааа!*** Что я сделал! – прокричал он *(Л. Толстой, «Анна Каренина»).*

7. Выражение ужаса, отчаяния, боли и т.п. – ***А! А!..*** – закричала Наташа, с ужасом выкатывая глаза *(Л. Толстой, «Война и мир»).*

8. Выражение решимости с оттенком досады. Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения – ***А!*** была не была, не с чего, так с бубен! *(Гоголь, «Мертвые души»).*

9. Выражение возражения, несогласия в сочетании с неодобрением, возмущением и т. п. – ***А!*** еще неизвестно, кто выиграл! Что мельник тебя не пожалел, это правда, а остальное еще посмотрим, еще надо у людей спросить, может он и не думал открывать шинок *(Короленко, «Судный день»)* [37: 45-46].

Очевидно, что приведенная репрезентация интерьективизма более полная и удобная для восприятия, так как примеры даются отдельно для каждого эмотивного значения, выражаемого ИЕ. Однако следует отметить, что *а,* выражающее удивление, значительно отличается от других модификаций значения ИЕ. В первом случае эмотив произносится при неожиданном вдохе, тогда как в остальных – на выдохе. Данная особенность не имеет графического обозначения, следовало бы сделать примечание или дать отдельную словарную статью для этого интерьективизма, так как в живой разговорной речи оно употребляется как самостоятельный эмотив. В лингвистических исследованиях интерьективизм *а* рассматривается как независимая

единица, имеющая значительную частотность в устной речи [38].

Значительным событием для осетиноведения и, в частности, для осетинской лексикографии явилось издание в 2007 году первого тома «Толкового словаря осетинского языка» под редакцией Н. Я. Габараева. В первом томе названного словаря характеризуется около восьми тысяч слов современного осетинского языка. В словарной статье дается толкование значений слова, приводятся его основные грамматические формы, слово снабжено стилистическими пометами, словарные статьи иллюстрированы.

Дефиниция эмотивов представляет собой описание семантического содержания и стилистической принадлежности, учитывается диффузность интеръективизмов, приводятся примеры с достаточным контекстом для понимания их значения, указаны соответствующие эмотивы русского языка. В словаре рассматриваются как непроизводные интеръекционные единицы: *а, а-гъа, ай, алæ, ау, æ* и др., так и производные: *æллæх, арæби* и т. п. Следует отметить, что в словаре приводятся также диалектные эмотивные единицы, что имеет большое значение для более полной лексикографической репрезентации интеръективизмов осетинского языка.

Словарное представление интеръекционных единиц и в русском, и осетинском языке требует значительного расширения помещаемых в статью сведений. Лексикографическое толкование должно включать в себя как адекватное семантическое описание, так и сведения о звуковых вариантах ин-

теръективизма, его стилистическом употреблении, способах графического изображения и произношения. Желательна информация о мимике, жестах, которыми сопровождается тот или иной эмотив. Для этого необходим новый подход к лексикографическому описанию интеръекционных единиц и создание специального словаря эмотивов. На материале осетинского языка такой работы пока нет, создание словаря эмотивных слов и выражений осетинского языка представляется весьма актуальной задачей, которую мы отнесли в перспективам дальнейших исследований.

Эмотивные единицы в переводных словарях

Известно, что важнейшими помощниками переводчика являются двуязычные словари, однако не всегда лексикографические соответствия интеръективизмов в языковых системах могут быть применены в качестве готовых «универсалий» для передачи эмотивов на язык перевода, так как семантическое содержание той или иной ИЕ может варьироваться в зависимости от определенной речевой ситуации.

Большое значение для лексикографического описания эмотивов имеет «Русско-английский словарь междометий», изданный в 2001 году, авторами которого являются Д. И. Квеселевич и В. П. Сасина [39]. Данный словарь содержит около 1000 эмотивных единиц. В словаре дано описание слов, употребляемых в речи со значением реакции на ситуацию или слова собеседника, так как они всегда представляли большую трудность для переводчиков литературных текстов. Отмечается, что с точки зрения происхождения

релятивы восходят к частицам (а?, ну!, вот!), существительным (дудки!, факт!, комедия!, порядок!), прилагательным (пустое!), местоимениям (ничего!), наречиям (здорово!, ладно!), глаголам (давай!, идет!, скажешь!). Целый ряд релятивов входит в состав русской фразеологии: тоже мне!, нечего сказать!, новое дело!, с ума сойти.

Авторы «Русско-английского словаря междометий» считают «…целесообразным рассматривать всю совокупность релятивов современного русского языка в качестве некоторого функционального поля, ядро которого по праву займут междометия как слова, служащие для выражения чувств и волеизъявления говорящего» [39: 6]. К релятивам отнесены эмоциональные, императивные и этикетные формулы, за пределами функционального поля релятивов, по мнению составителей, остаются звукоподражания и глагольно-эмотивные слова. При дифференциации эмотивов и периферийных релятивов отмечается, что первые являются лишь сигналами чувств и волеизъявлений, а вторые дают им также и номинации. Общими категориальными признаками компонентов характеризуемого функционального поля названы:

1) специфическая синтаксическая функция в качестве самостоятельных интонационно оформленных нечленимых фраз;

2) общее значение реакции на ситуацию или реплику.

Из всего рассматриваемого лексического материала авторами были отобраны около 1000 наиболее частотных единиц: более 800 эмотивов и 100 звукоподражательных слов, перевод которых на английский язык может оказать суще-

ственную помощь в практике перевода. В составе эмотивов авторы рассматривали слова, выражающие:

1) согласие/несогласие: *да, нет, ага, конечно, ладно, никак нет* и др.,

2) различные оценки сказанного собеседником, ситуаций, происшествий: ой!, ах!, ужас!, цирк!, здорово! и др.,

3) побуждение, команду, призыв: шш!, стоп!, цып-цып!, огонь! кругом! и др.

Словарная статья включает заголово, его толкование, предлагаемые английские аналоги или эквиваленты, иллюстративные цитаты из произведений русской художественной литературы, перевод этих цитат на английский язык. Следует отметить, что в заголовке словарной статьи в ломаных скобках даются факультативные компоненты вокабулы, в косых скобках приводятся варианты, что значительно облегчит задачу переводчика при передаче с русского на английский язык эмотивной единицы.

Представляется невозможным предложить в словаре однозначный вариант перевода, так как эмотив обладает значительной семантико-прагматической вариативностью. Как отмечалось выше, такие важные факторы определения семантики эмотива, как особый звуковой состав, паралингвистические данные, в определенной степени интонация, лексикографически не фиксируются. Судить о различных оттенках эмоциональных проявлений, передаваемых тем или иным интерьективизмом эмоционально-оценочного характера, можно лишь исходя из конкретной речевой ситуации. Именно речевая ситуация, контекст, к которому относится

авторская речь, ремарки, собственный монолог говорящего, высказывания собеседников в диалогической речи, предшествующие или поясняющие ИЕ, являются определяющими для установления конкретного значения при переводе.

Так, немало семантических эквивалентов можно найти при переводе с русского на осетинский язык, к примеру: ***«вот тебе раз» – «гъæйдæ-гъа», «уый дын гъе», «æгъгъа, уæдæ», «диссæгтæ»*** и т.п. Для достижения адекватного перевода эмотивов важно сделать правильный выбор между вариантами ИЕ, учитывая соответствие эмотивных оттенков ИЕ в контексте на обоих языках.

На наш взгляд, в переводных словарях эмотивы должны быть представлены более широко. В словарной статье той или иной ИЕ желательна информация об особенностях употребления, её стилистической нагрузке, а также перечисление вариантов написания (как известно, эмотивы имеют значительное разнообразие в области написания).

Достаточно большое количество эмотивов настолько специфичны, что требуют описательной характеристики звукового оформления. Так, в зависимости от редупликации, характерной для многих непроизводных интерьективизмов, долготы или краткости звука, может меняться семантика, степень выражения эмоции: ***ой!*** – удивление, ***ой-ой-ой!*** – беспокойство, сожаление; ***ох!*** – недовольство, ***оох!*** – возмущение и т. п. Основные словарные соответствия в контактирующих при переводе языковых системах, не всегда могут быть использованы как готовые «универсалии» в различных речевых ситуациях.

В осетинской лексикографии также нет единого мнения о составе эмотивов как первичных (непроизводных), так и вторичных (производных). Так, например, для одного и того же слова *марадз,* выражающего побуждение к действию существуют различные дефиниции.

В «Осетинско-русском словаре» *марадз* рассматривается как ИЕ, на русский язык переводится *живо! ну-ка!*, *марадзæгъай* – частица *хоть бы* [14: 289].

В «Дигорско-русском словаре» приводится ИЕ *марауадзæ – межд.* живо!, ну-ка! [15: 362].

В «Орфографическом словаре осетинского языка» *марадз* характеризуется как частица, так же как и *марадзæгъай* [16, 2002: 360].

Наиболее полным из лексикографических источников осетинского яыка является «Большой русско-осетинский словарь» Л. Б. Гацаловой и Л. К. Парсиевой [40]. В нем содержится около 60000 слов и выражений. Следует отметить, что в названном словаре достаточно хорошо отражены эмотивы, в качестве иллюстративного материала приводятся некоторые эмотивные устойчивые сочетания.

Сложность лексикографической репрезентации ИЕ обусловлена специфичностью его значения, которое нельзя описать обычным способом, принятым для других слов языка, так как они непосредственно выражает субъективно-чувственное отношение к действительности, не называя его при этом. Большое значение для определения семантики ИЕ имеет интонация, мимика, жест. Информация об этом в словарях обычно не содержится, несмотря на её актуаль-

ность. Отражение названных явлений в словарной статье будет способствовать более полному описанию эмотивов и значительно облегчит задачу переводчика при передаче интерьекционных единиц с одного языка на другой.

Таким образом, нерешенные вопросы теории эмотивности имеют значительное влияние на лексикографическое представление.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящем исследовании проведено комплексное описание эмотивов в осетинском языке, позволившее определить функциональную дифференциацию и семантическое содержание эмотивов в художественных текстах и в разговорной речи как особых единиц коммуникации, посредством которых выражаются эмотивные, когнитивные и эмотивно-волитивные значения.

Различные концепции теории эмотивности, рассмотренные в работе, показывают, что толкование эмотивов является одной из наиболее спорных областей лингвистики. В состав ИЕ некоторые языковеды включают инстинктивные выкрики, любые эмоционально-окрашенные слова, звукоподражания, формулы речевого этикета. Проанализировав результаты лингвистических исследований, мы пришли к заключению, что ИЕ – это особый класс слов, лишенных номинативной функции, служащих для непосредственного выражения ментального, эмотивного или волитивного состояния субъекта.

Сопоставительное изучение эмотивных единиц различных языков тесно связано с этнолингвистикой, лингвокультурологией, теорией и практикой перевода, проблемами межкультурной коммуникации.

В монографии рассмотрены вопросы теории и практики перевода эмотивов, в результате чего было обнаружено, что несоответствие функционально-семантических соотношений ИЕ, игнорирование и недостаточное внимание к пере-

даче их на язык перевода нередко приводят к смысловым искажениям, нарушению авторского стиля и неправильному восприятию эмоционального поведения персонажа произведения. При описании в настоящем исследовании особенностей передачи эмотивов с одного языка на другой были определены наиболее адекватные способы перевода интеръекционных единиц с учетом их этнокультурной специфики.

В работе значительное внимание уделено проблеме лексикографического представления эмотивных образований в русском и осетинском языках в словарях разных видов, так как словарное представление является важным аспектом изучения интеръективизмов. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу, что лексикографическое описание эмотивов требует более полного описания структурных, семантических, функциональных, стилистических характеристик, а также отражения информации о звуковом составе, интонации, мимике, жестах, сопровождающих ИЕ. Все эти данные будут способствовать более полному словарному представлению эмотивов, что значительно облегчит выбор адекватного варианта при переводе.

В исследовании подробному изучению подвергаются грамматические средства выражения эмотивности. Многокомпонентный анализ фонетико-графической характеристики эмотивов в осетинском языке позволяет утверждать, что интеръективизмы в письменной и устной формах речи имеют определенные различия как в плане семантического содержания, так и в плане их частотности. В устной речи

используется значительно большее количество невербальных эмотивов, которые лишь приблизительно передаются на письме.

Одним из наиболее сложных вопросов, связанных с феноменом эмотивности является проблема определения семантического содержания эмотива. Рассмотренные в монографии различные семантические классификации эмотивов, существующие в языкознании, показывают, что расхождения в трактовке данного вопроса обусловлены разными взглядами исследователей на лингвистический статус ИЕ, а также сложностью определения семантики интеръективизма, которое характеризуется большой зависимостью от речевой ситуации, контекста, интонации, паралингвистических явлений.

Для получения объективных результатов и более полной характеристики ИЕ в плане содержания и выражения, было проанализировано более 10000 контекстов, содержащих эмотивы, из которых около 800 приводятся в работе в качестве иллюстративного материала. Многоаспектный анализ интеръективизмов как особых коммуникативных единиц, непосредственно выражающих ментальное, эмотивное или волитивное значения, позволил выделить и в осетинском, и в русском языках три основных разряда эмотивов: когнитивные, эмотивные и волитивные.

К когнитивным относятся эмотивы, отражающие состояние сознания и мыслей субъекта, его логическую оценку ситуации общения. Интеръективизмы этого разряда выражают: узнавание, догадку, понимание, припоминание, под-

тверждение, возражение. В зависимости от речевой ситуации и интонации когнитивные интеръективизмы могут содержать также эмотивный компонент смысла.

Эмотивные единицы разделены на два подразряда:

а) эмоционального состояния;

б) эмоциональной оценки (отношения).

Интеръективизмы эмоционального состояния в русском и осетинском языках, при положительной тональности эмоции и активном проявлении в поведении субъекта (говорящего), выражают: радость; удовлетворение, облегчение.

При отрицательной тональности эмоции и активном эмоциональном поведении субъекта – гнев, негодование; страх; тревогу, беспокойство; горе, отчаяние; душевные страдания, тоску, боль.

Пассивной интенсивностью характеризуется выражение печали; усталости.

Интеръективизмы эмоциональной оценки передают:

а) положительное эмоционально-оценочное отношение: удивление; похвалу, поощрение; восхищение, желание, стремление;

б) отрицательное эмоционально-оценочное отношение: порицание, недовольство; презрение, отвращение; сожаление, досаду; сочувствие; укоризну, упрек; зависть; иронию, пренебрежение; неловкость, смущение; пресыщение.

Когнитивные и эмотивные ИЕ и в осетинском, и в русском языках чаще всего выступают в речи в качестве реакции на вербальную информацию или невербальный стимул.

Волитивные интерьетивы выражают различные волеизъявления, обращенные к человеку или животному. Среди них выделены:

а) вокативы прямого и дистанционного контакта с реципиентом;

б) императивные, выражающие побуждение к действию, требование прекращения действия, просьбу, приказ.

Проведенный в данной работе контекстуальный анализ эмотивных речевых единиц показал, что употребление ИЕ в речи различается по этнокультурным, возрастным и гендерным признакам. В речи женщин довольно часто используются *а, ах, ой, ого, дæдæй, эх* и невербальные интерьекционные единицы, произносимые с закрытым ртом; мужчины вообще реже используют непроизводные интерьективизмы для выражения эмоций, в их устной речи более частотными являются когнитивные и волитивные, а из эмотивных – о, ох, уæуу, оуу (мæнæ), а также производные ИЕ. Представители младших и средних возрастных групп чаще используют новые заимствованные эмотивы.

В монографическом исследовании рассмотрены особенности образования и функционирования производных (вторичных) эмотивов в осетинском и русском языках. Известно, что ИЕ представляют собой группу слов, пополняющуюся в процессе интерьективации – переходе слов из других лексико-грамматических разрядов. И в русском, и в осетинском языках производные интерьективизмы связаны по своему происхождению с другими частями речи, которые в процессе интерьективации десемантизируются,

утрачивают функцию номинативности и становятся непосредственными выразителями эмоций, эмоционально-оценочного отношения, состояния мыслей говорящего или его волеизъявлений. Выделяются ИЕ, образованные от имен существительных, глаголов, наречий, частиц, звукоподражательных слов, устойчивых сочетаний. При изучении процесса интеръективации в работе был проведен анализ функционально-семантического содержания эмотивных единиц в различных речевых ситуациях, в результате чего подтвердился тезис о том, что слово или устойчивое сочетание может быть признано производным (вторичным) интеръективизмом при полной потере своей первоначальной семантики и приобретении интеръективных функций. Однако было установлено, что в зависимости от речевой ситуации некоторые устойчивые сочетания и слова из других частей речи теряют свое первоначальное значение в разной степени. В некоторых случаях не происходит полная десемантизация и потеря номинативности, а прослеживается определенная связь с первоначальным значением. В этих случаях, на наш взгляд, неправомерно говорить о полном переходе слова или устойчивого сочетания в разряд интеръективизмов. Наиболее релевантным представляется в данных случаях говорить об эмотивном употреблении слова или выражения, а не о производном ЭО.

Состав производных (вторичных) ИЕ пополняется и в процессе заимствования. Осетинским языком эмотивы заимствуются из русского языка, а из других языков – посредством русского языка. Анализ функционирования в речи за-

имствованных интерьекционных единиц показал, что их использование наиболее характерно для речи молодых людей, подростков, детей младшего школьного возраста.

Проведенный лингвистический анализ и функционально-семантическая классификация эмотивов в осетинском и русском языках подтвердила тезис о том, что эмотивы характеризуются ярко выраженной национальной спецификой, их семантическое содержание и особенности употребления в речи тесно связаны с национально-культурными традициями народа – носителя языка. Эмотивные единицы выполняют важную функцию в художественном тексте для создания художественного образа, характеристики речи персонажа, в силу их экспрессивного потенциала и этнокультурной специфики. Данные особенности следует учитывать при переводе художественного текста, чтобы не нарушить авторский замысел, передать исторический и национальный колорит, индивидуальный стиль автора и художественно-образное наполнение произведения.

Исследование эмотивного фонда на материале разноструктурных языков в функционально-семантическом аспекте актуально в свете расширяющихся международных контактов, так как их сопоставительное изучение способствует выявлению новейших сходств и различий в соответствующих языковых системах, отразить семантико-стилистическую, социально-гендерную, этнокультурную специфику в лексикографических источниках.

В данной работе мы рассматривали некоторые грамматические средства, являющиеся ядерными компонентами

функционально-семантического поля эмотивнсти в осетинском языке. Число средств, выражающих категорию эмотивности, сфера их влияния охватывает все уровни языка и распространяется на паралингвистическую область коммуникации. В результате проведенного исследования мы пришли к следующим выводам:

- Эмотивные единицы выполняют важную функцию в художественном тексте для создания художественного образа в силу их экспрессивного потенциала и этнокультурной специфики.
- Изучение эмотивов позволяет отразить семантико-стилистическую, социально-гендерную, этнокультурную специфику в лексикографических источниках.
- Национальная специфика эмотивов проявляется в особенностях их употребления в речи в зависимости от гендерно-возрастной и социокультурной принадлежности говорящего.
- Целесообразное использование эмотивов в речи способствует успешной межкультурной коммуникации.
- Адекватный перевод эмотивных единиц обеспечивается функционально соответствующим вариантом.

К перспективам дальнейших исследований следует отнести такие важные аспекты изучения эмотивов, как их лексикографическое представление, создание словаря эмотивов на материале осетинского и русского языков, описание ЭО в дискурсе. Значительный научный интерес представляет и проведение компьютерного звукового анализа эмотивов в сопоставляемых языках, выявление областных

особенностей употребления эмотивов осетинского языка, изучение эмотивных единиц осетинского языка в контексте кавказских и тюркских языков.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Абаев В. И. Осетинский язык и фольклор. Т.1. М. 1949. 601 с.

2. Абаев В. И. Мимео-изобразительные слова в осетинском языке // Труды института языкознания. М.: АН СССР. 1956. Т. VI. С. 409-428.

3. Абаев В. И. Грамматический очерк осетинского языка. Орджоникидзе. 1959. 168 с.

4. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы. М.: Наука, 1965. 168 с.

5. Абаев В. И. Основные процессы внутриструктурного развития литературных иранских и иберийско-кавказских языков // Закономерности развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. М.: Наука, 1969. С. 67-78.

6. Абаев В. И. Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература. Владикавказ, 1990. 640 с.

7. Абаев В. И. Избранные труды. Т. 2. Общее и сравнительное языкознание. Владикавказ: Ир, 1995. 723 с.

8. Абрамова Т. В., Вдовина Н. П. Интерпретация просьб и своеобразие русской культуры // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 4. Воронеж, 2006. http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2006

9. Аксаков К. С. Сочинения филологические. Полн. собр. соч. т. 2, ч Л.-М. 1875.

10. Алексеева И. С. Введение в переводоведение: учебное пособие для студентов филологических и лингвистиче-

ских факультетов высших учебных заведений. 3-е изд., испр. и доп. Санкт-Петербург; Москва: ACADEMIA, 2008. 354 с.
11. Алмаев Н. А. Психологическая теория значения в исследовании языка // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1/Под ред. В. Д. Соловьева. 2006. С. 28-48.
12. Античные теории языка и стиля. М.-Л., 1936. 342 с.
13. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. (Семантические средства языка). М.: Наука, 1974. 367 с.
14. Апресян В. Ю., Апресян Ю. Д. Метафора в семантическом представлении эмоций//Вопросы языкознания. 1993. №3. С. 27-35.
15. Артемьева Ю. В. Особенности перевода художественного текста // V Международная научная конференция «Язык, культура, общество» – Тезисы докладов. М. 2009. С.222-225.
16. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М. 1976. 383 с.
17. Арутюнова Н. Д. К проблеме функциональных типов лексического значения //Аспекты семантических исследований. М.: Наука, 1980. С. 156-249.
18. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка, событие, факт. М., 1988. 136 с.
19. Арутюнова Н. Д. Язык и мир человека. М. 1999. С. 896.
20. Ахманова О. С. О психолингвистике. М. 1957. С. 64.
21. Ахвледиани Г. С. Сборник избранных работ по осе-

тинскому языку. Тбилиси: Изд-во Тбилисского гос. ун-та, 1960. 240 с.
22. Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 184 с.
23. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. 1. Орджоникидзе, 1965. 488 с.
24. Багаев Н. К. Современный осетинский язык. Ч. 2. Орджоникидзе, 1982. 495 с.
25. Балли Ш. Французская стилистика. М. 2009. 363 с.
26. Баранова Л. А. Социокультурные особенности межъязыкового перевода // Актуальные проблемы перевода и межкультурной коммуникации. Межвузовский сборник научных трудов (по материалам Международной конференции «Актуальные проблемы языковедения и теории перевода». Курск, 13-14 октября 2005 г.) Курск.: Изд-во РОСИ, 2005. С.13-16.
27. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.
28. Бгажноков Б. Х. Основания гуманистической этнологии. М. 2003. 272 с.
29. Бекоев Д. Г. Иронский диалект осетинского языка. Цхинвал, 1985. 386 с.
30. Белошапкова В. А. Сложное предложение в современном русском языке. (Некоторые вопросы теории). М.: Просвещение, 1967. 160с.
31. Белошапкова В. А. Современный русский язык. Синтаксис. М.: Высшая школа 1977. 246 с.
32. Бенвенист Э. Очерки по осетинскому языку. М.: На-

ука, 1965.168 с.
33. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 447с.
34. Бесолова Е. Б. Язык и обряд: похоронно-поминальная обрядность осетин в аспекте ее текстуально-вербального выражения. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2008. 406 с.
35. Березин Ф. М. История лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1984. 319 с.
36. Бернштейн С. И. Основные понятия грамматики в освещении А. М. Пешковского // Пешковский. А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6 изд. М.: Учпедгиз, 1938. 511 с.
37. Блохина И. А. Типологические свойства и коммуникативные смыслы междометных высказываний: Автореф. дисс.…канд. филол. наук. М. 1990. 17с.
38. Блумфильд Л. Язык. М.: Прогресс, 1968. 185 с.
39. Богданов В. В. Деятельностный аспект семантики. // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: изд. Калининского гос. ун-та, 1984. С. 12-23.
40. Богословские труды. М.,1978. Вып. 19. С. 70-80.
41. Бодуэн де Куртенэ И. А. Введение в языковедение // Бодуэн де Куртенэ И. А. Избранные труды по общему языкознанию. Т. 2. М.: Изд. АН СССР, 1963. 388 с.
42. Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика. Курс лекций. Тамбов, 2001. 123 с.
43. Болотов В. И. Эмоциональность текста в аспектах языковой и неязыковой вариативности (основы эмотивной стилистики текста). Ташкент, 1981. 116 с.

44. Бондарко А. В. Грамматическое значение и смысл. Л.: Наука, 1978. 175 с.
45. Бондарко А. В. О структуре грамматических категорий // ВЯ, № 6, 1981. С. 17-29.
46. Брызгунова Е. А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М.: изд. Московского ун-та, 1984. 117 с.
47. Будагов Р. А. Филология и культура. М, 1980. С. 304.
48. Булыгина Т. В. О границах и содержании прагматики. // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 333-342.
49. Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Диалогические функции некоторых типов вопросительных предложений. // Изв. АН. СССР. Сер. лит. и яз. 1982. Т.41, № 4. С. 314-326.
50. Бюлер К. Теория языка. М.: Прогресс, 2000. 504 с.
51. Вайнрайх У. Языковые контакты. Состояние и проблемы исследования. Красноярск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 264 с.
52. Вандриес Ж. Язык. Лингвистическое введение в историю. М., 1937. 410 с.
53. Васильев Л. Г. Понимание и научные парадигмы // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин: изд. Калининского гос. ун-та, 1987. С. 38-42.
54. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков. М. 1999. 778 с.
55. Велмезова Е. Эволюция понятия междометие в лингвистических описаниях в России (в СССР) в двадцатом веке // Зборник од резимеа, XIV Меѓународен

славистички конгрес, 10-16 септември 2008, Охрид http://www.russian.slavica.org
56. Верещагин Е. М., Костомаров В. Г. Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. Изд.3,. перераб. и доп. М.: Русский язык.1983. 269 с.
57. Виноградов В. В. Русский язык (грамматическое учение о слове) М.: Высшая школа. 1972. 614 с.
58. Виноградов В. В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. М.: Наука, 1977. 312 с.
59. Виноградов В. В. История русских лингвистических учений. М.: Высшая школа, 1978. 367 с.
60. Виноградов В. С. Перевод: общие и лексические вопросы: [учебное пособие]. 3-е изд. Москва: КДУ, 2006. 235 с.]
61. Винокур Т. Г. Закономерности стилистического использования языковых единиц. М.: Наука, 1980. 237 с.
62. Винокур Т. Г. О содержании некоторых стилистических понятий. // Стилистические исследования (на материале современного русского языка). М., 1972. С. 7-33.
63. Витт Н. В. Об эмоциях и их выражении. (К проблеме выражения эмоций в речи) // Вопросы психологии. 1964. №3. С. 140-152.
64. Войскунский А. Е., Митина О. В., Аветисова А. А. Феномен переживания опыта потока в групповых ролевых играх, опосредованных Интернетом // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1. 2006. С. 173-185.

65. Вольф Е. М. Функциональная семантика оценки. М: Наука, 1985. 226 с.
66. Вольф Е. М. Метафора и оценка // Метафора в языке и тексте. / Отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука, 1988. С. 52-65.
67. Востоков А. Х. Русская грамматика. СПб. 1934.
68. Вундт В. Проблемы психологии народов. СПб.-М. 2001. 160 с.
69. Выготский Л. С. Проблема сознания // Собр. соч. т. 3. Проблемы развития психики. М. 1983. С. 367.
70. Выготский Л. С. Развитие высших психических функций. М. 1960. 500 с.
71. Габараев Н. Я. Фразеологические обороты осетинского языка, выражающие пожелания различного характера // Изв. Юго-Осет. НИИ, вып. 5, Сталинир. 1960. С. 53-62.
72. Гагкаев К. Е. Очерк грамматики осетинского языка. Дзауджикау, 1952. 116 с.
73. Гагкаев К. Е. Осетинско-русские грамматические параллели. Лексика, фонетика и морфология (пособие для преподавателей языка). Дзауджикау, 1953. 103 с.
74. Гагкаев К. Е. Из области стилистики и семантики // Известия Сев. Осет. НИИ. Орджоникидзе, 1968. Т. 23. Вып. 1. С. 5-44.
75. Гак В. Г. Семантическая структура слова как компонент семантической структуры высказывания // Семантическая структура слова. М.: Наука, 1971. С. 78-96.
76. Гак В. Г. Высказывание и ситуация // Проблемы структурной лингвистики. 1972. М.: Наука, 1973. С. 347-372.

77. Галкина-Федорук Е. М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сборник статей по языкознанию. М: изд. Московского ун-та, 1958. С. 103-124.
78. Гафт Р. И. Диалогические реакции как отражение восприятия речевого акта // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. Новосибирск: изд. ВЦ СО АН СССР, 1985. С. 110-126.
79. Гацалова Л. Б. Неология в современной лингвистике. Владикавказ: Изд.-во СОГУ. 2004. 404 с.
80. Гацалова Л. Б. Активные процессы в лексической системе: адаптация заимствований в русском и осетинском языках // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. С.17-18.
81. Гацалова Л. Б., Парсиева Л. К. Этноспецифика эмотивных устойчивых сочетаний в осетинском языке. Вестник Челябинского государственного университета. Серия «Филология и искусствоведение». Вып. 47, №29 (210), 2010. С. 53-57.
82. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. 2. Синтаксис. М.: Просвещение, 1973. 350 с.
83. Германович А. И. Междометия как часть речи // Русский язык в школе. 1941, № 2. С. 28-35.
84. Германович А. И. Междометия и звукоподражательные слова русского языка: Автореф. дисс….докт. филол. наук. Симферополь, 1961. 59 с.
85. Германович А. И. Междометия русского языка. Киев,

1966. С. 172.
86. Головин Б. Г. Основы культуры речи. М., 1980. 336 с.
87. Гольдин В. Е. Обращение: теоретические проблемы. Саратов: изд. Саратовского гос. ун-та, 1987. 127 с.
88. Граф Е. Русские междометия как прагматические единицы // Зборник од резимеа, XIV Меѓународен славистички конгрес, 10-16 септември 2008, Охрид. http://www.russian.slavica.org
89. Графова Т. А. Смысловая структура эмотивных предикатов // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 67-99.
90. Гридин В. Е. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 113-119.
91. Греч Н. И. Практическая русская грамматика. С-Пб. 1834.
92. Гридин В. Н. Семантика эмоционально-экспрессивных средств языка. // Психолингвистические проблемы семантики. М.: Наука, 1983. С. 113-119.
93. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.1984.
94. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985.
95. Гутнер М. Д. Семантические и структурные особенности междометий современного английского языка: Автореф. дисс…. канд. филол. наук. М. 1962. 23 с.
96. Гутнер М. Д. Опыт классификации междометий в современном английском языке // Вопросы языка и литера-

туры, вып. 3, изд. ИМО. М.1962. С. 52-79.
97. Гуыриаты Т. А. Ныхасы культурæйы хицæн фæрстытæ // Ирон ныхасы культурæ. Орджоникидзе, 1989. С. 5-35.
98. Гуыриаты Т. А. Малиты Георгийы свæлдыстад уырыссаг тæлмацты // Ирæф. 1996. №3. С.117-131.
99. Гуыриаты Т., Гæбæраты Н., Исаты М. Нырыккон ирон æвзаджы лексикологи. Орджоникидзе. 1989. 143 с.
100. Давыдов И. И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка. СПб, 1831.
101. Дагуров Г. В. О лексическом составе русских междометий// Славянское языкознание. М.: изд. АН СССР, 1959. С. 154-159.
102. Дагуров Г. В. Междометия как особый разряд слов: Автореф. дисс…. канд. филол. наук. М. 1960. 16 с.
103. Декарт Р. Избранные произведения. М. 1950. С.645-670.
104. Денисов П. Н. Лексика русского языка и принципы ее описания. М.: Русский язык. 1980. 253 с.
105. Дементьев В. В. Фатические речевые жанры // Вопросы языкознания. 1999. № 1. С. 35-37.
106. Девкин В. Д. Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика. М. 1979. 254 с.
107. Джусоев Н. Г. Исправительный перевод? // Дружба народов. 1979. №6. С. 265-268.
108. Джусоев Н. Г. О мудрости и предрассудках переводчика // В мире книг. 1978. № 12.
109. Дзодзикова З. Б., Бесолова Е. Б. Осетинские фразеологизмы в русских переводах // Проблемы осетинского

языкознания. Орджоникидзе, 1984. С. 135-143.
110. Дзодзикова З. Б., Каражаев Ю. Д. Основные типы экспрессивов осетинского языка и средства их образования. // Проблемы осетинского языкознания. Орджоникидзе, 1987. Вып.2. С. 128-134.
111. Добрушина Н. Р. Принципы и методы системного лексикографического описания междометий. Автореф. дисс. … канд. филол. наук. М. 1996. 24с.
112. Добрушина Н. Р. Семантика междометий в реактивных репликах // Вестник Московского университета. Сер. Филол. 1998. №2. С. 136-144.
113. Добрушина Н. Р. Междометие. http:/www.krugosvet.ru
114. Долинина И. Б. Специфика семантики предикатов в конструкциях с предикатными актантами // Типология конструкций с предикатными актантами. Л.: Наука. 1985. С. 42-46.
115. Дыбовский А. С. Универсальные свойства междометий и их лингвистическое описание. Владивосток: изд. Дальневосточного ун-та, 1983. 74 с.
116. Есперсен О. Философия грамматики. М.: Изд. Ин. лит. 1958. 404 с.
117. Жельвис В. И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема. М. 1997.
118. Залевская А. А. Слово в лексиконе человека: психолингвистическое исследование. Воронеж. 1990. С. 204.
119. Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М. 1999. 384с.
120. Звегинцев В. А. Предложение и его соотношение к

языку и речи. М.: изд. Московского ун-та, 1955. № 1. С. 69-81.
121. Звегинцев В. А. Экспрессивно-эмоциональные элементы и значение слова // Вестник Моск. Ун-та. Сер. филол. и журналистики. М. 1955. №1. С.69-81.
122. Земская Е. А. Морфология // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. С. 80-141.
123. Златев И. Мотивированность русских и болгарских междометий знаменательными частями речи http: // www.russian.slavica.org
124. Златев И. Междометия с семантическим компонентом «удивление» в болгарском и в русском языках. http://www.russian.slavica.org
125. Изард К. Е. Эмоции человека. М.: Изд. Московского ун-та. 1980. 440 с.
126. Ильина Н. В. Языковое содержание эмоциональности, экспрессивности и оценочности // Проблема семантики фразеологических единиц. Иркутск. 1986. С.73-80.
127. Исаев М. И. Очерки по истории изучения осетинского языка. Орджоникидзе, 1974. 92 с.
128. Исаев М. И. Фразеология осетинских произведений К. Хетагурова // Коста Хетагуров. Орджоникидзе, 1959. С. 285-303.
129. Исаев М. И. О языках народов СССР. М.: Наука, 1978. С. 92-93.
130. Исаев М. И. Территориально-функциональная характеристика осетинского литературного языка // Изв.

ЮОНИИ. Вып. 26. Цхинвали, 1981. С. 12-21.
131. Исаев М. И. Очерки по фразеологии осетинского языка. Орджоникидзе. 1964. 104 с.
132. Исаев М. И. Дигорский диалект осетинского языка. (Фонетика. Морфология). М., 1966. 224 с.
133. Исаев М. И. Социолингвистические проблемы языков народов СССР. М.: Высшая школа, 1982. С. 137.
134. Исаев М. И., Таказов Х. А. Осетинское языкознание: становление и задачи // Вопросы языкознания. 1985. №6.
135. Искоз А. М., Ленкова А. Ф. Выражают ли междометия понятия? // Уч. зап. ЛГУ. Сер. фил. науки. Вып. 48. Л. 1958. С. 68-73.
136. Камболов Т. Т. Современное состояние осетинского литературного языка как результат функционального взаимодействия осетинского и русского языков // Материалы международной научно-практической конференции. Владикавказ: Ремарко.2001. С.123-126.
137. Камболов Т. Т. Языковая ситуация и языковая политика в Северной Осетии: история, современность, перспективы. Владикавказ: изд-во СОГУ, 2002. 287 с.
138. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Москва: Гнозис, 2004. 390 с.
139. Карпов Л. П. Междометные слова и выражения русского языка и их основные синтаксические функции: Автореф. дисс. … канд. филол. наук. Ростов на/Д., 1971. 25с.
140. Карцевский С. Введение в изучение междометий // Вопросы языкознания. 1984. №6. С. 127-137.

141. Кашкин В. Б., Никитина С. В. Наши жемчужины // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 5. Воронеж, 2007. http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2007
142. Канцельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. Л.: Наука, 1972. 216 с.
143. Кибрик А. А., Подлесская В. И. Проблема сегментации устного дискурса и когнитивная система говорящего // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1/Под ред. В. Д. Соловьева. 2006. С. 138-158.
144. Кобозева И. М. Теория речевых актов как один из вариантов теории речевой деятельности // Новое в зарубежной лингвистике. Вып.17. Теория речевых актов. М: Прогресс, 1986. С. 7-22.
145. Кобозева И. М., Захаров Л. М. «Как много в этом звуке…» (просодико-семантические варианты русского междометия А) // Лингвистическая полифония: Сборник в честь юбилея профессора Р. К. Потаповой/Отв. ред. чл.-корр. РАН В. А. Виноградов. С. 609-627. М.: Языки славянских культур. 2007. http: // www.russian.slavica.org
146. Козинцев А. Г. Культура, природа, язык, смех // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1/Под ред. В. Д. Соловьева. 2006. С. 225-238.
147. Колева-Златева Ж. О происхождении некоторых русских эмотивных названий // Современный русский язык: функционирование и проблемы преподавания. Российский культурный центр. Венгерская ассоциация преподавателей русского языка и литературы. Вестник № 20. Будапешт. 2006. С. 69-73. http: //www.russian.slavica.org

148. Колшанский. Г.В. Функции, паралингвистических средств в языковой коммуникации // Вопросы языкознания. 1973. № I. С. 16-25.
149. Колшанский Г.В. Коммуникативная функция и структура языка. М.: Наука, 1984. 175 с.
150. Комина Н.А. Текстообразующая роль коммуникативной интенции // Содержательные аспекты предложения и текста. Калинин: изд. Калининского гос. ун-та, 1983. С. 122-128.
151. Комиссаров В.Н. Слово о переводе. М.: Международные от ношения. 1973. 215 с.
152. Комиссаров В.К. Лингвистика перевода. М.: Международные отношения, 1980. 166 с.
153. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение: Учебное пособие. М.: ЭТС, 2004. 192 с.
154. Комиссаров В.Н., Рецкер Я.И., Тархов В.И. Пособие по переводу с английского языка на русский. М.: Высшая школа, 1965. 176 с.
155. Коммуникативные единицы языка: Тезисы докладов МГПИИЯ им. М. Тореза. М. 1984. 150 с.
156. Косов В.Т. Междометия современного немецкого языка как особый разряд слов. М.: Изд-во 1-го МГПИИЯ, 1963. 30 с.
157. Костомаров В.Г. Междометия в английском языке // Принципы научного анализа языка. М. 1959. С.74-98.
158. Костомаров В.Г. Наш язык в действии: Очерки современной русской стилистики. М.: Гардарики. 2005. 287 с.

159. Кравченко А. В. Вопросы теории указательности: эгоцентричность, дейктичность, индексальность. Иркутск. 1992. С. 210.
160. Кравченко А. В. Язык и восприятие. Когнитивные аспекты языковой категоризации. Иркутск. 1996. С. 159.
161. Красавский Н. А. Образы эмоций в русской языковой картине мира // Русский язык в школе. 2002. №2. С.86-90.
162. Крейдлин Г. Е. Мужчины и женщины в невербальной коммуникации // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1/Под ред. В. Д. Соловьева. 2006. С. 159-172.
163. Кремнева А. В., Мягкова Е. Ю. Чувственные основания значения слова // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 5. Воронеж, 2007. http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2007
164. Крысин Л. П. О некоторых понятиях современной социальной лингвистики // Язык и общество. Саратов: изд. Саратовского гос. ун-та. 1977. Вып. 4. С. 3-19.
165. Крысин. Л. П. Социальные ограничения, в семантике и. сочетаемости языковых единиц // Семиотика и информатика. ВИНИТИ АН СССР. Вып. 58. М.,1986. С. 34-54.
166. Кубарев Е. М. Междометные и междометно-эллиптические эмоционально-отрицательные конструкции в русском языке в сопоставлении с немецким и другими языками // Уч. зап. Куйбышевского гос. пед. ин-та. Куйбышев, 1967. Вып. 52. С. 3-36.

167. Кубрякова Е. С. Номинативный аспект речевой деятельности. М., 1986. С. 156.
168. Кубрякова Е. С. Слово в дискурсе (новые подходы к его анализу) // Текст и дискурс: традиционный и когнитивно-функциональный аспекты исследования. Рязань, 2002. С. 7-11.
169. Кубрякова Е. С. Части речи с когнитивной точки зрения. М. 1997. С. 327.
170. Кудрявский Д. Н. О происхождении языка // Русская мысль. 1912. С. 7-13.
171. Латина О. В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности // Инс-т языкознания; отв. ред. В. Н. Телия. М.: Наука. 1991. С. 136-156.
172. Латышев Л. К. Курс перевода: Эквивалентность перевода и способы ее достижения. М.: Международные отношения. 1981. 248 с.
173. Левый И. Искусство перевода. М.: Прогресс, 1974. 397 с.
174. Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // Синтаксис текста М.: Наука, 1979. С. 18-36.
175. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл.1999. 287 с.
176. Леонтьева Е. А. Семантика междометных фразеологизмов // Актуальные проблемы лингвистики и журналистики. М. 1992. С. 154-160.
177. Литвин Ф. А. Экспрессивность текста и экспрес-

сивность слова // Проблемы экспрессивной стилистики/Отв. ред. Т.Г. Хазагеров, Н.М. Чмыхова, Л.В. Баскакова, Н.В. Текучева. Изд-во Ростовск. ун-та, 1987. С. 36-39.
178. Литовкина Н.В. Междометная фразеология и сфера ее функционирования // Эколингвистика: Теория, проблемы, методы. Саратов: «Научная книга». 2003. С. 161-164.
179. Лосев А.Ф. О понятии языковой валентности/Известия АН СССР. 1981. Сер. Лит и яз. Т. 40. Вып.5. С. 403-417.
180. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. (Проблемы семантики). Новосибирск: Наука. 1986. 215 с.
181. Лукьянова Н.А. Экспрессивность в системе, словаре и речи // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М.:Наука, 1991. С.157-179.
182. Лурия А.Р. Курс общей психологии. Мышление и речь. М. 1970. 72 с.
183. Лурия А.Р. Язык и сознание. М.: Изд-во МГУ, 1979. 319 с.
184. Ляшенко А.Л. Русско-английские интеръекционные параллели в свете современного понимания категории интеръекционных (междометных) единиц: Автореф. дисс…. канд. филол. наук. Самарканд, 1977. 21 с.
185. Магометов А.Х. Культура и быт осетинского народа. Орджоникидзе. 1968.
186. Марузо Ж. Словарь лингвистических терминов. М.,

1960. 436 с.
187. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория.// Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 48-57
188. Мещанинов И. И. Члены предложения и части речи. М.-Л.: изд. АН СССР, 1945. 322 с.
189. Мещанинов И. И. Новое учение о языке на современном этапе развития // Вестник ЛГУ. 1947. № 11. С. 244-261.
190. Миллер В. Ф. Осетинские этюды. М., 1881-1887. 716с.
191. Милосердова Е. В. Семантика и прагматика модальности (на материале простого предложения современного немецкого языка). Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 196 с.
192. Милосердова Е. В. Прагматика речевого общения. Учебное пособие. Тамбов: Изд-во ТГУ, 2001. 122 с.
193. Милославский И. Г. Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
194. Могутова Н. В. Основные проблемы использования эмотивных языковых единиц для придания высказыванию естественности и эмоциональности: (на примере англ. междометий) // Язык, коммуникация и социальная среда. 2002. Вып. 2. С. 88-93; [Электронный ресурс] // Межвузовские сборники научных трудов/под ред. В. Б. Кашкина. Воронеж, 2002. 27 февр. URL: http://tpl1999.narod.ru
195. Муханов И. Л. Функционирование частиц и интонации в экспрессивно-отрицательных предложениях со словом «какой» // Rustinar Bratislava. 1986. №8. P. 4-8.

196. Мягкова Е. Ю. Эмоциональная нагрузка слова: опыт психолингвистического исследования. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1990. 106с.
197. Никитина В. Ю. О разграничении понятий «экспрессивность», «изобразительность», «эмотивность» в лингвистике // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. С. 175-177.
198. Ободин Г. А. Исследование природы речевого смысла методом компонентного анализа // Контрастивная и функциональная грамматика. Киев: изд. Киевского гос. ун-та, 1985. С. 78-84.
199. Овсянико-Куликовский Д. Н. Синтаксис русского языка. С-Пб., 1912. 322 с.
200. Осипов Ю. М. Об уточнении понятия «эмоциональность» как лингвистического термина // Учен. зап. Моск. ун-та. 1987. С. 121-131.
201. Остин Д. Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22-130.
202. Павлова Н. М. О соотношении понятий «экспрессивность» и «эмоциональность» и об уточнении их лингвистической сущности. // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовск. ун-та, 1987. С. 47-53.
203. Парсиева Л. К. Теория междометия в общей парадигме современного языкознания. Владикавказ: Изд-во

СОГУ. 2006. 238 с.
204. Парсиева Л. К. О переводе эмотивной лексики в художественном тексте // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. С. 239-240.
205. Пауль Г. Принципы истории языка. М. 1960. С. 500.
206. Пахолкова Т. В. Междометия в речевом общении: Автореф. дис. канд. филол. наук. Череповец, 1998. 22 с.
207. Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. 6 изд. Учпедгиз, 1938. 511 с.
208. Петрищева Е. Ф. Лексика и фразеология в авторском повествовании от 1-го лица // Языковые процессы современной русской художественной литературы. Проза. М.: Наука, 1977. С. 241-288.
209. Петрищева Е. Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. М.: Наука, 1984. 222 с.
210. Петрищева Е. Ф. Стиль и стилистические средства (обзор взглядов лингвистов)/Стилистические исследования/Отв. ред. В. Д. Левин. На материале современного русского языка. М., 1972. С. 107-174.
211. Пиотровская Л. А. Эмотивность как языковая категория // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. Вып.2. 1993. С.41-47.
212. Пиотровская Л. А. Эмотивные высказывания как объект лингвистического исследования. Л., 1994. С. 146.
213. Попов П. С. Различные типы нарушений правильности речи и их значение, для выяснения характера вза-

имоотношения языка и мышления. В кн.: Язык и мышление. М.: Наука, 1967. с. 162-165
214. Потебня А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. 614 с.
215. Прохоров А. О. Рефлекивный слой психического состояния // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1/Под ред. В. Д. Соловьева. 2006. С. 186-206.
216. Рецкер Я. И. О закономерных соответствиях при переводе на родной язык // Вопросы теории и методики учебного перевода. М.: Изд. Акад. Педагог. наук, 1950. С. 157-183
217. Рецкер Я. И. Теория перевода и переводческая практика. М.: Международные отношения. 1974. 216 с.
218. Реформатский А. А. Лингвистика и поэтика/Отв. ред. Г. В. Степанов. М.: Наука, 1987. 263с.
219. Розенталь Д. Э., Голуб И. Б., Теленкова М. А. Современный русский язык. М., 1991. 560 с.
220. Романова Н. П. О метаязыке раздела лексикологии, изучающего экспрессивную лексику. // Экспрессивность лексики и фразеологии. Новосибирск. 1983. С. 147-159.
221. Российская грамматика Михаила Ломоносова. Печатано в Санкт-Петербурге при императорской Академии Наукъ, 1755. 210с.
222. Русская грамматика. Praha Academia, 1979. Т.1, 2. 1093 с.
223. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т.1. 707 с.
224. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т.2. 709 с.
225. Русская разговорная речь. Фонетика, Морфология.

Лексика. Жест. М.: Наука, 1983. 239 с.
226. Рыжова Л. П. Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дисс…. канд. филол. наук. М., 1982. 15 с.
227. Рябкова Междометные высказывания: эмотивная и коммуникативная функции // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. С. 178-180.
228. Сбитнев А. П. Гендер как фактор влияния на лексико-семантические замены в переводе // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 4. Воронеж, 2006. http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2006
229. Сдобников В. В. «Переводческие несоответствия»: коммуникативно-функциональный подход // Язык, коммуникация и социальная среда. Выпуск 5. Воронеж. 2007. http://tpl1999.narod.ru/WEBLSE2007
230. Селиванова Н. В., Чудова Н. З. Представление ситуативных знаний для модели речевого взаимодействия // Уч. зап. Тартусского гос. ун-та. Вып. 688. Принципиальные вопросы теории знаний. Тарту, 1984. С. 144-160.
231. Селяев А. В. Сопоставительный анализ лингвистических средств выражения положительных и отрицательных эмоций в британском и американском вариантах английского языка: Автореф. дисс….канд. филол. наук. Нижний Новгород, 1995. 24с.
232. Сергиенко Е. А. Онтогенетические аспекты модели психического // Когнитивные исследования: Сборник

научных трудов: Вып. 1/Под ред. В.Д. Соловьева. 2006. С. 123-137.
233. Серебрякова С.В. Культурно-историческая маркированность разновременных переводов литературного произведения // Слово и текст: коммуникативный, лингвокультурный и исторический аспекты. Материалы международной научной конференции. Ростов-на-Дону: НМЦ «Логос», 2009. С. 254-257.
234. Середа Е.В. К вопросу о статусе междометий // Русский язык в школе. 2002. №5. С.70-72.
235. Середа Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи: учебное пособие. М.: Флинта: Наука, 2005. 160 с.
236. Силин А.А. Средства описания эмоционального состояния: Автореф. дис….канд. филол. наук. М., 1988. 21 с.
237. Симонов П.В. Высшая нервная деятельность человека. Мотивационно-эмоциональные аспекты. М.: Наука, 1975. 175 с.
238. Синекопова Г.В. Междометия первого слоя в английском языке и их дериваты: семантико-прагматический и ономасиологический аспекты. Авт. канд. дис. Одесса, 1989. С. 17.
239. Смирницкий А.И. К вопросу о слове (проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка. М., 1952.
240. Смирницкий А.И. Объективность существования языка. М.:Изд-во МГУ, 1954. С. 27-31.

241. Соловьев В. Д. Экспериментальные исследования концептов эмоций // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1/Под ред. В. Д. Соловьева. 2006. С. 173-185.
242. Стеблин-Каменский М. И. К вопросу о частях речи // Вестник ЛГУ, 1954. Вып.6.
243. Степанов Ю. С. В поисках прагматики (Проблема субъекта) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 325-332.
244. Стернин И. А. Оценочность слова в языке и речи. // Исследования по семантике./Системно-функциональное описание и преподавание языка. Межвуз. науч. сб. Уфа, 1990. С. 18-26.
245. Стивенсон Ч. Некоторые прагматические аспекты значений // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М: Прогресс, 1985. С. 129-154.
246. Сусов И. П. Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы // Прагматика и семантика синтаксических единиц. Калинин: изд. Калининского гос. ун-та, 1984. – С. 3-12.
247. Сусов И. П. Прагматическая структура высказывания // Языковое общение и его единицы. Калинин: изд. Калининского гос. ун-та, 1986. С. 7-11.
248. Таказов Х. А. Модальные слова в осетинском языке./Известия СОНИИ. 1964. Вып.1 Т.24. С. 84-91.
249. Таказов Х. А. Значение повелительного наклонения в осетинском языке. // Проблемы осетинского языкозна-

ния. Орджоникидзе, 1984. С. 106-119.
250. Тарасов Е. Ф. Социально-психологические аспекты этнопсихолингвистики // Национально-культурная специфика речевого общения. М.: Наука, 1977. С. 38-54.
251. Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 141 с.
252. Телия В. Н. Механизмы экспрессивной окраски языковых единиц // Человеческий фактор в языке: языковые механизмы экспрессивности. М., 1991. С. 36-67.
253. Телия В. Н. Экспрессивность как проявление субъективного фактора в языке и ее прагматическая ориентация. // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности./Отв. ред. В. Н. Телия. М., 1991. С. 5-35.
254. Техов Ф. Д. Выражение обращения и вежливости в осетинском языке // Осетинская филология. (Ирон филологи). Орджоникидзе, 1984. С. 73-86.
255. Туебекова З. Д. Место междометий в системе частей речи современного английского языка: Автореф. дисс…. канд. филол. наук. М., 1984. 23 с.
256. Уфимцева А. А. Лексическое значение. Принципы семасиологического описания лексики/Отв. ред. Ю. С. Степанов. М.: Наука, 1986. 239 с.
257. Ушакова Т. Н. Познание, речь, язык // Когнитивные исследования: Сборник научных трудов: Вып. 1/Под ред. В. Д. Соловьева. 2006. С. 13-27.
258. Федоров А. В. Введение в теорию перевода. М. 1958. 376 с.

259. Федоров А. В. Искусство перевода и жизнь литературы: Очерки. Л.: Сов. писатель, 1983. 352 с.
260. Федоров А. В. Основы общей теории перевода. Лингвистические проблемы. С.-П., 2002. 418 с.
261. Филин Ф. П. Современное общественное развитие и проблемы двуязычия // Проблемы двуязычия и многоязычия. М: Наука, 1972. С. 13-25.
262. Филин Ф. П. Истоки и судьбы русского литературного языка. М.,1981. 325 с.
263. Фомина М. И. Современный русский язык. Лексикология. М., «Высшая школа». 2001. 415 с.
264. Формановская Н. И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. М.: Русский язык, 1982. 126 с.
265. Формановская Н. И. О смысловой объемности текста с коммуникативно-прагматической точки зрения // Русский язык за рубежом. 1986. № 5. С. 44-48.
266. Фортунатов Ф. Ф. Сравнительное языковедение (Лекции 1897/98 г.) С-Пб., 1898. 252с.
267. Хван Н. А. Когнитивно-прагматические и эмотивно-экспрессивные свойства междометных единиц в художественном тексте. Автореферат дис…. канд. филол. наук. Тула, 2005. 25 с.
268. Хомская Е. Д. Нейропсихология эмоций: гипотезы и факты // Вопросы психологии. 2002. №4. С. 50-61.
269. Хубецова З. Р. Осетинские клятвенные формулы// Вопросы осетинского языкознания. Т. XXXII. Орджоникидзе.1977. С.63-86

270. Цопанова Р.Г. Звукопись как стилистическое средство // Лингвистические этюды/Под ред. З.Х. Тедтоевой. Владикавказ, 2000. Вып.6. С. 240-246.
271. Цопанова Р.Г. Вербальное поведение осетин // Национальные отношения и межнациональные конфликты. Владикавказ, 1997. С. 312-317.
272. Цопанты Р.Г. Аивадон уацмысы лингвистон анализ // Ирон ныхасы культура. Орджоникидзе, 1989. С. 105-111.
273. Цопанова Р.Г. Стилистическая дифференциация лексико-фразеологических и грамматических средств осетинского языка: автореферат дисс. на соискание докт. фил. наук. Владикавказ. 2007. 42 с.
274. Части речи. Теория и типология. М., 1990. С. 268.
275. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи/отв. ред. Кубрякова Е.С. М., 1991. 238 с.
276. Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности/отв. ред. Телия В.Н., Графова Т.А., Шахнарович А.М. М. 1991. 214 с.
277. Чесноков П.В. Логические и семантические формы мышления как значение грамматических форм // ВЯ, № 5. 1984. С. 3-14.
278. Чибирова М.Л. Художественный перевод и проблема национального колорита. Владикавказ. 2006. 173 с.
279. Чубур Т.А. Коннотативный компонент значения в контрастивных исследованиях // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». №5 (39). 2009. С. 139-143.

280. Чуковский К. И. Высокое искусство. М.: Сов. Писатель. 1988. 352 с.
281. Шаронов И. А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий. http: // www.dialog-21.ru
282. Шаронов И. А. К вопросу о разграничении эмоциональных междометий и модальных частиц: http: // www.dialog-21.ru
283. Шаронов И. А. О скрытых признаках производных междометий // Скрытые смыслы в языке и коммуникации: Сборник научных статей/М.: РГГУ. 2007. 250 с. http://www.russian.slavica.org
284. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. Л.: Учпедгиз.1941.620с.
285. Шаховский В. И. Национально-культурная специфика эмоций в языке оригинала и ее отражение в языке перевода // Тетради переводчика. Вып. 23. М.: Высшая школа, 1979. С. 74-84.
286. Шаховский В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983. С. 94.
287. Шаховский В. И. Лексикография и коннотативная семантика // Лексические и грамматические компоненты в семантике языкового знака. Воронеж. 1983. С. 27-34.
288. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987. 127 с.
289. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность // Коммуникативные аспекты значения. Волгоград, 1990. С. 29-40.
290. Шаховский В. И. Типы значений эмотивной лексики

// Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 20-26.
291. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград. 2005. С. 173-204.
292. Шаховский В. И. Жура В. В. Дейксис в сфере эмоциональной речевой деятельности // Вопросы языкознания. 2002. №5. С.38-57.
293. Шведова Н. Ю. Междометия как грамматически значимый элемент предложения в русской разговорной речи // Вестник языкознания. 1957. № 1 С. 85-95.
294. Шведова Н. Ю. Об активных потенциях, заключенных в слове. // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. С. 7-14.
295. Швейцер А. Д. К проблеме лингвистического изучения процесса перевода // Вопросы языкознания. 1970. № 4. С. 30-42
296. Швейцер А. Д. Перевод и лингвистика. М.: Воениздат, 1973. 280 с.
297. Швейцер А. Д. Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. М.: Наука, 1988.
298. Шегрен А. М. Осетинская грамматика, с кратким словарем осетинско-российским и российско-осетинским. Санкт-Петербург, 1844. 890 с.
299. Шигуров В. В. О ступенчатом характере и пределе интеръективации глаголов в русском языке (на материале императивных образований) // Русская и сопоставительная филология: состояние и перспективы: Международная научная конференция, посвященная 200-летию

Казанского университета (Казань, 4-6 октября 2004 г.): Труды и материалы:/Под общ. ред. К.Р. Галиуллина. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2004. С.129-131.
300. Щерба Л.В. О частях речи в русском языке // Русская речь. Л.: Academia, 1928. Вып. 2. С. 5-27.
301. Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с.
302. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. Фрагменты книги // Иностранная литература. 2005. № 10. С. 282-291.
303. Эко У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе. – С.-Пб.: Symposium, 2006. 574 с.
304. Язык и массовая коммуникация: Социолингвистические исследования/Отв. ред. Э.Г. Туманян. М.: Наука, 1984. 277 с.
305. Abelson R.P. Psychological status of the script concept // American psychologist. 1981. V. 36. P.43-50.
306. Ameka F. The meanining of phatic and conative interjections. Journal of Pragmatics, Vol. 18, Nos 2/3 Sept., 1992. P.245-271.
307. Ameka F. Interjections: The universal yet neglected part of speech. Introduction. Journal of Pragmatics, Vol. 18, Nos 2/3 Sept., 1992. P.101-118.
308. Boucher S.D., Brandt M.E. Judgement of emotion: American and Maloy antedecents // Journal of cross-cultural psychology. 1981. V. 12. P. 37-49.
309. Buhler K. Deixis ad Phantasma and the anaphoric use of deictic words // Speech, place and action1982.

310. Danes F. Sentese intonation form a functional point of view-word, 1960. V. 16. P. 34-37.
311. Ekman P. Universal and cultural differences in facial expressions of emotions // Nebraska symposium on motivation/Ed. by J.K. Cole, Lincoln, 1972. P. 57-72.
312. Fiedler K. On the task, the measures and the mood in research on affect and social cognition Emotion and social judgements // Ed. by J.P. Forgas. London, 1991.
313. Fries Ch. The structure of English. NY, 1952. P. 304.
314. Frijda N.H. The emotions. Cambridge, 1986.
315. Frijda N.H. Emotion, cognitive structure, and action tendency // Cognition and emotion. V. 1., 1987. P. 121-135.
316. Johnson-Laird P.N., Oatley K. The language of emotions: An analysis of a semantic field Cognition and emotion. V. 3. 1989.
317. Russell.I.A. In defense of a prototype approach to emotion concepts // Journal of personality and social psychology. V. 60. 1991.
318. Schourup. L.C. Common Discourse Particles in English Conversation. NY, London, 1985. P. 173.
319. Stevenson Ch. Some pragmatic aspects of meaning // Readings in semantics: Illinois, 1974. P.17-25.
320. Wierzbicka A. Lexicon as a key to history, culture, and society // Dirven R. & Vanparys J (Eds.) Current approaches to the iexicon. Frankfurt am Main etc.: Peter Lang, 1995. P. 103-155.
321. Wilkins D.P. Interjections as deictics. Journal of Pragmatics, Vol. 18. Nos 2/3 Sept., 1992. P. I 19-158.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ

1. Абаев В.И. Русско-осетинский словарь/под ред. М.И. Исаева. М. 1970. 584с.

2. Абаев В.И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1-4. Л.,1958-1989.

3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1996. 807 с.

4. Багаты Н.К. Ирон æвзаджы орфографион дзырдуат. Орджоникидзе, 1963. 399с.

5. Багаты Н.К., Тахъазты Х.А. Ирон орфографион дзырдуат. Дзæуджыхъæу: Аланыстон, 2002. 685 с.

6. Гацалова Л.Б., Парсиева Л.К. Большой русско-осетинский словарь. Владикавказ, 2011.

7. Даль В.В. Толковый словарь великорусского языка. 1-4 т. М., 1995.

8. Ирон-уырысаг дзырдуат. 4-æм рауагъд. Дзæуджыхъæу, 1993. 384с.

9. Квеселевич Д.И., Сасина В.П. Русско-английский словарь междометий и релятивов. М., 2001. 512 с.

10. Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1990. 687с.

11. Меликян В.Ю. Словарь. Эмоционально-экспрессивные обороты живой речи. М.: Флинта: Наука, 2001. 240с.

12. Миллер В.Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. 1-3 т. Л., 1927-1934.

13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1984.

14. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь рус-

ского языка. М., 2001.
15. Психологический словарь. М.: Педагогика, 1983. 448с.
16. Словарь практического психолога. Минск: Харвест, 1998. 800с.
17. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1-17. М.-Л., 1948-1965.
18. Толковый словарь осетинского языка. Под ред. Н. Я. Габараева. Т. 1. М.: Наука. 2007. 510 с.
19. Толковый словарь русского языка. Под ред. Дмитриева Д. В. М.: Астрель: Аст, 2003. 1582с.
20. Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 2002. 700 с.
21. Хъулаты Г. Орфографион дзырдуат. Орджоникидзе, 1956. 262 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

1. Отражение эмотивности в языке 7

Субстантивные эмотивные единицы 10

Эмотивы, соотносимые с глаголом 32

Интерьектиизмы, производные от наречий 36

Эмотивы, производные от частиц и звукоподражаний 42

Эмотивные фразеологизмы 45

Волитивно-эмотивные единицы 60

Эмотивные грамматические единицы в осетинском языке. Эмотивные и когнитивные единицы 63

Эмотивные устойчивые сочетания 85

Заимствование эмотивов и эмотивных образований 101

Сопоставительное описание эмотивных грамматических единиц 107

Теоретические и практические вопросы перевода эмотивов 114

Проблема сохранения национального колорита эмотивов 119

Семантико-стилистическое содержание и синтаксические функции эмотивов в аспекте перевода. .. 123

Лексикографическая репрезентация эмотивов и эмотивных образований. Представление эмотивов в толковых словарях 125

Эмотивные единицы в переводных словарях 131

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 137

БИБЛИОГРАФИЯ 146

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНИКОВ 178

Научное издание

ПАРСИЕВА ЛАРИСА.КОНСТАНТИНОВНА,
ГАЦАЛОВА ЛАРИСА.БОРИСОВНА

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОТИВНОСТИ В ЯЗЫКЕ

Книга издана в авторской редакции

Компьютерная верстка – *А.В. Черная*

Подписано в печать 30.10.12.
Формат бумаги 60×84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура «Times». Усл. п.л. 10,4.
Заказ № 152. Тираж 100 экз.

Отпечатано ИПО СОИГСИ
362040, Владикавказ, пр. Мира, 10.